

ПОХИТИТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ

СЕКИРА ПЕРУНА



Екатерина Александровна Неволина
Секира Перуна
Серия «Похитители
древностей», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949475
Неволина Е. А. Секира Перуна: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58321-8

Аннотация

На секретную организацию, занимающуюся поисками древних артефактов, совершено дерзкое нападение. Единственной зацепкой в расследовании стал браслет с древним славянским символом – знаком бога Перуна. Глеб, Александра, Северин и Динка отправляются на поиски магической реликвии, но каждый раз им мешают все новые и новые обстоятельства, как будто кто-то намеренно преграждает ребятам путь. Вот только чьи это козни? Человека или сил куда более древних?..

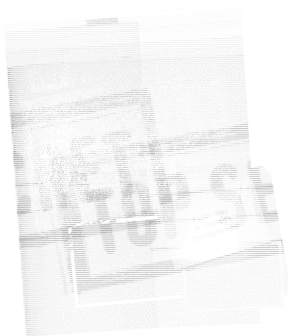
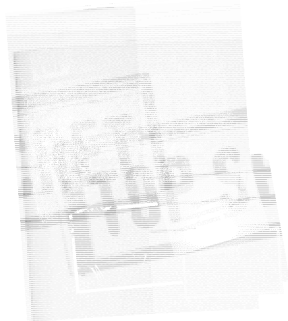
Содержание

Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	41
Глава 4	57
Глава 5	76
Глава 6	94
Глава 7	120
Глава 8	133
Глава 9	151
Глава 10	171
Глава 11	191
Глава 12	206
Глава 13	220
Глава 14	233
Глава 15	243
Глава 16	267
Глава 17	291

Екатерина Неволина

Секира Перуна





– И по указанию светлейшего князя, да будет идол поганый высечен кнутом и сброшен в реку! – проговорил высокий темноволосый детина.

Словно в ответ на его слова, зашумели листья старого дуба, а в сизо-серое пасмурное небо взвились птицы, оглашая окрестности тревожными гортанными криками.

Люди, собравшиеся вокруг чтеца указа, перегляну-

лись. На их простых, словно высеченных топором, лицах застыло выражение беспокойства.

– А тех, кто будет поклоняться бесам, притворявшимся богами, ждет суровое наказание! – продолжал чтение чернобородый. – Потому как...

Но объяснить, почему, он не успел. Толпа заволновалась и расступилась, пропуская статного старца с густой седой бородой и длинными, перехваченными обручем волосами.

– Тебе ли, Микитка, народ пугать? – проговорил старец молодым, несмотря на прожитые зимы, голосом. – Не ты ли сам гнева дедушки-Перуна боялся? Чай, вымахал и не помнишь, как в грозу в горнице под полатами хоронился? Не ты ли жертвы ему приносил, чтобы умилизовать?

В толпе засмеялись. В это тяжелое, темное время каждое веселое воспоминание было дороже новенькой монеты с чеканным изображением светлого княжьего лика.

Чтец, смутившийся при появлении нежданного гостя, вновь вспомнил, что он здесь – лицо должностное, наделенное властью, и приосанился.

– Нет иного бога, чем Тот, о ком рассказывает греческое учение! – заявил он, выпячивая грудь, а заодно с ней немалое пузо. – Что мне твой Перун сделает! Да вот на него... – и чернобородый смачно плюнул в сторону каменного идола.

Слюна его попала на расположенный перед изваянием жертвенный камень. В толпе ахнули. И тут же, словно в ответ на святотатственные действия, вдали послышался раскат грома.

– Не спеши, Микитка, бахвалиться. Вот то-то тебе Перун сейчас покажет! – старец, опираясь на высокий дубовый посох, подошел к алтарю и встал между ним и неслушником.

Люди ждали. Для них слова о каком-то греческом божестве имели немного смысла. Но ни у кого не было уверенности, что стоит гневить нового бога: вдруг он сильнее старых. Нет уж, лучше жить в мире со всеми богами. Однако Микита слишком лихо забирает: зачем же Перуна сечь да в реку сбрасывать? Ну поставили бы еще один жертвенник – небось потеснились бы старые боги, пустили бы к себе и нового... Мир-то, чай, широк, всех вместит. Но, видно, был новый бог нетерпелив и жаден до внимания, потому как взмахнул чернобородый Микита рукой – и выступили вперед княжеские дружинники. Бог уж с богами – до них далеко, а князь близко и, как известно, гневлив дюже... А дружинники, похоже, не шутят... И толпа на всякий случай отступила, оставляя седого жреца один на один с ревнителями новой веры. Вот сейчас и станет ясно, кто из них сильнее...

Хмурое небо вспорола далекая молния, а несколькими мгновениями позже снова загрохотал гром – уже

ближе... Хлынул дождь. Под его косыми холодными струями полотняные одежды тут же намокли, а волосы длинными прядями налипли на лицо.

– Гневается Перун-то, – слышался чей-то густой бас.

Чернобородый грозно потряс кулаком и кивнул дружинникам на старого жреца, закономерно считая его главным противником и не размениваясь по мелочам.

Княжьи воины подступили к старцу, однако он вдруг ловко извлек из одежд большой, не слишком хорошо выкованный нож. Прежде чем нападающие успели приблизиться к нему, жрец вонзил острие себе в грудь. Закапали на алтарь темно-алые капли, тут же смытые в землю проливным дождем. А лицо старого жреца меж тем страшно исказилось.

– Прокляты будьте, собаки, забывшие свои корни! Не будет вам милости от богов! Будете вы страдать и рвать друг друга, как голодные псы! Не знать вам вовек покоя! Будьте же вы прокляты!

Испуганные страшным зрелищем, теснились в отдалении люди, а чернобородый Микита, тоже оробев, отступил от наступающего на него старца. Но не ушел далеко – скрюченные старческие пальцы вцепились в его новую, надетую специально по случаю важного поручения, рубаху.

– И тебе, Микитка, не пережить этого дня! Но и после не отправишься ты в чертоги предков – будешь из ве-

ка в век вину свою искупать! Да будет так! Я сказал! — закончил жрец, подтянув поближе к себе побелевшего врага.

И в этот миг ослепительная вспышка ударила прямо в алтарь. Такая яркая, что люди закрыли глаза, а большинство из них, утробно воя, повалилось прямо в черную жирную грязь.

Оглушительно загрохотал гром, задрожала земля. Тут и те, кто еще держались на ногах, рухнули на-земь... А гром все гремел и гремел, словно настал самый последний день на свете...

...Когда отгремел гром, затих ливень, а земля перестала вырываться из-под ног, словно норовистая степная лошадь, люди осмелились наконец поднять головы.

Грязные, вымокшие, они были сейчас как близнецы — и не различишь, где мужичье, смерды, а где княжьи воины...

— Гляди, гляди! — крикнул вдруг кто-то, тыча пальцем туда, где еще недавно стоял алтарь.

Картина диковинным образом изменилась — ни старого жреца, ни чернобородого Микиты больше не было видно, а на месте капища старого бога вырос холм, посреди которого еще торчал обломанный дуб.

И не понять, кто же победил — старый или новый бог. Люди с недоумением переглянулись, а затем, один за другим, поспешили покинуть страшное место. Как из-

вестно: князья дерутся – у смердов шкуры трещат, лучше уж в распри богов не ввязываться, целее будешь. Здесь, на земле, своих дел невпроворот: поле возделывать, за скотиной ухаживать, детей растить да к своей работе приучать... А с богами... образуется как-нибудь, со временем станет видно.

Меж тем гроза прошла, небо стало разъясняться, и вскоре вновь засияло яркой синевой...

Сверкала река, обегая заросший кудрявыми деревьями остров, раскрывались после дождя в заводи кувшинки, и только над старым разломленным дубом все еще висела последняя туча, словно накрывая его огромной нечеловеческой ладонью...

Глава 1

Ничто не предвещало беды...

Северин неуверенно оглядел содержимое своего платяного шкафа и задумчиво погрыз ноготь на большом пальце. До начала праздника оставалось не более двадцати минут, и за это время требовалось привести себя если не в достойный, то хоть в сколь-нибудь приличный вид. Униформы в школе не было, и ученикам предоставлялась редкая возможность подбирать себе одежду по собственному вкусу. Вот это и стало неожиданной проблемой. Спортивной, а также удобной «лесной» одежды у Северина имелось в избытке, хотя особенного внимания тряпкам он не уделял – главное, чтобы было комфортно и чисто. Интуиция подсказывала, что, наверное, не стоит появляться на празднике в потертых джинсах или любимых найковских штанах, но что же тогда надеть?..

Парень поморщился, и вдруг его простое лицо, главным украшением которого являлись необыкновенно чистые и яркие синие глаза, озарила радость.

– Эврика! – вскричал он, ныряя в нутро шкафа. – Куда же он запропастился, этот чертов костюм?! Ведь я надевал его еще на прошлый Новый год...

Поисковые работы принесли результат, и вскоре Се-

верин уже напяливал на себя черные костюмные брюки, оказавшиеся немного коротковатыми... Но настоящая беда вышла с пиджаком. Как выяснилось, за время, прошедшее с прошлого знакомства с костюмом, Северин умудрился еще сильнее раздаться в плечах, и пиджак теперь просто категорически не желал застегиваться, сколько парень ни втягивал в себя воздух, а от рубашки тут же отлетели две пуговицы. Причем не просто так, а подло, «с мясом».

– Не айс, однако, – пробормотал парень, с большим сомнением разглядывая себя в зеркале.

Меж тем время уже поджимало, и тогда Северин принял поистине соломонино решение, безусловно, встретившее бы полное одобрение у древнего еврейского царя. Он снял негодную рубашку, заменив ее на простую белую футболку (уж такого-то добра у Северина было навалом), а сверху, не пытаясь уже застегнуть, накинул пиджак.

– Так-то лучше. Если уж не Джонни Депп, то Вин Дизель, – оценил он сходство с известным актером боевиков.

Время подходило к концу, поэтому, пригладив непослушные русые волосы, все еще немного влажные после душа, Северин поспешил в главный школьный зал.

Их школа была не совсем обыкновенной. Во-первых, располагалась она в небольшом, но тщательно охраняемом одноэтажном здании в ближайшем Под-

московье. Во-вторых, училось в ней всего четверо учеников. Каждый из них обладал особым талантом и занимался по собственной программе, призванной как можно лучше развить его индивидуальные способности. Ну а в-третьих, только в их школе ученики выполняли настоящие задания, связанные с реальным риском и в то же время дарующие настоящее чувство победы. Прошрое путешествие, завершившееся всего несколько дней назад, увенчалось успехом, что и стало поводом для сегодняшнего торжества.

Когда Северин вышел в зал, Глеб и Александра уже были там, и со стороны они показались бы отличной парой. Оба высокие, стройные и до предела, до последней мелочи, элегантно-аккуратные. Взглянув на них, Северин, обычно не особо озабоченный собственной внешностью, завистливо вздохнул. Ему никогда не добиться такой безупречности, как ни старайся.

Глеб – высокий, скорее худощавый, подтянутый, не такой мускулистый, как Северин, стоял у кресла, где сидела девушка. Вот на нем костюм сидел как влитой – было видно, что он как раз нужного размера и к тому же идеально подогнан по фигуре.

Александра сегодня была особенно хороша – в простом длинном черном платье, не облегающем, но сидящем удивительно по фигуре. Волосы – собраны в прическу, единственная выпавшая из нее прядка спускается на ухо так элегантно-небрежно, что не возника-

ет сомнения: чтобы добиться такого эффекта, требуется время и терпение. И пахло от нее очень приятно. Северин, чувствительный к запахам, различил нотки мокрого дерева, ванили, пачули и каких-то сладких цветов...

– Что это? – полюбопытствовал он, подходя к сидящей в кресле Александре. – Я о духах...

– А, – она улыбнулась, – Ангелы, а может, и демоны. Они там в одном флаконе.

– Не надо о демонах, – вздрогнул Глеб. Все это время он стоял у кресла Александры, но при этом, очевидно, не обращал никакого внимания на сидящую там девушку и думал о чем-то своем.

– Это точно, – хмыкнул Северин, – честно говоря, я и сам как о том страшилище вспомню, как-то не по себе делается... Лично я готов драться с кем угодно, если только этот кто-то нормальный... ну, в смысле живой...

Александра потерела тонкими пальцами нить жемчуга, спускавшуюся до середины невысокой груди, и зябко повела плечами.

На секунду всем троим показалось, будто по комнате пронесся порыв пронизывающего северного ветра.

Каждый из них совершенно четко вспомнил сейчас узкие темные тоннели под Москвой-рекой, давящую тяжесть древних стен, повидавших на своем веку такие ужасы, что не дай боже, и мертвых, но оттого не менее опасных, опричников, а главное – того чернобо-

родого колдуна...

– И все-таки, я так и не понял, почему он тебе тогда подчинился... – проговорил Глеб. Между его четко очерченных бровей пролегла легкая складочка беспокойства.

Северин не знал, как ответить на этот уже не в первый раз задаваемый вопрос... Он и сам хотел бы знать... Или не хотел. Меньше знаешь – крепче спишь. А от этого – брр! Только мурашки по коже, все волосы дыбом становятся.

– Думаю, мне помогла Книга, – предположил он наконец. – Она хорошая, добрая...

– Это она-то? – Глеб уставился на друга так, словно тот превратился в чудовище с жвалами и щупальцами.

Александра молчала, но тоже с интересом смотрела на Северина. Книга, которую они добыли в подземелье, обладала собственной силой и казалась живой. Назвать ее хорошей мог, пожалуй, только добродушный Северин. Другие подобрали бы для ее описания иные слова. Например, опасная.

Парень смутился. И тут, словно для того, чтобы выручить Северина из неловкой ситуации, в зал вошли директор школы и его помощница Светлана.

– Добрый вечер, – Евгений Михайлович оглядел ребят с мягкой улыбкой. – А где же наша меньшая? Как всегда опаздывает?..

– А что, я уже здесь! – из-за его спины высунулась

Динка, и Северин едва сдержал вздох.

Динке было всего тринадцать, она просто обожала компьютерные игры и, конечно, не нашла ничего лучше, чем явиться на торжество в джинсах, продранных на коленках, и в футболке с символикой своего любимого WarCraft'a.

Евгений Михайлович и Светлана переглянулись.

— Ну что же, я рад, что все в сборе, — сказал директор, словно не заметив наряда одной из своих учениц. — Вы все отлично потрудились и, конечно, заслужили отдых. Вы молодцы, ребята! Никто, кроме вас, не достал бы Велесову книгу. Я совершенно в этом уверен.

— Мы с Евгением Михайловичем думали, как вас наградить, — продолжила его речь Светлана. Сегодня на ней было асимметричное кроваво-красное платье и блестящие лаковые туфельки на высоченном каблучке. — И наконец решили. Пусть каждый выберет для себя награду сам.

Ребята задумчиво молчали.

— Разумеется, не сейчас. Вы можете подумать и высказать пожелание в любое время, — успокоил их директор. — И на этом официальную часть, думаю, можно закончить. Прочь все дела и заботы! Сегодня надо есть, танцевать и веселиться! — добавил он весело.

Четверо ребят и двое взрослых сели за роскошно накрытый стол.

«И что я заморачивался на костюм?» – подумал Северин, накладывая на бутерброд черную икру и косясь на Динку, которая, уже не церемонясь, целиком запихивала в рот шоколадный эклер.

Постепенно обстановка становилась все более неформальной. Ребята, с подачи Евгения Михайловича, перебирали подробности прошлого похода, но уже в юмористическом ключе. Глеб напомнил, как они приехали в Александров, совершенно уверенные, что Библиотека Ивана Грозного и спрятанная в ее недрах Велесова книга именно там. О том, как встретились с командой дилетантов-любителей истории и как двигали в погребе у старика мешки с картошкой. Динка от души хохотала и показывала всех персонажей этой истории в лицах. Северин мельком подумал, что у нее, должно быть, неплохой актерский талант. Даже Александра, обычно сдержанная и похожая на Снежную королеву, улыбалась, и на щеках ее появился слабый румянец – то ли от воспоминаний, то ли от выпитого шампанского.

Вдруг у директора зазвонил телефон. Евгений Михайлович вытащил аппарат из кармана и посмотрел на дисплей так, словно не верил собственным глазам, затем поднялся и отошел в глубь зала, отвечая на звонок.

Вроде бы ничего особенного, мало ли кто может звонить директору по делу, но Северина вдруг кольнуло странное предчувствие, будто это неспроста и что-то обязательно должно произойти...

Буквально через минуту Евгений Михайлович вернулся. Он уже не улыбался, и Северин разглядел залегшие под глазами мужчины тени – свидетельства тяжелой и кропотливой работы, бессонных ночей и неисчислимых тревог.

– Ребята, простите, – серьезно произнес директор. – Думал вот так запросто посидеть с вами, но увы, не получается. Дела. Придется ехать. Отпустите?

Видно было, что этому сильному человеку действительно стыдно, но выхода у него нет.

– О чем речь?! – отозвался Глеб, лидер группы. Остальные кивнули.

Евгений Михайлович, как равным, пожал руку Глебу и Северину, попрощался с девочками и поспешно вышел из зала.

Пару минут за столом царило молчание. В обычных школах с уходом директора веселье только начинается, а здесь, напротив, чувствовалось, что без Евгения Михайловича праздник словно утратил свое значение.

– Не грустите, – ободрила их Светлана. – Что сказать – дела. А мы с вами придумаем сейчас что-нибудь веселое... Вот, например...

Она не успела договорить, потому что именно в этот момент и началось незапланированное веселье.

Бабах! – взорвались мелкими осколками сразу четыре окна, и Северину показалось, что он попал в один из восточных боевиков, потому что в комнату разом вле-

тели четыре черные гибкие фигуры. Буквально влетели, повиснув на тросах, как и поступали подобные персонажи в голливудских фильмах.

«Во дают!» – присвистнул Северин, еще не соотнося происходящее с реальностью.

Глеб, между тем, уже вскочив со своего места, кинулся наперерез незванным гостям.

Динка громко взвизгнула и швырнула в одного из новоявленных ниндзя тарелкой. Тот легко уклонился, и тарелка с диким звоном разбилась о стену.

– Дали бы мне джойстик в руки, я бы тебе показала!.. – угрожающе пробурчала Динка.

И Северин вдруг очнулся. Как-то разом понял, что это – не игра, не голливудский блокбастер. Рыкнув что-то неразборчиво, но грозно, он одним махом, словно взведенная пружина, оказался на ногах. Тяжелый дубовый стул словно сам собой прыгнул ему в руку. Северин легко превратил его в нечто наподобие ветряной мельницы, вращая легко, словно не чувствуя его веса. Один из неосмотрительных противников, не разобравшийся, с кем имеет дело, не сумел уклониться и, получив удар в голову, полетел на пол. Глеб дрался у окна с еще одним из нападавших. И, как сумел оценить Северин, примерно на равных: оба были быстры и умелы в драке.

– Ну, считайте, вы меня разозлили, – пробормотал Северин, легко блокируя удар нового нападающего.

В груди, действительно, начинала подниматься знакомая волна ярости. Северин уже готов был разрешить ей обрушиться девятым валом, и тут... воздух вокруг него заволокло густой дымкой, глаза тут же отчаянно зачесались, легкие опалило огнем, а руки и ноги ослабли, словно все мышцы вдруг по волшебству превратились в скрюченные тряпки.

Рыча от боли и злости, Северин грохнулся на пол от простой подсечки, успев разглядеть рядом со своим лицом словно выплывшую из тумана черную руку. В кожаной штурмовой перчатке с нашлепками на суставах. Черный рукав немного задрался, и Северин четко различил на запястье нападающего странный узор...

Дальше он не помнил почти ничего. Приступ боли скрутил внутренности, как рачительная домохозяйка, скручивающая влажное белье.

– Так нечестно!.. – только и успел прохрипеть он.

Вторая порция газа досталась Глебу, и ему тоже пришлось ничуть не легче, чем Северину.

Нападающие шагнули к девочкам.

Динка все бросалась в них предметами посуды. Светлана, как самая взрослая и умная, успела-таки вытащить мобильник и пыталась позвать на помощь, когда один из чернолицых (а лица у всех нападающих были скрыты черными шапочками-террористками) выверенным ударом выбил у нее из рук телефон, и тот, отскочив к стене, разбился. Одна только Александра по-

прежнему сидела на своем стуле и наблюдала за происходящим словно издалека, из сумрака зрительного зала. И благодаря этому картина становилась какой-то и вовсе сюрной, нереальной.

– Где ваш директор? – глухо спросил подскочивший к ней чернолицый.

Александра чуть приподняла брови, взглянула на нападающего со странным выражением, словно с жалостью, и опустила взгляд на свое запястье, украшенное маленькими аккуратными часами.

– Уехал. Пять с половиной минут тому назад, – произнесла она совершенно спокойно.

Это произвело впечатление на ниндзя. Они словно в нерешительности переглянулись. Вдруг у одного из них, того самого, что задавал вопрос, запищал какой-то прибор, размещенный у уха.

– Уходим, – резко крикнул он остальным.

Нападающие кинулись к своим веревкам и, ловко подтянувшись, исчезли в окне, словно их и не было.

Глава 2

Таинственный незнакомец

«Они уходят!» – словно вспышка, сверкнуло в мозгу у Северина.

Эта мысль неожиданно привела его в чувство. Еще шатаясь от слабости и чувствуя себя так, словно его прокрутили в стиральной машинке, парень поднялся на ноги.

– Что они с тобой сделали? – спросила подскочившая к нему Динка.

Девочка подставила ему свое худенькое плечико, и Северин почувствовал новую вспышку злобы. Теперь за ним серьезный должок. Кто бы ни напал на школу, он разыщет этих людей и воздаст им по заслугам! Они еще пожалеют!

Отстранив Динку, Северин бросился к выходу. Неподалеку есть лестница на чердак, оттуда можно проникнуть на крышу, и, возможно, еще удастся перехватить нападавших.

Тело все еще плохо слушалось его, однако Северин не зря приучил себя к тяжелым многочасовым тренировкам, к тому же злость прибавляла сил. У него была цель, и остановить его не смог бы сейчас никто.

Взбежав по шаткой лестнице на чердак, парень под-

натужился и открыл тяжелый люк. Позади послышалось легкое дребезжание лестницы.

Северин обернулся, готовый дать отпор новым врагам, однако на чердаке показался Глеб. Он был очень бледен, а на скуле его наливался кровью свежий синяк.

– Они на крыше? Мы успели? – с трудом переводя дыхание, спросил Глеб.

– Сейчас посмотрим.

Подтянувшись на руках, Северин выбрался на крышу и сразу понял: поздно. На горизонте стремительно удалялись от здания школы несколько крылатых мотодельтапланов. Очевидно, нападающие использовали их, чтобы миновать пост охраны и без препятствий сбежать в случае тревоги.

– Опоздали, – буркнул Северин и сплюнул себе под ноги.

– Опоздали, – подтвердил Глеб, присоединившийся к другу у края крыши. – Причем не мы одни. Вон, смотри, к нам подкрепление едет... Жаль, что не парой минут раньше... Эти типы так неожиданно напали...

Северин до боли сжал кулаки. Сейчас он был готов убить, собственными руками задушить любого из нападавших. Но не зря говорят: после драки кулаками не машут. Теперь придется искать их в огромном городе...

– Взгляни, – вдруг снова привлек его внимание Глеб, – там, на пригорке, неподалеку от наших ворот, кто-то стоит...

– Где? – Северин проследил за взглядом друга и тоже заметил странного наблюдателя.

Как и нападающие, он был полностью одет в черное: черные брюки, вероятнее всего джинсы, черная рубашка... Даже волосы у него оказались черными. А вот маски не было. Вместо нее лицо незнакомца закрывал огромный бинокль. Человек в черном, ничуть не таясь, смотрел через него прямо на Северина. Рядом с чужаком стоял черно-желтый скутер.

– Ты думаешь, он из их компании? – спросил Северин, прикидывая расстояние до незнакомца. Какая-нибудь дальнобойная винтовка оказалась бы сейчас очень кстати...

– А ты думаешь, это случайный грибник или астроном-любитель? – хмыкнул Глеб, роясь в кармане в поисках мобильного. – Ага, сейчас мы на него ориентировку нашим ребятам дадим... Птицу надо сначала поймать, а потом уже смотреть, какого цвета у нее перья. Хотя как раз с этой никаких сомнений не возникает.

Северин отвлекся лишь на мгновение, чтобы посмотреть, видны ли еще сообщники человека с биноклем, но когда снова взглянул на пригорок, черноволосого уже не было.

Меж тем военный уазик с подкреплением уже подъехал к воротам, у которых произошла небольшая заминка, а заодно выяснилась причина отсутствия в месте боевых действий охранника Сереги: он тоже был

отравлен газом, однако, видимо, пострадал больше ребят, находившихся в большом зале, а не в маленькой изолированной кабинке.

– Связался с Евгением Михайловичем, – сообщил меж тем Глеб. – Он знает о ЧП в школе. Гада на скутере будут искать, как и его сообщников... Ну что, пойдём вниз? Здесь больше делать нечего.

Северин кивнул, и они спустились.

На первом этаже их уже ждали Светлана и Динка.

– Саша пошла открывать ворота, – поспешно сообщила девочка. – А мы увидели, что в коридоре окна тоже разбиты. Оказывается, не все ниндзя к нам пожаловали: некоторые из них взломали дверь в кабинет Евгения Михайловича! Они что-то искали! Мы только заглянули, а там такой кавардак!.. А кто это был, Глеб? Вы их поймали?

Глеб печально покачал головой:

– Мы не знаем... Пока не знаем, – добавил он после небольшой паузы.

– А вы молодцы. Держались хорошо, – улыбнулась им растрепанная, но уже пришедшая в себя Светлана и пожалала обоим парням руку.

– Они действовали нечестно. Если бы не этот газ... – пробормотал Северин, чувствуя неловкость от этой похвалы. Ему казалось, что он и никто другой виноват в их позорном поражении. Надо было действовать быстрее, а не медлить, как кисейная барышня...

Он с досадой стащил с себя пиджак, один из рукавов которого во время неравной битвы все-таки треснул и разошелся по шву, и, махнув рукой, бросил его на пол.

Прибывшее подкрепление обыскало школу, но, разумеется, без особой пользы – нападающих давным-давно и след простыл. Зато окончательно прояснилась картина происшедшего. Некая группа, воспользовавшись мотодельтапланами, остроумно обошла всю хитрую защиту школы, проигнорировав и оснащенный различными датчиками и камерами забор, и просматриваемый двор, и систему на дверях школы. Приземлившись на крышу, неизвестные нейтрализовали обоих охранников с одной и с другой стороны здания, кинув в будки гранаты с усыпляющим газом, а затем через окна проникли в зал и в коридор школы. Пока группа, находящаяся в зале, отвлекала на себя внимание, другая сумела выломать дверь в кабинет директора, открыть сейф и похитить ноутбук. Что именно они искали – пока что загадка, как и то, что за люди это, собственно, были. Человека с биноклем – того, кого ребята дружно сочли главой операции, поймать не удалось. Он исчез, словно растворился в воздухе.

– И вот что мне не нравится: они как будто знали, как у нас работает охранная система, где расположены камеры и где находится кабинет директора, – сказал Глеб, когда суматоха наконец закончилась и все четве-

ро учеников собрались в зале.

Остальные промолчали. Динка взволнованно сопела в углу дивана, Северин мрачно глядел себе под ноги, а Александра и в обычное время не отличалась разговорчивостью.

– Разумеется, я не о том, что среди нас может быть предатель, – снова заговорил Глеб после недолгой паузы. – Но тогда это означает, что они тщательно подготовились, долго наблюдали за школой и, возможно, за нами, изучали подходы и планировали важную операцию. И главный вопрос: зачем?..

– Думаю, они искали Книгу Велеса, – сухо произнесла Александра.

Глеб, взволнованно расхаживающий по залу, остановился напротив нее.

– А ведь ты, скорее всего, права. Неслучайно, что они напали именно сейчас, после того, как мы добыли Книгу. Они знали... или предполагали, что она у директора, а поэтому искали его, но на всякий случай осмотрели кабинет и вскрыли сейф. Хорошо, что Евгений Михайлович увез Книгу из школы...

– А компьютер прихватили для отвода глаз. Или для того, чтобы разложить пасьянс, – вмешалась Динка.

– Не знаю, – Глеб покачал головой. – Знаю только одно: рядом с ними был сильный маг.

– Кто?! – выпалили ребята почти хором. Даже Северин поднял голову и удивленно посмотрел на прияте-

ля.

– А вы до сих пор думаете, что, если не верить в потусторонние силы, они не смогут причинить вам зла? – нахмурился Глеб.

Первой отреагировала Динка. Подскочив на диване, она восторженно завопила:

– Вау! Настоящий маг! Как в игре! Здорово! Может, это тот, кого вы видели с крыши? Маги во время битвы держатся в стороне и только метают во врагов огненные шары и...

– К счастью, этот маг, если это, конечно, был он, огненных шаров не метал, – заметил Глеб. – Но, мне кажется, реальная магия отличается от компьютерной, так что...

– Погоди, – в свою очередь перебила его Александра, – но откуда ты узнал про мага?

Она умела задавать правильные вопросы, и Глеб, похоже, слегка смутился.

– Так, получил сведения из одного источника информации. Конфиденциального, – неохотно признался он и, стремясь перевести разговор с, видимо, скользкой для себя темы, продолжил: – Это не важно... Жаль, что у нападающих не было никаких опознавательных знаков... Скажем, татуировки через весь лоб с именем главного злодея, его паспортными данными и домашним адресом.

– Может, и были. Как раз на лбу. А лоб-то шап-

кой-террористкой закрыт! — ехидно заметила Динка.

Северин задумчиво потер бровь. Что-то упорно крутилось в голове, не желая подниматься на поверхность. Он вспомнил то чувство ярости, что волной поднималось в груди, и руку в черной перчатке...

— А ведь я видел какой-то знак, — нерешительно сказал он.

Все повернулись к Северину.

— Ну! — не выдержала Динка. — Не тяни мышу за хвост, даже если она — компьютерная!

— Может, это ерунда и ничего не значит, но у одного из тех ребят был плетеный браслет с какими-то символами. Я еще подумал, как странно...

— Это еще ни о чем не говорит, — остудила пыл Александра, заправляя за ухо выбившуюся прядь волос.

— А может, и говорит, — не согласился с ней Глеб. — С чего вдруг здоровый парень станет на руке браслетик таскать. Кстати, постарайся вспомнить, что там все-таки было изображено.

Северин нахмурился:

— Я помню круг такой типа колеса со спицами...

— Свастика? — уточнил Глеб.

А что, люди в черном вполне могли быть какой-нибудь неонацистской или скинхедской организацией.

— Вроде нет... Не похоже. Там палок было побольше, и они почти замкнутый круг образовывали. Я же говорил, что похоже на колесо.

– Точно? – Глеб оживился и возбужденно потер руки. – Погоди минутку!

Он фактически выбежал из комнаты, а вскоре вернулся, неся бумагу и ручку.

С минуту все следили, как Глеб старательно выводит и вправду напоминающий колесо символ.

– Похож? – спросил он, протягивая листок Северину. Тот взял бумагу, зачем-то покрутил ее перед глазами...

– Пожалуй, похож. А что это? – спросил наконец парень.

– О, – Глеб довольно улыбнулся. – Это славянский символ Коловрат, или Громовик. Его изображали на оружии, а еще он был признан хранить Небесную мудрость.

– То есть ты хочешь сказать, что на нас напали колдуны и язычники? – уточнила Александра ледяным голосом.

– Как вариант, – не смутился Глеб. – Хотя ты, конечно, можешь оказаться права, и это всего лишь совпадение или личное увлечение одного из напавших. Просто надо учитывать разные версии.

– Слушайте, если это правда, то я заброшу Warcraft и стану жить, как выражается Евгений Михайлович, реальной жизнью – она и фантастичнее, и неожиданнее, чем игра! – торжественно объявила Динка. – А вообще я ставлю на того с биноклем. Мне кажется, он по мень-

шей мере некромант, – добавила она мечтательно.

* * *

Ноздри тревожил настойчивый запах. Добыча. Она прошла здесь совсем недавно, и примятая трава, еще не успевшая распрямиться, хранила ее аромат.

Сердце радостно забилося в предчувствии охоты.

Из рта вырвался негромкий рык. Догнать, повалить, насладиться собственной властью. Он – хозяин, здесь нет равных ему, и вся добыча – только его!

Высокая трава щекотала нос, мелькали деревья. Он бежал, наслаждаясь ощущением собственной силы, буквально распиравшей его, пьянея от аромата ромашки и зверобоя, которыми густо поросла вся опушка.

А вот и добыча. Совсем молодая, глупая олениха с тоненькими ножками и громадными, опущенными густыми черными ресницами глазами.

Совсем неопытная.

То, что происходит, она поняла лишь в последний момент. Вскинулась, чтобы бежать. Но поздно. Разве от него убежишь?..

Он поднялся и молниеносно, всей своей тяжестью, обрушился ей на хребет, перебивая хрупкие косточки, и тут же жадно впился в бьющуюся на шее вену, чув-

ствую на зубах вкус мяса и крови. Кровь была густой, горячей и сладкой. Такой сладкой, что ничего вкуснее он в жизни не пробовал.

Возбужденный пробудившимся аппетитом и целой смесью сладостных запахов: травы, цветов, крови и не менее отчетливо ощущаемого смертельного страха, он снова тихо зарычал...

...и проснулся.

Весь в поту, все еще чувствуя во рту вкус крови, все еще сладостный и желанный.

— Что же это?! — пробормотал Северин, обхватив руками голову. — Зачем мне все это снится?..

Помрачение сознания, неумышленная жестокость, и вот пожалуйста — кровавые сны. С ним, определенно, что-то не так. Может, он маньяк? Потенциальный убийца? Бывает же, что человек живет себе, даже не подозревая, какая тьма таится в его подсознании, а в один далеко не прекрасный момент случается обострение, инстинкты просыпаются — и пиши пропало.

— Но я же себя еще контролирую, — пробормотал Северин и споткнулся об это жуткое слово «еще».

В окно светила луна, тревожа и внушая беспокойство.

Парень встал и, подойдя к стеклу, положил ладони на подоконник.

— Надо успокоиться, — сказал он себе. — Я слишком переволновался из-за нападения. Все пустяки, и зав-

тра пройдет без следа...

Он говорил и сам себе не верил. Луна заглядывала в глаза, словно звала куда-то, а сердце учащенно колотилось в груди.

– Бред! – пробормотал Северин и повернулся к окну спиной, но вышло только хуже: теперь парню казалось, будто кто-то настойчиво смотрит ему в спину. Смотрит и выжидающе улыбается: ну что же, я жду...

Он плотно закрыл жалюзи. Не помогло. Затем прошел по комнате круг, словно зверь, запертый в клетку. Ощущение непонятной тоски и тревоги не пропадало, а, напротив, усиливалось. Северин бросил взгляд на часы: половина второго. Все в школе, наверняка, спят... и все же лучше рискнуть. Если у Глеба не горит свет, Северин просто вернется к себе и попытается заснуть.

Парень вышел в коридор. Под дверью комнаты друга лежала тонкая полоска. Значит, он тоже не спит. Наверняка обдумывает сегодняшнее происшествие, шерстит Интернет, пытается выстроить свою версию... Северин уже поднял руку, чтобы постучать, когда услышал из-за двери голос.

– А ты не можешь найти их, проследить за ними? Хотя бы того, мага? – спрашивал Глеб.

Северин замер. Он вовсе не собирался подслушивать, но ноги словно приросли к полу, а рука так и зависла в нескольких сантиметрах от двери.

В ответ послышалось неясное бурчание.

Голос скорее мужской, чем женский, хотя точно и не разобрать. Кто же может быть там, у Глеба? Один из охранников? Навряд ли. И уж точно не Александра и не Динка.

– Вот повезло! – хмыкнул Глеб. – В следующий раз на раздаче призраков попрошу кого-нибудь поговорчивей.

Северин переступил с ноги на ногу. Всему можно найти вполне рациональное объяснение. Возможно, Глеб увлекся какой-то сетевой игрой и общается сейчас по скайпу. Что бы там ни было, он не имеет права вмешиваться в дела Глеба и вот так постыдно подслушивать под дверь. Надо либо уходить, либо как-то дать о себе знать.

«Будь честен, в первую очередь перед самим собой. Это очень важно, сынок. Понимаешь?» – частенько повторял отец, и Северин, стоя один, во мраке коридора, кивнул и решительно постучал в дверь.

Она открылась буквально через полминуты. На пороге стоял Глеб. Видно было, что он не ложился, и даже прическа его находилась в полном порядке.

Он словно не удивился при неожиданном появлении приятеля и, кивнув, отступил, давая тому пройти в комнату.

Северин шагнул за порог и машинально огляделся. Никого. Все это действительно очень странно. Но луч-

ше не задавать лишних вопросов. Захочет – сам расскажет. У каждого должно быть свое, сугубо личное, пространство, куда нет хода никому. Северин всегда придерживался этого правила.

– Садись, – Глеб кивнул на стул и уселся напротив.

– Прости, что так поздно, – пробормотал Северин, опускаясь на предложенное место, – просто хотелось с кем-то поговорить... Ночь сегодня такая... тревожная.

Жалюзи на окне Глеба были полуоткрыты, и луна, видимая сейчас только наполовину, подмигнула Северину насмешливо: ну что, не ушел?..

– Да, – согласился Глеб, – полнолуние. Не зря это время всегда считалось мистическим.

Северин уставился на свои большие сильные руки и наконец решился.

– Тебе никогда не снились странные сны? – спросил он, поднимая глаза на приятеля.

Ему показалось или Глеб действительно вздрогнул?

– Снились, – серьезно произнес он. – И, как понимаю, тебе тоже. И сколько это продолжается?

Луна в окне скрылась за тучей, и Северину стало как-то спокойней и вместе с тем пришел стыд за внезапную панику.

– Нет, недолго. Недавно странный сон приснился... и вот сегодня. Но, думаю, это ерунда – все из-за нападения. Извини, сам не знаю, что вдруг на меня нашло... – Он смутился и опять уставился на пол, где у самых

его ног лежал какой-то предмет.

Северин машинально нагнулся и поднял маленькую костяную фигурку. Грубо намеченная выступающая морда, два круглых уха, массивное тело с короткими лапами – зверь стоял на задних и прижимал передние к груди. Медведь. Самый опасный хищник – с виду неповоротливый, но на самом деле стремительный и ловкий. Фигурка казалась старой, очень старой... кость треснула и пожелтела от времени...

– Это твое, – Северин протянул Глебу фигурку.

Глеб не торопился брать ее и смотрел на ладонь друга остановившимися глазами.

– Это же твое? Я на полу нашел, – повторил Северин.

Глеб вздрогнул, кивнул и наконец взял костяного медведя. Осторожно, двумя пальцами, словно опасался прикоснуться к нему, затем поднялся и поставил на свой письменный стол.

С минуту постоял, глядя в темное окно, и вновь повернулся к другу.

– Слушай, я не понимаю, что здесь происходит. Может быть, мы все все-таки сходим с ума? – спросил Северин, глядя в глаза Глебу.

Тот медленно покачал головой.

– Я не знаю, что происходит, – сказал он, – знаю только одно: на нас словно стоит какая-то печать. Мы не такие, как все, понимаешь? Я вижу прошлое, мир

вокруг меня словно истончается. И у тебя, я чувствую, свой дар. Не понимаю пока, какой. Но он точно есть. Ты вот говорил о снах. Я думаю, это действительно важно.

Северин кивнул и заметил, что Глеб едва удерживает зевоту. И действительно, времени уже очень много.

– Спасибо. Я, пожалуй, пойду... – Он поднялся с кресла и вернулся к себе.

Кажется, луна опять вышла из-за туч, по крайней мере к Северину вернулось напряженное беспокойство. Впрочем, возможно, оно и не было связано с луной. Он лег на кровать и, отвернувшись к стене, с головой закутался в одеяло.

Ему снова приснился лес, и бег по высокой, мокрой траве, и смутные силуэты, и лазоревая лента реки...

Проснулся Северин разбитым, словно и вправду до утра носился по лесу.

* * *

– Глеб... – Ольга, прильнув к плечу парня, переби-рала пряди его волос. – Ты как будто где-то далеко...

Он моргнул. Действительно, задумался.

– Я с тобой, – он осторожно поцеловал теплые по-датливые губы.

Как можно думать о чем-то, когда любимая рядом! У них и так слишком мало времени, и слишком редки,

слишком драгоценны эти встречи! Сейчас он и Ольга одни в ее квартире. Олины родители уехали на дачу: у них, конечно, есть дача – большой деревянный дом с крыльцом, покрашенным синей краской, участок, поросший соснами, где между двумя деревьями висят простые самодельные качели... Глеб видел все это на фотографии, жадно впитывая в себя чужой домашний мир. Нет, этот мир не был для него чужим – ведь это был мир Ольги. И ее комната – светлая, где на столе в художественном беспорядке всегда разбросаны незаконченные работы... где сохнут в стакане мягкие беличьи кисти, а солнце золотит темно-рыжие волосы его девочки-весны... Это все – его богатство, его тайное сокровище! И он, как волшебный дракон, будет охранять его от кого бы то ни было.

– Я не хочу тебя ни о чем спрашивать, но все же я боюсь за тебя. Мне кажется, тебе угрожает опасность. – Оля заглянула ему в глаза. – Знаешь, я бы хотела всегда быть рядом, чтобы защитить тебя.

Сердце защемило от сладкой боли.

Она, такая маленькая, легкая, как птичка... Какая из нее защитница? Кажется, ее унесет первый же порыв северного ветра.

– Со мной все будет в порядке, – пообещал Глеб. – Я постараюсь, честное слово.

– Обещаешь? – она требовательно взяла его за подбородок, уставилась прямо в глаза.

– Обещаю, – поклялся Глеб.

Девушка перевела дух и закончила уже совсем тихо:

– Это хорошо, потому что мне кажется, будто я тебя теряю...

Он не ответил, вместо того принялся исступленно целовать ее прекрасное лицо, нежную шею, обнаженные, подрагивающие под его поцелуями, плечи... И каждый его поцелуй словно кричал: «Я люблю тебя!»

Глава 3

Купальские огни

– Я хочу, чтобы вы пока пожили в летнем молодежном лагере. И вам отдых, и мне спокойнее, а то из-за этого переполоха, – Евгений Михайлович досадливо поморщился, – не поверите, ночей не сплю. Неспкойно мне за вас, пока вы в школе...

– Летний лагерь?! – повторила Динка с таким ужасом, что становилось понятно: она предпочла бы, чтобы ее уж сразу отправили на каторгу.

– Не беспокойся, – поспешил успокоить ее директор, – никакой обязаловки. Отдельные домики и проведенный Интернет. Да и не надолго – дней на пять, максимум на неделю, пока мы все здесь переоборудуем и поищем этих деятелей в черном...

Нахмуренное лицо Динки просветлело: будущее явно стало представляться ей в более светлых тонах.

– Вы поедете туда тайно, – добавил Евгений Михайлович. – К тому же, Глеб, – он взглянул на руководителя группы, – там ты должен будешь встретиться с одним человеком. Он расскажет тебе о новом задании...

При упоминании нового задания ребята переглянулись.

– Значит, мы поедем все-таки не просто на отдых, а

по делу? – уточнил любящий ясность Глеб.

– И по делу тоже. Не хочу, чтобы этот человек появлялся здесь. Особенно после инцидента.

Северин чувствовал радостное волнение. Во-первых, жизнь вне стен школы – это уже подарок. Наверняка рядом с лагерем окажется лес, и можно будет, забыв о пыльном грязном городе, долго бродить среди деревьев, впитывая их уверенность и силу... А во-вторых, новое задание – это тоже здорово. Это то, ради чего все они, начиная от Глеба и заканчивая Динкой, учились в школе. Это возможность проявить себя и выяснить, на что действительно способен.

– Сразу бы так и сказали! – Глеб сиял и не скрывал довольной улыбки.

– Так что, согласны? – с напускной строгостью поинтересовался директор.

– Да! – хором отозвались все четверо.

Летний лагерь и впрямь располагался в отличном месте. Как и надеялся Северин, рядом был большой и даже достаточно чистый лес, а еще имелась река, небольшое озерцо, уже прогревшееся, несмотря на то что едва перевалило за середину июня, а по опушке леса росла крупная медово-сладкая земляника.

– Каникулы! – радовалась Динка. – Наконец-то и у нас каникулы!

– Не расслабляйся, – пытался урезонить ее Глеб, но было заметно, что говорит он скорее для порядка и, в

общем, и сам не видит ничего плохого в том, чтобы поваляться на солнышке и искупаться в теплой озерной воде.

Сам лагерь состоял из деревянных домиков. В это время в них уже было полно молодежи. Жарили шашлыки, пели песни, а по вечерам устраивали большие посиделки.

«Русичи», как назвала себя команда Глеба, держались немного особняком. Каждый из ребят обустроил свой досуг так, как хотелось именно ему: Динка по-прежнему целые дни просиживала в сети, Александра лежала на берегу с книгой, Глеб делил свое время между тренировками и чтением, а Северин... он, конечно, дни напролет проводил в лесу.

Любовь к лесу подарил ему отец, и так получилось, что лес теперь стал единственной памятью о нем. Когда Северин оставался в лесу один, он словно слышал живой голос отца – в потрескивании веток, шелесте листвы, перекличке птиц...

– Лес – твой друг, – говорил ему отец, – научись смотреть ему в глаза и слушать...

И Северин смотрел и слушал, читая лесные знаки, как раскрытую книгу. Он знал всех лесных зверей и птиц и мог различить их по следам, он никогда не заблудился бы в лесу и шел по нему, словно в руках у него был компас. Северин и сам не понимал, откуда в нем это чувство, просто знал – и все. Он знал, что лю-

ди могут обмануть; лес всегда говорил правду. Если, конечно, как и учил отец, уметь его слушать.

В тот день – а это были третьи сутки с даты их приезда – он долго, до самого вечера, бродил по лесу. Возвращаясь, еще не подойдя на прямую видимость к лагерю, Северин уже понял, что там что-то происходит: в воздухе отчетливо пахло дымом.

Так и есть. На берегу озерца пылал большой костер, вокруг которого собралась, кажется, вся молодежь из лагеря. Северин заметил, что у многих девушек на голове пышные венки из полевых цветов и осоки, и тут уж сообразил, что сегодня – 22 июня, день летнего солнцестояния. С древних пор, еще до принятия христианства, в этот день был всеобщий праздник. Сейчас его называли Ивановым днем, или иначе – днем Ивана Купалы.

Кто-то из ребят у костра затянул тягучую плавную песню, парни и девушки взялись за руки и устроили красочный хоровод. Даже удивительно, сколько древнего, языческого оказалось в этих простых современных парнях и девчонках.

Северин смотрел на них, и ему казалось, что он каким-то чудом очутился в прошлом. Пыль городов, полные едва ползущих в часы пик автомобилей автострасы, офисы и машины банков – все это представлялось сейчас неправильным, нереальным. Настоящее было здесь: в отблесках костра, в старинных, протяжных,

проникающих до самого дна души песнях... Он смотрел на веселую игру у костра, слушал смех и ощущал, как тепло, как хорошо становится на сердце.

— Иди к нам! — закричали ему.

И Северин вступил в пестрый радостный круг.

Купалинка, купалинка, темная ночь, купалинка.

Темная ночь, темная ночь, где твоя дочка, темная ночь.

Моя дочка, моя дочка во садочку, моя дочка.

Во садочку, во садочку рве цветочку, рве цветочку¹... —

затянул глубокий девичий голос.

Северин взглянул и обомлел. Она была высокой и удивительно гибкой, в длинной просторной рубаше, видимо, пошитой и надетой специально ради праздника. Ноги были босыми, и девушка ловко переступала ими в такт мелодии, не боясь ни холодной еще земли, ни колкой травы. Длинные светлые золотистые волосы спадали ниже поясицы. Ее голову с правильными, по-русски простыми и в то же время изящными чертами лица украшал пышный венок из осоки и васильков. Пела девушка вдохновенно и сосредоточенно, словно выполняла важную, ответственную работу. И ее голос казался по-взрослому глубоким и зрелым. Северин не

¹ Купальская народная песня.

слишком разбирался в музыке, однако имел хороший слух и понимал, что незнакомка поет не просто хорошо, а очень хорошо, как, наверное, исполняют где-то в опере.

Третий вянок – другу на головку, третий вянок.
Носи, мой друг, не сбрасывай,
Люби меня, люби меня – не сказывай... —

пела девушка.

Северин часто слышал, что глаза сравнивают со звездами, но впервые видел их на человеческом лице – такие чистые и сияющие – кажется, только сорвавшиеся с неба.

Тем временем круг распался, и Северин, не помня себя, замороженный – то ли колдовским голосом, то ли красотой незнакомки, то ли магией волшебной ночи, сам не зная как, очутился перед ней. Пахло от нее тоже совершенно необыкновенно – медом и полынью. И это сочетание сладости и горечи завораживало, кружило голову. Этот запах говорил Северину, что он наконец нашел то, что искал, наверное, всю свою жизнь.

Он не знал, что говорить, и только смотрел на нее. А девушка рассмеялась и вдруг протянула парню руки.

– Пойдем, – позвала она, – сейчас через костер прыгать будут.

Даже когда она говорила, речь звучала как песня из-

за необычного мягкого, какого-то медово-певучего тембра голоса.

Большой костер поднимался уже не так высоко, а высыпавшие на небе звезды казались рассыпавшимися ненароком угольками.

Праздновавшие Иванов день толпились вокруг костра, пересмеиваясь в ожидании, когда огонь еще немного спадет и можно будет наконец прыгать.

– Ну, не боишься? – подзадорила Северина его прекрасная спутница.

Он покачал головой и шагнул к огню.

– погоди, не надо, еще рано! Я просто так сказала...

– Девушка проворно ухватила его за руку, удерживая от очевидного и опасного безрассудства.

– Не бойся, я сейчас, – он улыбнулся ей.

Северин прекрасно оценивал свои силы. Разбежавшись, он легко, словно тигр, оторвался от земли и, перемахнув костер, спустя мгновение был уже на другой стороне.

Собравшиеся одобрительно загудели, а вокруг парня собралась целая толпа девушек. Многие улыбались ему, стремясь завоевать героя сегодняшнего вечера. Северин, не привыкший к такому вниманию, смутился.

– Он со мной. И не засматривайтесь! – раздался все тот же знакомый голос, и босоногая девушка, подхватив парня под локоть, вывела его из окружения поклонниц.

– Спасибо, – смутившись, шепнул ей Северин.
– Сразу видно, что ты сильный и очень добрый, – сказала она и вдруг провела ладонью по его вечно растрепанным волосам.

– Я... – Северин и сам не знал, что хочет сказать – может быть, признаться незнакомке в любви, может быть, поклясться, что сделает для нее все что угодно...

Но она испуганно приложила ладонь к его губам.

– Не говори ничего, – попросила девушка, – это волшебная, особенная ночь. Никаких слов сегодня не нужно.

Потом другие прыгали через костер. И снова пели, водили хоровод, играли в «ручеек» и «колечко» – старые детские игры, тоже наполнившиеся в эту ночь особой магией. А потом его спутница танцевала прямо на берегу озера, под светом луны. Ее ноги с узкими лодыжками переступали быстро и решительно, волосы развевались, рубаха вздувалась от кружения пузырем, и это тоже было волшебным и завораживающим.

– Купаться! Все в воду! – закричал кто-то, и молодежь с гиканьем кинулась в озеро, поднимая тучи брызг.

– Пойдем! – девушка потянула Северина в воду, чуть в сторону от толпы, где на маслянистой темной поверхности лениво покачивались два бутона кувшинок.

Теперь, когда ее длинные волосы стелились по воде, а рубаха намокла и облепила стройное совершен-

ное тело, девушку можно было принять за русалку.

– Ты не человек? – спросил Северин, завороченно глядя ей в глаза.

Девушка звонко расхохоталась и, обхватив тонкими, но сильными руками крепкую шею парня, притянула его ближе к себе и вдруг впиалась в губы требовательным поцелуем.

Они стояли и целовались под яркой луной, у заводи с кувшинками, позабыв обо всем и обо всех, словно были одни – только вдвоем – на всей огромной густонаселенной планете.

– А с рассветом ты исчезнешь... – проговорил Северин, когда их нетерпеливые жадные губы все же разомкнулись.

Девушка опять рассмеялась.

– А ты романтик!.. И не бойся, я не исчезну. Я живу здесь, в этом лагере. Кстати, меня зовут Ариной.

И только тут Северин вдруг сообразил, что за все это время так и не удосужился поинтересоваться ее именем. Ему даже не приходило в голову, что у этой чудесной девушки может быть человеческое имя – она казалась ему плеском волны, тонким лунным лучиком. Ее можно было звать шелестом листвы или звоном маленького певчего колокольчика.

– Ты разочарован? Ты ждал русалку, а может, ведьму? Говорят, на Ивана Купала они обретают особенную силу? – спросила Арина, заглядывая ему в глаза.

– Нет... Я не знаю... – пробормотал Северин.

– Ну что же, по крайней мере, честно.

Девушка отпрянула, но теперь уже Северин удержал ее за руку:

– Не уходи! Пожалуйста, не уходи. Извини, если я тебя обидел... Знаешь, я совсем не умею уговаривать, поэтому просто не сердись и не уходи. Ладно?..

– А говоришь, не умеешь! – улыбнулась она. – И как же тебя зовут, мой разговорчивый? Только не говори, что Саша или Сережа! Я этого точно не вынесу!.. – поспешно добавила Арина.

– Северин.

– Се-ве-рин... – нараспев повторила она. – Боги, до чего же красиво!..

В это время Глеб и Александра сидели у затухающего костра. Динка давным-давно вернулась в дом, сказав напоследок: «Подумаешь! Детский сад какой-то!..» – и, наверное, уже спала, или, что вероятнее, скиталась по просторам Интернета, пользуясь предоставленной свободой. Что же, такова она – ночь на Ивана Купалу.

– Сегодня необычная ночь... – тихо проговорил Глеб, глядя на переливающиеся всеми оттенками красного угли. Они казались драгоценными камнями, сокровищами подземного змея Полоза...

Александра вздрогнула и кивнула.

Они сидели неподалеку друг от друга, но каждый сам

по себе, словно опоясанные волшебным кругом.

– Чего бы ты хотела? Вот представь, что сегодня могло бы исполниться любое твоё желание? – спросил Глеб после небольшой паузы.

– Я бы хотела поговорить со смертью, – неожиданно сказала девушка. Её голос звучал тихо-тихо, словно шепот травы, и Глебу приходилось напрягаться, чтобы разобрать слова. – Я бы кое-что у неё спросила...

Глеб мог ожидать чего угодно, но только не этого. Эти странные слова, эта неожиданная откровенность казались не присущими той Александре, которую он знал. При свете дня она была другой – собранной, уверенной, невозмутимо-спокойной.

– Что именно спросила? – подал реплику Глеб, когда понял, что девушка не собирается продолжать и только молча смотрит в костер.

– Так... не важно...

– Ты мне не доверяешь? – Он взглянул в её лицо, такое знакомое и вместе с тем почти чужое в ярком свете луны. Сегодня это была не обычная Саша, а загадочная незнакомка.

– Нет, не в этом дело. Ты не знаешь, ты не поймешь... Может быть, потом... – она огляделась, словно в поисках новой темы для разговора – лишь бы уйти от прежней, лишь бы замаскировать, заставить забыть свою негаданную откровенность. – Посмотри, какой странный парень, – с напускной живостью прого-

ворила Александра, — знаешь, мне кажется, он целый вечер за нами наблюдает. Я заметила его, еще когда Северин через костер прыгал.

Глеб посмотрел туда, куда глядела Саша. По другую сторону костра стоял и глядел на них действительно странный парень. Он казался персонажем аниме — в тонкой черной выпущенной из брюк рубашке, с вытянутым бледным лицом, а волосы топорщились во все стороны в завораживающем хаосе. Увидев, что Глеб на него смотрит, парень скривил тонкие губы в странно-насмешливой улыбке и помахал рукой.

— Улыбается и машет, — невольно переиначил Глеб знаменитую фразу. — погоди, — взглянул он на Александра, — я сейчас с ним поговорю.

Глеб встал и шагнул, обходя костер, но странный парень не стал его дожидаться. Спокойно отвернувшись, он неторопливо направился к озеру, откуда доносился азартный визг купающихся.

Глеб оглянулся на свою спутницу. Ему хотелось пойти за незнакомцем и припереть его к стенке, но не оставлять же Александру одну. Вроде очевидной опасности нет, но все же... было ему как-то беспокойно. Кто знает, что случится. Тем более учитывая то нападение на школу...

— Черт с ним. Просто фрик какой-то, — пробормотал Глеб, решившись, и вернулся на место.

И в то же время вдруг он понял, что уже видел этого

парня. Там, возле школы, в день нападения на школу. Вот черт! Глеб едва удержал рвущееся с языка ругательство. Можно подумать, этот черный специально их дразнит. Иначе с чего бы ему показываться?.. В любом случае бежать за ним уже поздно – парень растворился в вязких купальских сумерках, словно был их созданием. А что, с другой стороны, в купальскую ночь и не такое бывает.

Александра молчала, уставившись на угли. Глеб тоже ничего не говорил.

Они просидели молча еще какое-то время. На горизонте уже появился розовый отсвет. Приближалось утро.

Глеб уставился себе под ноги.

Если бы рядом с ним была Ольга, все было бы по-другому. «И почему я не могу взять ее с собой! Все равно мы здесь просто так без дела околачиваемся!» – раздраженно подумал парень. Но тут же вспомнил о нападении на школу. Нет, все же хорошо, что Ольги здесь нет – нельзя подвергать ее даже минимальному риску... Но как она там, в Москве, без него?..

– Светает. Я пойду... – словно сквозь пелену донесся до Глеба голос Александры.

Он поднял голову, кивнул и... снова заметил у окончательно затухшего костра неподвижную человеческую фигуру.

– Ну это уже бог знает что! – пробормотал Глеб, на-

мереваясь на этот раз не упустить черноволосого, а вероятнее всего, с досады наkostenять ему по шее.

Александра тоже поднялась, отсекая незнакомцу одно из направлений для отступления. Глеб же двинулся наперерез.

– Ты... – произнес он, подходя к черной фигуре, и запнулся. Потому что вместо черноволосого лохматого парня перед ним оказался массивный бородатый дядечка лет далеко за сорок... – Простите, обознался, – поспешно сменил интонацию Глеб. – Нам тут один парень досаждал...

– А теперь убрался? – спросил мужчина низким прокуренным голосом.

Глеб развел руками, полагая, что хрен редьки не слаще и новый визитер может оказаться не лучше, если не хуже недавнего фрика.

– Ну что же, хорошо, если убрался, – философски заметил тем временем бородатый. – Я к вам от Евгения Михайловича, – добавил он, понизив голос до едва слышного шепота. – Он просил показать вам вот это...

Глеб поспешно вытащил маленький фонарик, который вместе с зажигалкой и складным ножиком носил с собой всегда, не забывая перекладывать в карман очередной смены одежды. В свете фонаря на ладони ночного посетителя блеснула копейка. Та самая, которую команда нашла в Александрове, охотясь за библиотекой Ивана Грозного.

Александра, тоже шагнувшая ближе к незнакомцу, посмотрела на парня и поспешно кивнула.

— Здесь поговорим? — спросил Глеб, оглядываясь.

Молодежь еще продолжала гулять. Над озером все еще звенел смех и песни, хотя многие парни с девушками уже разбрелись по парам... Кажется, никому не было ни до кого дела, каждый стремился урвать свой кусок от самой необыкновенной ночи в году.

— Здесь безопасно, — подтвердил бородатый, подходя к костру, — зачем прятаться и привлекать лишнее внимание? Уж лучше здесь... Тем более вокруг простор, если не разевать рот, то никто незаметно не подойдет.

Затем гость нагнулся и принялся раздувать угли. Он дул, а Глебу вдруг вспомнилась сказка про волка, сдувавшего поросячьи домики, и он едва смог удержать приступ странного смеха.

Незнакомец все усердствовал у углей, и наконец усилия его увенчались успехом. Сначала угли снова заалели, а затем по ним заплясал сперва робкий, а затем все более уверенный огонек.

— А я думала, костер уже не раздуешь, — произнесла Александра.

Бородатый улыбнулся, довольно вытирая лоб испачканной в золе рукой.

— В полевой жизни еще не то делать научишься! — похвастался он и, кивнув на бревно, где сидели Глеб и

Александра, спросил: – Можно?

– Да, разумеется, – Глеб поспешно подвинулся, освобождая ему место между собой и девушкой. – А вы...

– Я археолог. Зовите меня Семеном Николаевичем, – представился бородатый несколько двусмысленно.

Глеб едва заметно поежился. С археологией у него были связаны свои воспоминания. Причем не всегда приятные.

– Очень рада познакомиться, – откликнулась Александра, не понимая, отчего Глеб, всегда такой вежливый и внимательный, молчит. – Я – Саша, а это...

– Я знаю, – перебил ее Семен Николаевич, закуривая. – Извините, ребята, я к вам ненадолго. Если не возражаете, давайте сразу к делу?..

Глава 4

Новое задание

Северин возвращался в свой временный дом уже утром. Он шел, словно пьяный, все еще не понимая, на каком он свете. То, что произошло с ним в Купальскую ночь, казалось сказкой. Прекрасной волшебной сказкой... которая рассеется при свете дня. Просто потому, что не бывает такого всеобъемлюще-огромного счастья. Просто потому, что человеческое сердце не может разом вместить в себя столько любви и восхищения. В одной сказке герой сковывает свое сердце тремя железными обручами. Так эти обручи оказались бы сейчас как раз кстати.

Уже дойдя до двери, приятно пахнувшей еще свежими смолистыми досками, Северин вдруг развернулся и бегом бросился к тому дому, куда еще недавно вошла Арина.

Парень остановился у окна. Сквозь тонкую стенку он различил легкое шуршание и тихий скрип кровати. Сердце стукнуло. Северину казалось, что он слышит даже дыхание девушки. Вот оно замедляется... она засыпает.

– Вот бедолага напился! – слышался рядом веселый голос. – Стоит у стены, шатается, даже в дом вой-

ти не может. Тебе помочь?

Перед Северином появилось добродушное курносое лицо.

– Нет, спасибо, я сам... – пробормотал Северин, понимая, что не должен больше торчать здесь. Не сейчас.

С трудом оторвавшись от стены, он двинулся прочь.

– Так это и не его дом был? – хохотнул курносый. – Пить меньше надо! Надо меньше пить!

Северин, едва переносивший алкоголь и не попробовавший сегодня ни грамма, не ответил. Его действительно легко было принять за пьяного. Он сам не узнавал себя, и расскажи ему, что бывает такое состояние, он бы не поверил. До тех пор, пока не испытал это сам...

Ступая, словно во сне, он вновь дошел до своего домика и, открыв скрипучую, плохо смазанную дверь, шагнул внутрь.

Домик был очень маленький, с двумя кроватями по обеим стенкам и небольшим, деревянным же, столом между ними. На одной из кроватей спал Глеб. На скрип двери он пошевелился и пробормотал что-то нечленораздельное, но, видимо, так и не проснулся.

Северин тяжело опустился на свою кровать. В ушах все еще звучал глубокий голос, в котором слышался и звон ручейка, и шум мощной реки, и пение птиц... Он словно вмещал в себя все звуки на свете. Даже если

бы Арина не была так волшебно-красива, в нее можно было бы влюбиться только из-за ее голоса...

В висках все еще стучал пульс. Северину казалось, что все его чувства необыкновенно обострены. Он чувствовал запах дерева, который витал во всем доме, запах любимой туалетной воды Глеба, аромат дыма костра, терпкий запах чьих-то сигарет... На этой мысли Северин обеспокоенно поднялся и еще раз втянул в ноздри воздух – да, табаком, определенно, пахнет. И почему-то от одежды Глеба. Глеб не курит, это точно. Но мало ли кто курил в его присутствии... Северин обеспокоенно огляделся. Этот запах отчего-то тревожил и раздражал парня. А еще он не понимал, как можно спать в такое необыкновенное утро.

В груди словно раскручивалась сорвавшаяся с зажима пружинка. Когда беспокойство стало невыносимым, Северин решительно вышел на улицу.

Лагерь был погружен в утренний сон. Последние припозднившиеся компании разбредались по своим домам, а над озером легкой тюлевой занавеской висел туман.

Жадно вдохнув свежесть раннего утра, словно пытаясь выгнать из легких тревожащий запах табака, Северин зашагал в сторону леса. Теперь он знал, куда идти. Еще в детстве, когда что-то волновало или пугало его, Северин убегал в лес. «Не бойся леса. Он хороший. Он защитит...» – говорил, бывало, отец. И ошибался:

лес не защитил его самого... Но думать об этом сейчас Северин не мог и не хотел. Он все ускорял шаг, а вскоре и вовсе перешел на бег.

И вот уже несясь сломя голову через мокрые от росы кусты. Лес словно расступался перед ним, и молодые колючки малины скользили, не причиняя вреда. А Северин бежал и бежал – так быстро, словно от этого зависела его жизнь, и на сердце опускался благодатный покой... Ему казалось, что сердце увеличивается, вырастает в груди. Теперь-то в него уже можно вместить все счастье...

Северин проснулся, улыбаясь. Обоняние щекотал легкий и приятный запах сосновых иголок. Он открыл глаза – сосновые лапы и вправду раскачивались высоко над головой. Сквозь них, как сквозь занавески в спальне, просвечивало солнце, ложась на покрытую мохом землю причудливым изящным узором.

Парень сладко потянулся. Оказывается, он заснул прямо в лесу, свернувшись калачиком у старой сосны. Северин не помнил, как ложился, в памяти сохранилось лишь сладостное ощущение бега по утреннему пробуждающемуся лесу, который, кажется, сам стелется под лапы... «Под лапы...» – поймал Северин за хвост странную мысль и улыбнулся – кажется, он так сроднился с лесом, ему так хорошо и комфортно тут, что он уже думает о себе как об одном из лесных обитателей-животных. «Конечно, под ноги», – поправил себя

парень, поднимаясь с мягкой моховой подушки.

Он спал всего-то часа два-три, но чувствовал себя необыкновенно бодрым и сильным.

Где-то в ветвях пели птицы, сквозь сосновые ветки проглядывало ярко-васильковое небо, а вокруг было так красиво, что сердце начинало чаще стучать в груди. «Жаль, что здесь нет Арины, – подумал Северин, – ей бы понравилось». Он ничуть не сомневался, что именно она, одна из немногих, способна почувствовать эту неброскую и в то же время такую всеобъемлющую красоту.

Очень хотелось есть, и Северин как-то само собой вышел на солнечную полянку с земляникой, потом отыскал небольшой ручеек, где умылся, и только тут вдруг подумал о друзьях, которые наверняка беспокоятся о нем.

Хотя Северин оказался довольно далеко от лагеря, парень вовсе не беспокоился об этом. У него всегда было хорошо с чувством направления, и сейчас, даже не определяя по солнцу север, юг, запад и восток, он просто двинулся в нужную сторону, тихо насвистывая под нос незамысловатую мелодию.

Он шел и думал, как хорошо было бы, если бы рядом вдруг оказалась Арина. Они бродили бы по лесу целый день, нашли бы полянку земляники – примерно такую, как он обнаружил недавно. Там можно было бы упасть в траву и осторожно срывать губами крупные сладкие

ягоды, и кормить ими друг друга, и целоваться... Это стало бы прекрасной волшебной сказкой, жить в которой не наскучило бы ни ей, ни ему...

За этими мыслями Северин и сам не заметил, как вышел к стоянке. Лагерь уже просыпался, такой же, как всегда, и только черный круг кострища свидетельствовал о том, что вчерашняя ночь не являлась плодом воображения.

Глеб, Александра и Динка уже проснулись и встретили Северина с явным облегчением.

— Ты что, так и не ложишься? — приветствовал друга Глеб.

Северин широко улыбнулся.

— Ну почему же? Я просто прекрасно выспался. Знаете, сегодня замечательный день!

Динка искоса наблюдала за ним.

— Знаешь, ты просто светишься, как будто тебе в уши лампочки вставили, — пошутила девочка в своей экзотичной манере. — А вообще кажется, будто в тебя сто пунктов маны вкачали, — добавила она после недолгой паузы. — Может, ты язычник и тебе Купала силы грантует?

Северин, не слишком прислушиваясь к ее словам — что еще можно от Динки, кроме компьютерно-игровых аналогий, услышать, — покосился на Александру как на самого дисциплинированного и ответственного члена группы.

– А нет ли у нас чего-нибудь мясного пожевать? – спросил он, сглатывая слюну. – Очень есть хочется!

Земляника – это, конечно, очень вкусно, но ненадолго, и ничто не сравнится с сочным ароматным куском мяса, чуть прижаренным на сковороде – с тоненькой кромочкой золотистого жира, мягкого, сочного мяса!..

– Да, – спохватилась она, – и вправду можно бы позавтракать. Дин, пошли, поможешь мне с бутербродами.

Девчонки удалились, и Северин остался с Глебом один на один.

– Кажется, ты с кем-то вчера познакомился? – спросил Глеб с деланным безразличием.

– Д-да... – Северину не хотелось говорить об Арине. Это было то же самое, что трогать грубыми руками едва распутившийся нежный цветок.

Глеб кивнул и не стал приставать с дальнейшими расспросами. Кажется, он понимал все даже без слов, и Северин почувствовал огромную благодарность.

Они стояли на веранде, облокотившись на перила, и молча смотрели на озеро. «Там, именно там я впервые поцеловал ее», – думал Северин, глядя на мерно качающиеся толстые камышины.

– Кстати, – сказал Глеб, когда девочки принялись накрывать на веранде простой деревянный стол, – а мы получили новое задание.

– Правда?! – взвизгнула Динка, едва не выронив

хлеб, который держала в руках. — Как здорово! Значит, мы скоро отсюда уедем?!

В голосе девочки слышалась такая откровенная радость, что Северин взглянул на нее укоризненно.

— Это ты у нас лесной житель, — пояснила Динка, соорудив рожу и показав товарищу язык. — А тут, между прочим, связь нестабильная. Бывает, конечно, хуже, но и лучше я, честно говоря, видала.

— Кто о чем, а Дина об Интернете, — заметил Глеб, принимая из рук Александры вскипевший чайник.

— И что в этом плохого? — вскинулась Динка. — Нас, между прочим, за это и выбрали. Меня — за то, что я хорошо в программировании шарю, Северина — за знание леса и еще эту... — Она согнула в локте тоненькую руку, лишенную всякого намека на какие бы то ни было мышцы. — За силу и всякие бицепсы-трицепсы. Александру — за серьезность и аккуратность — находишься она на тонущем «Титанике», и то, не причесавшись, не села бы в спасательную шлюпку. А тебя...

— Да, интересно, за что же меня? — поддразнил девочку Глеб.

— А тебя — за то, что больно умный! — рассмеялась она.

— Никого не обошла! — хмыкнул Глеб. — Вроде и хвалит, а от таких похвал как-то не по себе...

— А что там с заданием, — напомнил Северин. Он уже уселся за стол и тянул к себе первый бутерброд, со-

стоящий большей частью из колбасы, чем из хлеба.

– Слушайте. – Глеб сразу стал серьезным. – В языческие времена, еще до того, как Владимир кнутом да пряником взялся крестить Русь, славянские племена поклонялись разным богам, главным из которых почитали бога-громовержца – Перуна. Одно из главнейших его святилищ находилось на реке Волхов, на острове... Вот наше задание заключается в том, чтобы...

– Отправиться на остров и договориться с Перуном о вечном покровительстве? – не удержавшись, перебила его Динка.

– Ну почти... Всего-то добыть его секиру – нечто вроде каменного молота, – спокойно заявил Глеб.

– Если я правильно помню, Русь крестили веке в десятом? – уточнил Северин. Он поставил на стол локти и, отложив бутерброд, с интересом слушал друга.

– В конце десятого, но язычество держалось еще несколько веков... – уточнил тот. – Потом почти умерло. Но сейчас, кстати, появились люди, называющие себя язычниками. Они, конечно, больше играют и на самом деле мало что знают о языческой вере. Вроде как модно одно время было относить себя к поклонникам древних богов и на выступлениях фольклорных групп иступленно орать «Один», «Перун» или «Велес» – кому как больше нравится.

– Ну, про Велеса мы уже кое-что знаем, – усмехнулась Динка. – У нас даже свой богатырь Поток Власье-

вич есть, — и она хитро покосилась на Северина. Тот неожиданно покраснел и устался в стол. — А что про этого Перуна известно?

— Действительно не так уж много, — вмешалась в разговор Александра. Она сидела чуть в стороне ото всех, на перилах и, казалось, даже не слушала. — Само имя Перун означает «бьющий, разящий». Раньше молнии тоже называли перунами... Так вот, Перун — бог грозы. У многих народов главным становился именно бог, сметающий молнии. Например, Зевс у греков. Перуну приносили в жертву быков, а еще ему обычно была посвящена особая священная дубовая роща. Князь и княжья дружина считали Перуна своим покровителем и клялись его именем...

— Кстати, — добавил Глеб. — Перун часто встречается в народных сказках. В одной из них он долго гонял молниями черта, который прятался то в скотине, то в человеке, то в дереве, пока черт наконец не укрылся в воде. «Там тебе и место», — говорит Перун. Славяне вообще считали, что нечисть большую часть года живет в воде, выходит на сушу лишь на Ивана Купалу и ходит среди людей до Ильина дня. Поэтому и купаться лучше лишь в это время. Безопасней.

— Выходит, вовремя мы сюда приехали! — засмеялась Динка. — Только не уверена, хорошо это или плохо — то, что нечисть на сушу вылезла... Сидела бы себе в воде. Может, так было бы спокойнее.

– А как мы будем секиру Перуна искать? – спросил вдруг Северин.

– Археолог сказал, что раскопки ведутся, но им нужна наша помощь. Завтра выезжаем. – Глеб взглянул на часы. – Так что времени осталось немного. Отдыхайте, купайтесь, раз уж вода от всякой нечисти свободна, а утром пораньше отправляемся в путь. Все согласны?

«Русичи» переглянулись и с готовностью кивнули. Северин помедлил. Он думал об Арине. Конечно, он знал, что они здесь ненадолго, и жизнь его прочно связана со школой и сложными, порой опасными заданиями, но так хотелось продлить время, почувствовать себя свободным независимым человеком... как все те подростки, что тусуются во дворах, слушая музыку и маясь бездельем.

– А раз так, все свободны и, – Глеб широко улыбнулся, – просто обязаны провести сегодняшний день в бездельи!

Можно было не повторять. Словно боясь потерять даже одну минуту из отпущенного дня, Северин вскочил и, на ходу дожевывая свой бутерброд, направился к домику, где жила Арина.

Окна летнего дома были занавешены голубым тюлем, и Северину вдруг показалось, что это очень мило и трогательно. Он, чувствуя необыкновенную нежность, словно лаская, провел рукой по деревянным полированным перилам. Он готов был целовать каждую

ступеньку лестницы, по которой ступали босые ножки девушки.

Поднявшись на крыльцо, Северин остановился у двери. «Вот сейчас я постучу, и она выйдет... Что ей сказать? «Привет»?.. – это простое слово вдруг показалось Северину пустым и неуместным. – «Доброе утро» будет гораздо лучше... но уже двенадцать. Не говорить же «добрый полдень»?.. А «добрый день» как-то сухо...» Парень нахмурился. Все слова казались ему недостойными Арины. Она – совершенно особенная, необыкновенная девушка. Значит, и говорить ей нужно что-то необыкновенное... Но что? Болтовня никогда не была его коньком. «Все должно решиться само, – подумал наконец Северин. – Я улыбнусь ей, и, если вчерашняя ночь не была миражом, она тоже улыбнется, нам не потребуются никакие слова».

И только он подумал все это, как понял, что решил совершенно правильно, и, уже ничуть не сомневаясь, постучал в дверь.

На лице Северина уже сияла улыбка, когда дверь открылась, и на пороге появилась заспанная темноволосяя худенькая девушка в длинной футболке, открывающей загорелые дочерна ноги.

«Соседка по комнате. Ну конечно!» – сообразил парень.

– Привет, я к Арине. Можно? – Он сделал шаг, представляя, как войдет в дверь и увидит ее – тоже заспан-

ную, с растрепанными ото сна золотистыми солнечными волосами, необыкновенно родную и милую...

Но брюнетка, против ожидания, не отступила, пропуская его внутрь, а, напротив, потянула дверь на себя и нахмурилась.

– Вообще-то Арина уехала, – сообщила она, собираясь окончательно захлопнуть дверь. Северин едва успел ее перехватить.

– Как? Куда? Когда? – спросил он, еще не веря в происходящее.

– Слушай, отстань, а? – девушка широко зевнула. – Я всю ночь не спала... Откуда я знаю, как и куда она уехала. Мы с ней просто в одной комнате жили. Я ей не сторож, понял? Уехала – и все.

– Но она вернется? – Северин все еще не выпускал ручку двери.

– Не знаю я, вернется или не вернется, но вещи все забрала. Уехала с каким-то мужиком, – брюнетка снова зевнула. – Так ты дашь мне поспать или нет?.. И мой тебе совет, – продолжила она, когда Северин наконец выпустил дверь, – не бегай за Аринкой. Если бы ты был ей нужен, она бы тебя об отъезде предупредила. Или телефончик оставила. Не оставила? Ну тогда гуляй, парень!..

Дверь захлопнулась, и Северин остался на крыльце, чувствуя себя так, словно в него ударила молния... Тот самый перун, о котором говорила Александра.

А потом повернулся и побрел к себе. Едва ли кто-то из тех, кто видел его вчера, мог бы узнать статного ловкого парня, первым перемахнувшего через еще высокое пламя, в этом ссутулившемся потерянном человеке.

* * *

– Оля, – Глеб набрал в легкие побольше воздуха, – мы не увидимся еще какое-то время... Я должен буду уехать...

Он замолчал. Из-за этой глупой недоговоренности расстояние между ними становилось вдвое больше.

– Хорошо, я буду ждать, – прозвучал ее родной голос. – Возвращайся. И помни, что ты обещал.

Он сжал зубы. Между ними – дорога. Долгая, бесконечная дорога... Редкие встречи и долгие темные провалы разлук.

К черту бы эти расставания, но как поется в одной старой песне, без расставаний бы не было встреч.

– Я люблю тебя, – выдохнул он в трубку.

* * *

Ветви деревьев плавно качались, так и норовя задеть его по чувствительному носу. Он мотал головой –

не рассерженно, а зная, что все это – часть игры. Или часть ритуала. Ноздри щекотал целый каскад запахов: молодые листья, нежные лесные цветы, земля, разогретая летним солнцем... И в этот шлейф вплетался еще один запах – запах жертвы: соленый аромат крови, сладковатый привкус пота и страха.

Жертва ждала его там, на полянке. Он ощущал это и шел к ней неторопливо, по-хозяйски. Он и был хозяином, властелином этих владений.

Вот и поляна. Он на минуту остановился на самой границе, наслаждаясь этим мгновением всеобъемлющей власти, а потом шагнул в очерченный солнцем круг.

Жертва была привязана к алтарю – молоденький ягненок. Совсем еще несмышленыш, он все же почувствовал запах неумолимой смерти и теперь жалобно мычал, отчаявшись вырваться из крепких пут.

«Прими эту жертву, Хозяин! – наперебой зашептали деревья, клоня под набежавшим ветром свои гордые кроны. – И будь к нам милосерден».

«Прими эту жертву, Хозяин! – зазвенел прозрачный ручеек, отражающий кристально чистое небо. – И да не оскудеют дары твои!»

«Прими эту жертву, Хозяин! – опасливо зашебуршились в кустах мелкие твари лесные. – И храни нас».

Солнце золотило нежную шкурку ягненка, рассыпаясь по ней тысячью драгоценных искр. Это было кра-

сивее, чем сверкание рубинов и блеск золота. Это было прекраснее всего на свете.

И он, хозяин и владетель, приблизился к алтарю. Жертва дернулась, уже понимая всю тщетность своих усилий, и покорно затихла.

Ему не было жаль ягненка. Таков был порядок. Правильное положение вещей в этом мире – а кому, если не ему, блюсти равновесие?

Все торжественно затихло, и даже ветер уgomонился, не решаясь прикоснуться к молодой траве, кое-где оттененной желтыми пятнышками взъерошенных после долгого сна одуванчиков.

«Я принимаю эту жертву. Да будет так отныне и во веки веков», – сказал он, погружая зубы в податливо подставленную тонкую шейку.

В рот сразу хлынула горячая пряная кровь.

Северин проснулся, чувствуя на губах солоноватый вкус крови. Кровь... опять кровь! Уже который раз за короткое время.

– Северин? У тебя все в порядке? – окликнул со своей кровати Глеб, разбуженный его возней.

Он что-то невразумительно рыкнул, словно разом позабыв человеческую речь.

Послышалось шуршание, и в комнате вспыхнул раздражающе-резкий искусственный свет.

– Да у тебя губы в крови! – Глеб приблизился и смотрел на друга с явной тревогой.

Северин медленно отер рот рукой.

– У тебя рана. Ты прокусил губу. Сильно...

– Все нормально, – пробормотал Северин, чувствуя, что ему стало немного легче. Конечно, это его собственная кровь. Он просто слишком сильно сжал во сне зубы... Ничего необычного и уж точно ничего страшного. Все абсолютно нормально.

– Давай перекисью обработаю.

– Нет, не стоит, – он отвернулся к стене.

– Северин... – Глеб сел на его кровать, видимо рассчитывая на полноценную беседу. – Я знаю, предательство всегда тяжело. Но предать может только по-настоящему близкий человек. Та девушка была случайным человеком. Она ушла – и хорошо, что ушла. Хорошо, что сейчас, а не позже, когда ты привязался бы к ней сильнее... Это правильно, когда случайные люди уходят. Понимаешь?

Северин не ответил. Он не стал спрашивать друга, как тот догадался о том, что произошло. Видимо, это было не сложно. Он не стал спорить, по привычке признавая, что Глеб умнее... Но болеть не переставало. С тех самых пор, когда в ушах с отчаянной ясностью прозвучало «если бы ты был ей нужен...» Если бы он был ей нужен, все сложилось бы по-другому. Но история, как известно, не знает сослагательного наклонения.

– Вот что, – Глеб встал и принялся ходить по комна-

те. — Мы никуда не едем. Вернее, мы возвращаемся в школу.

Эти слова, словно ножом, разрезали, казалось бы, непроницаемую пелену боли.

Северин приподнял голову, затем поднялся на локте, все еще не оборачиваясь к Глебу.

— А задание? — глухо спросил он.

— Евгений Михайлович поймет, — в голосе друга теперь звучала уверенность. Он уже решил, как будет лучше, и наверняка выстраивал сейчас новый план.

— Нет.

— Почему же «нет»? Душевная рана ничуть не хуже телесной. Да что там, она гораздо опаснее. Тебя ранили, и ты нуждаешься в лечении. Это нормально.

— Нет, — повторил Северин, поворачиваясь к другу. Его лицо было уже спокойным и решительным, и только прокушенная губа еще слабо кровоточила. — Ты абсолютно прав. Я не буду смешивать развлечения и долг. Ну развлеклись, попрыгали через костер, — он говорил сухо и зло, выплевывая слова, словно сгустки боли — быстрее, быстрее. — Это все ерунда. Дело — это другое. Нас ждут люди. И Евгений Михайлович надеется на нас. Я не подведу. Выезжаем завтра. Как планировали.

— Северин, — Глеб присел на корточки, вглядываясь в лицо друга. — Ты уверен?

— Конечно. Я благодарен ей за вчерашнюю ночь.

И забудем.

Глеб покачал головой, очевидно, не вполне поверив словам друга, но спорить не стал.

– Мальчишки, что у вас там? Почему спать мешаете? – послышался из-за тонкой стенки Динкин голос.

– Дина! – одернула ее Александра. Судя по бодрому голосу, она давно уже не спала.

– Все в порядке, – повторил Северин, уже ненавидя эти дурацкие бессмысленные слова. – Все в порядке. Спите, нам завтра рано выезжать.

Глеб смотрел на него испытующе и недоверчиво, и Северин криво, одним уголком рта улыбнулся и кивнул головой. Он надеялся, что друг не станет настаивать и лезть в душу. Он не нуждался сейчас ни в словах утешения, ни во врачах, ни в исповедниках. Ему требовалось одно – время.

– Там, куда мы едем, леса, – пояснил он Глебу, – там будет лучше.

И Глеб кивнул в ответ, он понял. Щелчок – и свет погас. На комнату опустилась благословенная темнота.

Глава 5

Сюрприз

Бородатый Семен Николаевич поджидал их на перроне.

– Ну что, молодежь, готовы трудиться? – спросил он, щурясь на солнце.

Солнце сегодня и впрямь было яркое. Отражаясь от оконных стекол, оно бросало на выщербленный растрескавшийся асфальт миллионы бликов.

– Всегда готовы! – отозвался Глеб, протягивая для пожатия руку.

Александра хмыкнула, а Динка, похоже, даже не оценила шутку – слишком далек от нее был старый пионерский отзыв.

Северин тоже не ответил. Все это время он чувствовал, будто землю под ногами вдруг заменили на стекло, и ходить приходится осторожно, постоянно опасаясь: а не провалишься ли. Едва они сели в поезд, он залез на верхнюю полку и так и пролежал всю дорогу. К счастью, друзья не надоедали. Неугомонная Динка со всей своей подростковой непосредственностью кинулась было его тормозить, но бдительная Александра тут же утихомирила подругу.

И вот теперь он стоял на грязном провинциальном

вокзале, глядя, как затрапезно одетые мужики соображают на троих у контейнеров с мусором.

– Семен Николаевич, археолог, – поздоровался с ними бородач.

Северин машинально кивнул и молча пожал белую пухлую руку, навряд ли знакомую с лопатой.

– Это Северин. Супергерой, суперсилач и мегаохотник! – представила его Динка.

– Очень приятно, юноша! – археолог расплылся в широкой улыбке, сияющей едва ли не ярче летнего солнца.

– Скажите, Семен Николаевич, а вы сами копаете? – вдруг спросил Северин и сам смутился неуместности своего вопроса: и зачем он пристал к взрослому серьезному человеку? Дурное настроение? Лучше держать его при себе. Отец вот всегда говорил, что хорошим нужно делиться, а дурное пускать по ветру.

Однако новый знакомый вовсе не обиделся и не смутился.

– Я уже откопал свое, юноша, – довольно хохотнул он, – теперь студенты копают! Вот приедем – познакомлю. Надежные ребята, но трепаться при них, конечно, не стоит. Ну вы же меня понимаете?..

– А если они что-то найдут? – спросил Глеб.

– Что найдут – то нам отдадут, – пожал плечами бородач, – они все-таки будущие профессионалы. К порядку приучены. Ну и когда до чего действитель-

но интересного дойдем, отыщем, чем их занять, чтобы под ногами не путались... Так что мы здесь стоим? – вдруг спохватился он. – Пойдемте к машине.

Машина оказалась высокой и вместительной. «УАЗ Патриот» – настоящая гордость отечественной автомобильной промышленности. В салоне пахло бензином, а обивка кресел была далеко не новой. Сразу видно – не пижонистая городская машина, а настоящая рабочая лошадка.

Все уселись, и вскоре за запыленным окном потянулись темно-зеленые ленты леса. «Это хорошо», – думал Северин, и сердце его понемногу успокаивалось. Если подумать, даже неплохо, что у него ничего не вышло с той девчонкой – все равно пришлось бы уезжать. А так... все точки расставлены, и его по-прежнему ничего не держит. Только школа, только товарищи, только дело, которым они занимаются вместе, – больше у него ничего нет. Больше ему ничего не нужно.

– Места здесь царские, – с гордостью, будто о собственных удельных угодьях, рассказывал тем временем археолог. – Новгородские земли всегда были одними из самых богатых. И расположение у них самое что ни на есть выгодное. И река славная, богатая рыбой, и леса с пушниной. Знаете, как называли этот город наши предки? Господин Великий Новгород. Слышите: Господин! Уважительно то есть. А еще – Отец городов русских. Вот оно как! Здесь издревле, еще со времен

неолита, селились разные племена. А уже в историческое время Новгородские земли дольше других сохраняли независимость и перешли под руку Московскому княжеству...

— В тысяча четыреста семьдесят восьмом году, — закончил за него Глеб, сидевший на переднем сиденье, рядом с водителем.

— Молодец, юноша! — Семен Николаевич похлопал парня по плечу. — Я бы тебя к себе в студенты взял!..

— Так у вас там много копать приходится! — отшутился Глеб, и все засмеялись.

— Ну как знаешь! — не огорчился археолог. — А вот, кстати, и наш лагерь. Уже подъезжаем.

Машина запрыгала по ухабистой лесной дороге, — похоже, на обычной легковушке здесь не проедешь, — натужно фырча, поднялась на песчаную горку и замерла.

Северин открыл дверцу и с облегчением вдохнул пахнувший песком и нагретой солнцем листвой воздух. После бензинового аромата он показался парню необыкновенно сладким.

— Ну что, вылезаете? — поторопила его Динка. Она сидела в середине, между Северином и Александрой и не могла выйти наружу, пока не вылезет один из них.

Северин поспешно спрыгнул и огляделся. Палаточный лагерь археологов располагался довольно далеко от дороги, ближе к берегу широкой реки, и вся компа-

ния направилась туда.

– Напоминаю: о деле – ни слова, – сказал Семен Николаевич, покосившись на Северина и Динку. Видимо, они вызывали у него наименьшее доверие.

– Мы что, маленькие?! – обиделась девочка.

А Северин ничего не ответил. Они уже подходили к лагерю, где на поляне мирно горел костерочек, над которым висел черный от копоти котелок. Вокруг костра сидела компания человек из десяти.

– Чаевничаем? – окликнул своих студентов археолог. – Принимайте дорогих гостей! Аrinka, что сидишь? Давай, что есть в печи – все на стол мечи!

Услышав это имя, Северин вздрогнул.

Сидевшая у костра, спиной к нему, девушка оглянулась. Ее роскошные золотистые волосы были скручены в узел и безжалостно убраны под строгую косынку, но не узнать это вдруг побелевшее лицо было невозможно. Звездные глаза вдруг застыли и потемнели, словно небесную лазурь закрыли грозовые тучи. Только пару секунд девушка и Северин смотрели друг на друга, а потом она поднялась и, не сказав ни слова, направилась к ближайшей палатке. Затем вновь появилась с жестяными кружками, коробкой чая и пакетом какого-то печенья.

Друзья застыли.

– Ну что, садитесь, – приглашал их Семен Николаевич, не обращая внимания на их странное поведение.

ние. — И познакомьтесь. Наша хозяйшка — дочь моего лучшего друга Арина, вон тот оглоед — Миша Прохоров, надежда отечественной археологии, вон там — Даша Синицына...

Он называл еще какие-то имена, но Северин едва ли его слышал. «Уехала с мужиком», — мельком сказала про Арину ее соседка. Так вот с каким мужиком она уехала. Не бывает таких совпадений! Или бывает?.. Северин мог поклясться, что Арина не ожидала его увидеть. Нет, все обстояло даже хуже. Он мог бы поклясться в том, что ее совсем не обрадовало его появление. Среди эмоций, промелькнувших на ее выразительном лице, было удивление и, пожалуй, даже страх... Ну что же... бывает... Не ожидала...

Он закусил губу и тут же почувствовал во рту солоноватый вкус крови. Недавно затянувшаяся ранка вновь закровоточила.

— Садись, — тихо произнес Глеб, ощутиمو надавливая на плечо друга рукой.

Северин опустилсЯ на траву.

Студенты, прервавшие разговор с появлением гостей, вновь оживились. Очевидно, они были с преподавателем на дружеской ноге, потому что со всех сторон уже звучал смех и слышались шуточки.

Тем временем чай был налит. Арина, не глядя на Северина, подвинула к нему чашку с еще дымящимся ароматным напитком.

Перед глазами у Северина словно стояло марево. Казалось, он по-прежнему едет в отечественном джипе, наблюдая окружающее через пыльное стекло.

Глеб тем временем, отвлекая внимание на себя, оживленно рассказывал что-то. «Собратья по лопате... здесь будет город-сад...» – доносились до Северина отдельные слова. Обычная, ничего не значащая болтовня. Студентки смеялись и с явным интересом поглядывали на Глеба. Очевидно, он имел у них успех. Одна из них, блондинка, довольно симпатичная, льнула к нему, не стесняясь остальных.

– Не люблю шумные компании. Пойдем прогуляемся... – из тумана вдруг выплыло знакомое лицо. Александра протянула Северину руку, собираясь помочь ему подняться.

«Я идиот! – мысленно обругал себя парень. – Сколько можно себе повторять, что та ночь ничего не значит! Глеб бы никогда не повел себя так глупо!.. Ну собирайся же, давай, передвигай ногами!»

Северин встряхнул головой, пытаясь отогнать навязчивый туман, и, приняв помощь Александры, поднялся на ноги.

– Пойдем, – девушка тянула его прочь от костра, и он подчинился.

На песчаном обрывистом берегу росли редкие деревья, цеплявшиеся за почву скрюченными уродливыми корнями. Здесь даже дышалось легче, чем там, у

костра.

Они остановились на краю обрыва. Там, внизу, отчаянно синела и искрилась река, многократно отражая солнечные лучи. Александра молчала.

– Зачем?.. – хрипло, с болью проговорил наконец Северин.

Это был выстраданный вопрос, который парень постоянно задавал себе с той самой минуты, когда там, у костра, Арина медленно повернулась к ним. Зачем? Зачем она так с ним поступила?..

– Я... я не знаю, – тихо ответила Александра. – Я думаю, она не нарочно... Просто не думала, что встретит тебя снова. Ночь на Ивана Купалу – особенная ночь. Иногда люди предпочитают забыть о ней. Просто перевернуть страницу... И не упрекай ее. Можно просто терпеть. Быть рядом с тем, кто тебе дорог, и стараться не показывать свою слабость. Быть просто тенью...

Она говорила быстро и очевидно волнуясь, и Северин знал, что для девушки это не простые слова. Поэтому он взял в свою руку прохладные, несмотря на жару, пальцы Александры и бережно сжал их.

Оба стояли плечо к плечу молчали. Они теперь были сообщниками. Они понимали друг друга так, как не мог понять их никто другой. Боль, острыми коготками вцепившаяся в сердце, осознала, что ей не выдержать эту схватку, и неохотно, постепенно стала отползать. Северин действительно почувствовал себя лучше.

«Я справлюсь. Мы справимся», – неожиданно понял он.

Весь этот день Арина избегала Северина, но вечером, когда зажгли костер, а студенты-историки затянули походные песни, она вдруг под села к нему.

Северин, хотя и ощущал ее присутствие всей кожей, – вернее, ему казалось, что с него живьем содрали всю кожу, оставив обнаженными нервы, – по-прежнему смотрел на костер. «Там костер и тут... Какая ирония», – подумал парень, вспоминая купальский вечер. Теперь то, что было недавно, и вправду казалось ему горькой злой насмешкой.

– Я не думала, что увижу тебя снова... – произнесла Арина едва слышно.

Он и так это прекрасно понял. Ну конечно, не думала. Сбежала, не сказав ни слова, а вот он – сюрприз. Surprise, как сказали бы в дешевом фильме, выскакивая из-за угла в самый неподходящий момент.

Северин не ответил. Да и что уж тут отвечать, все и без того совершенно понятно.

– Ты не сердись. Я, когда тебя увидела, едва глазам поверила... – продолжала Арина, глядя не на него, а на пламя.

На огонь и на воду можно смотреть бесконечно. Это правда, тем более что ни вода, ни огонь не ответят укоряющим взглядом, не почувствуют боли предательства. И вообще, если подумать, они – самые подходя-

щие собеседники. И выслушают, и поймут, и простят, и неуместных вопросов не зададут. Ну чем не идеал?..

– Северин... – Она попыталась дотронуться до его руки, но он брезгливо отдернул пальцы. – Я тебе все объясню...

– Не надо. – Он встал и нарочито зевнул. – Пойду посплю. Кажется, завтра у нас много работы...

И он ушел, оставляя позади негромкие, зовущие куда-то в дальние края песни, взволнованно подрагивающее пламя костра и глаза, полные чего-то невыразимого – то ли печали, то ли надежды, то ли страха...

«Мне нет до нее никакого дела», – повторял себе Северин, расстегивая полог палатки.

Тем временем у костра затеяли рассказывать страшилки.

– Вот послушайте, что с одним моим знакомым было. Реальная история, – говорил один из студентов. – Поехал он как-то с друзьями в лес. Ну, там, палаточку поставили, поляну накрыли – шашлычок, помидорчики, пиво, как положено – чин чинарем. Друзья напились, а он не пьет – даже в рот не берет, только безалкогольное. И вот рассказывает он, что сидит у костра и вдруг видит – девушка. Красивая, с длинными черными волосами. Смотрит на него, улыбается и пальцем к себе манит. Он и пошел. Она впереди, а знакомый мой за ней. Идут и идут, долго уже. «Эй! – кричит он. – Далеко еще?» А она к нему обернулась, и раз – пропа-

ла! Смотрит он и понимает, что в болото зашел. Едва обратно выбрался, а потом еще часа два по лесу плутал, пока друзей отыскал. Пришел усталый. Завалился спать. Наутро рассказал приятелям, но те, конечно, не поверили. Едут, значит, обратно. Проезжают мимо кладбища. И тут словно дернуло его что-то. «Притормози», – говорит. Машина останавливается. Подходит пацан к ближайшей могиле и видит на фотографии... вчерашнюю девушку.

– Ой, ну это еще ерунда. Я страшнее историю слышал, – с готовностью подхватил другой студент. – Слышал я про то, что один парень ночевал в старом деревенском доме у каких-то знакомых. Постелили ему на втором этаже. Лег он, значит, спать. А среди ночи вдруг проснулся. Тут надо сказать, что вообще-то сон у него крепкий – из пушки не разбудишь. Проснулся он и даже не слышит, а скорее чувствует, что кто-то поднимается по лестнице, и такой ужас вдруг пацана обуял, даже вздохнуть боится. Слышит, будто дверь тихонько скрипнула, и чувствует, что в комнате совершенно точно кто-то есть. Пацан глаза закрыл, к стене отвернулся и молится про себя, значит. И тут его спины коснулись чьи-то пальцы! Даже не пальцы, а... – рассказчик замялся, подбирая подходящее слово. – Ну как будто это костяные руки с когтями. Несчастный, конечно, заорал. Прибежали хозяева. Он им про то, что было, рассказал, а они не поверили: типа, сон простой приснил-

ся. Ну, успокоили его. Заснул он. Утром просыпается. Солнышко там и все такое. Спускается к завтраку в той же футболке, в какой спал, и видит, что хозяева на него как-то странно смотрят. «Что такое?» – спрашивает, а они ему на его футболку кивают. Снял он эту футболку и видит, что там – пять дыр, словно когтями оставлены – как раз там, где его скелетная рука коснулась...

Затрещал костер, и какая-то девушка с испугу ахнула. Все бросились ее успокаивать, что несколько разрядило накалившуюся уже обстановку. Слушать страшные истории ночью, в глухом лесу совсем не то, что в людном месте, при ярком свете солнца.

– Так, может, это хозяева такие... юмористы? – предположил студент, рассказывавший первым. – Вот представьте: клевый розыгрыш устроили!..

– Не знаю, – пожал плечами рассказчик, – за что купил – за то и продаю.

– А я тоже историю знаю! – оживилась дождавшаяся своей очереди Динка. – Вот послушайте. Жила на свете одна женщина, и было у нее три сына. Исполнилось старшему из них десять лет, и подарила мама ему черную розу. Взял мальчик подарок и ушел с ним в комнату... А наутро его нашли мертвым! У него была отрезана голова, и у розы тоже!.. Похоронили мальчика... Прошло какое-то время, исполняется среднему десять. И... что бы вы думали, – Динка оглядела притихшую аудиторию, – дарит и ему мама черную розу,

а наутро мальчика находят мертвым. История в точности повторяется. Понимает младший, что, видно, не суждено ему десяти лет пережить, но что уж тут поделаешь. Быстро летит время. Исполняется и ему десять. Он с самого утра уже в панике, а вечером дарит ему мать... черную розу! Взял цветок мальчик и, едва не плача, пошел к себе. А сам не ложится: сел на кровать и ждет... И тут, ровно в полночь, отворяется вдруг дверь, и в комнату... ВХОДИТ ЕГО МАТЬ С ОГРОМНЫМИ НОЖНИЦАМИ В РУКАХ!

Последняя история имела неожиданный успех. Студенты с готовностью рассмеялись, снимая накопившееся напряжение.

– Ну напугала! – хохотал Семен Николаевич, похлопывая себя по густой бороде. – В мое время детей на лето в пионерлагеря отправляли, я тоже там, почитай, с десяти до семнадцати каждый год отдыхал. Любили мы страшилки – аж жуть! Помню одну про вожатого, который собирал детей на черный костер, а там убивал всех и сжигал их тела. Ерунда такая, но страшно было... до дрожи!..

– Расскажите, а? – принялись просить студенты.

Археолог почесал затылок.

– Ладно, – согласился он. – Расскажу, пожалуй, одну байку... Но чур, последняя история! После нее – все спать! Завтра работы много... Ну что, согласны?

– Ага! – дружно послышалось со всех сторон.

– Хорошо. Только помните: договор дороже денег.

Студенты приготовились слушать. Да и Глебу, признаться, было интересно. Очень их новый знакомый колоритный, и история, должно быть, не хуже окажется.

– Дело, значит, было на Ивана Купалу... – начал Семен Николаевич, откашлявшись. – И... один парень... пошел праздник этот с друзьями отметить. Зажгли костер, как полагается, стали через него прыгать. И вдруг видит он девушку красивую... Парень все к ней подойти хотел, но как-то не получалось – то из виду пропадет, то вокруг нее девиц много... Напрыгались, в общем, и пошли в лес цветок папоротника волшебный искать. И видит парень, что девушка его с подругой к лесу идут, а сами на него все оглядываются, зовут как будто. Он, конечно, за ними. Догнал. Разговорились. Хиханьки да хаханьки. Тут одна из девиц и говорит... хммм... – Археолог замолчал и покосился на Динку. – Я вообще-то не подумал, эта история не совсем того... детская.

– А я и не ребенок! – обиделась Дина. – Вы что, серьезно считаете, что для молодого интернет-специалиста могут оставаться хоть какие-то тайны в отношениях? Да знаю я, знаю, откуда прилетает аист.

– Продолжайте! – попросили рассказчика студенты. – И вправду все не маленькие.

– Ну ладно, – махнул рукой Семен Николаевич, – из песни, как говорится, слова не выкинешь. В общем,

предложила красавица... ему в гости к ней пойти. Он парень молодой – что ему, согласился. Пришли все втроем к какому-то дому, залезли на сеновал. А обе девушки такие ласковые... так и льнут! В общем, парень сам себя от счастья не помнит. Всю ночь миловались, значит, а под утро заснул он. Проснулся оттого, что замерз как цуцик. Как-то мокро, неудобно. Открывает глаза и видит, что лежит в большом гнезде, которое под его тяжестью почти потопло, прямо в озере, а рядом две лебедицы – спят, головы под крыло засунули... Он, понятно, так испугался, что сам не знает, как оттуда выбрался. А потом, когда место это, уже днем, отыскать пытался, ничего не нашел...

История действительно была странная. Студенты приумолкли.

– Ну что, живо по палаткам и спать! – скомандовал археолог уже совершенно другим, будничным голосом.

Ребята поворчали, но потихоньку стали разбредаться, археолог же остался у костра, задумчиво глядя на угли.

– Семен Николаевич! – окликнула его вдруг Александра. – Мне показалось, будто эта история...

– Глупости! Показалось, – отмахнулся он слишком поспешно, чтобы Глеб мог ему поверить. Они с Сашей переглянулись.

– Что-то парень ваш, Северин, совсем дикий, – заметил Семен Николаевич, явно желая направить раз-

говор в другое русло. — Или у него проблемы?..

Глеб небрежно улыбнулся:

— Все нормально. Северин и вправду не очень общителен, зато незаменим в лесу. Я не говорил, что он из семьи лесников? У них принято рано ложиться и вставать с первыми лучами солнца.

Археолог кивнул.

— Кто рано встает — тому бог дает, — произнес он известную поговорку и оглянулся на своих студентов. — Ну что, спать? Завтра с рассветом приступаем.

— Семен Николаевич! Ну пожалуйста! — раздалось с разных концов. — Мы еще немного. Хорошо? Мы завтра как огурчики, честное археологическое!

— Ну раз честное археологическое... — начальник экспедиции махнул рукой, — тогда ладно. Только смотрите у меня! Чтобы завтра никто не отлынивал!

— Обещаем! — с готовностью подтвердили ребята.

А Глеб смотрел туда, где сидела Арина. Ее лица не было видно — лишь темнел силуэт. Может, поговорить с Семеном Николаевичем и попросить удалить эту дочь друга из археологической экспедиции?.. С Северином и без нее творится что-то неладное, а она тут словно катализатор. Глебу очень и очень не нравилось то, что происходит с другом. Он меняется прямо на глазах. И беспечность, с которой он отмахнулся от вопроса археолога, скрывала под собой глубокую озабоченность. «Из семьи лесников...» — сказал он Семену Ни-

колаевичу, а ведь с семьей у Северина тоже связана какая-то драма...

* * *

Ароматы леса, заячьих шкур и сушеных трав были для Северина первыми запахами его детства. Странно, память лучше всего сохранила именно запахи и только потом лица родителей, скудную обстановку небольшого, но уютного, выстроенного из толстых бревен, с основательно проконопаченными щелями, дома. В этом доме всегда было тепло.

Жили они отдельно от всех.

«Я лесник. Мне нужно быть ближе к лесу», – объяснял отец, и Северину было достаточно этого объяснения лет до семи.

Когда ему почти исполнилось восемь, настала пора идти в школу.

Школа казалась мальчику чем-то ненастоящим, находящимся за пределами их собственной сказки.

– Я не хочу в школу! – плакал он, позволяя слезам катиться по лицу, чтобы ставшие в один миг жестокими родители увидели, какое горе причиняют они единственному сыну. Увидели и исправились, чтобы все немедленно стало таким, как прежде, а размеренная лесная жизнь не заканчивалась никогда.

– Малыш, – мама присела перед ним на корточки и просительно заглянула в глаза, – ты должен учиться, чтобы стать большим и умным. Понимаешь? И... еще... там у тебя появятся друзья. Нельзя без друзей. Плохо, что ты ни с кем не дружишь.

Северин посмотрел на нее с недоумением.

– Но я же дружу с тобой и с папой. Вы – мои лучшие друзья! Я умею читать буквы и следы. Я знаю животных и птиц. Ты и папа учите меня. Зачем мне в школу?..

Мама тяжело вздохнула.

– Ты должен дружить с такими же детьми, как ты. Это весело. Вы можете играть и бегать. С друзьями никогда не скучно.

Мальчик не понимал.

– Мама, – вдруг спросил он, – а тебе скучно со мной и с папой? Ты тоже хотела бы в школу? К друзьям?

– Нет, глупенький! – она чмокнула его в макушку. – Но пока просто поверь мне. Вырастешь – поймешь.

Глава 6

Чрезвычайное происшествие

Шаман без бубна сидел на корточках у изголовья спального спящего Северина. Любопытные глаза старика сверкали в темноте горящими угольями.

– Здравствуй, однако, – приветствовал его Глеб. Он уже привык к присутствию призрака. Между ними даже возникло что-то типа странной дружбы.

– Здравствуй, молодой шаман, – отозвался старик. – Смотрю, у вас новая яранга. Только маленькая, однако, и холодная. В хорошей яранге очаг нужен и стены из хорошей шкуры. У вас шкура совсем плохая, лысая. Зимой совсем негодно будет.

Глеб усмехнулся.

– Мы до зимы не останемся, – объяснил он, – мы здесь на время.

Старый шаман укоризненно покачал головой, и на его сморщенном, похожем на чернослив лице возникло явное неодобрение.

– Глупые молодые, однако, – произнес он, теребя засаленную косицу, – все ездят. Чего ищут, зачем?.. Всю силу себе не подчинишь. Если много съесть – и лопнуть можно.

Глеб опустил на свой спальник. Не объяснять же

старика про то, что ищут они не для себя и каждый предмет, обладающий силой, поможет не только каждому из них, но и всем соотечественникам. Глебу хотелось, чтобы Россия стала сильной, богатой страной, лидером среди других мировых держав. Что поймет глупый шаман, всю жизнь камлавший духов в тундре среди чукчей?..

Но старик, похоже, прекрасно понял ход его мыслей.

– Думаешь, если ваше племя сильнее других будет, то те племена вас любить станут? – поинтересовался он, хитро заглядывая с глаза Глебу.

– Слабых никто не уважает, – невольно вступил в дискуссию тот.

– Слабый – это не умный. Умный никогда не слабый, – выдвинул следующее соображение отсталый шаман. – А тот, кто думает, что сильнее других, становится глупым... как старый чукча, – и он подмигнул парню.

– Ну и к чему весь этот разговор? К чему ты клоунишь? – не выдержал Глеб. Он устал после дня, проведенного в дороге, и вовсе не был настроен вести длинные дискуссии с призраками.

– А я что... я старый глупый чукча. Твоя молодой, твой умный, вот и думай!

Глеб заметил, что высохшее морщинистое лицо старика как никогда напоминает острую лисью мордочку. Уж глупцом-то старый шаман не был, это точно!

— А товарищ твой, — шаман кивнул на спящего Северина, — совсем не прост. Боялись бы его у нас, боялись и уважали...

Задав новую загадку, старик исчез, словно растворился в ночном воздухе.

Глеб вздохнул и принялся переодеваться ко сну. Он ужасно устал за день и ощутимо почувствовал это только сейчас, словно вся усталость вдруг рухнула на его плечи. Парень потер вспыхнувший болью висок и нырнул в спальник — со всеми загадками он будет разбираться завтра, а сейчас — спать, спать...

С утра археологи и присоединившиеся к ним «руси-чи» направились на место, где велись раскопки. Копали курган, расположенный у берега реки. Осмотрев место, Глеб остался доволен: по многим приметам оно прекрасно подходило для святилища.

Студенты Семена Николаевича трудились, махая лопатами, девушки сидели на отвале, просеивая вскопанную землю в поисках свидетельств наличия предметов материальной культуры. Арина оказалась среди них. Как и вчера, ее густые пышные волосы были тщательно собраны под косынку. Она поздоровалась с Глебом и Северином, и оба ограничились в ответ сухими кивками. Северин с охотой присоединился к копающим. Похоже, физический труд доставлял ему настоящую радость. Было жарко, и вскоре все парни сбросили рубахи. Теперь Северин еще выгоднее выделял-

ся среди в большинстве своем тощих историков – на загорелой узкой, но ощутимо крепкой спине переливались мускулы. Он не был здоровяком, но в то же время производил впечатление силы, сжатой, словно закрученной в пружину, а оттого еще более яростной и неостановимой. Работал Северин за троих, и наблюдающий за ходом работ руководитель экспедиции одобрительно кивнул.

– Ну ты богатырь! – заметил он. – Вот кого бы взял к себе в студенты!

Глеб, работающий рядом с другом, отвлекся, вытирая со лба выступивший пот.

– Вот видите, Семен Николаевич, а вы вчера мне предлагали. Если подумать, что стоит знание дат по сравнению с умением махать лопатой? – усмехнулся он.

– А что, я бы вас всех к себе взял! – археолог огладил свою бороду. – Все четверо хороши как на подбор. Хотя... – Семен Николаевич хитро улыбнулся. – Может, и не стоит. У меня из-за вашего присутствия дисциплина страдает. Вчера вон мои девки на Глеба пялились, а сегодня уже и с Северина глаз не сводят! Где уж тут полноценная работа? Даже Аринку и ту, похоже, с пути истинного сбили! Глядите у меня!..

Глеб огляделся и заметил девушку, которая действительно не сводила глаз с работающего Северина.

– Ну раз так, и проситься не будем, – отшутился он

и снова взялся за лопату.

Весь день прошел в трудах. Динка уже извела друзей жалобами на нестабильность связи и тяжесть работы: попробуй просеивать землю на солнцепеке, согнувшись в три погибели – никому раем не покажется! Зато ближе к вечеру старания оказались вознаграждены: один из студентов, Дима, наткнулся на край чего-то большого.

Предмет начали расчищать, но предстояла еще уйма работы, когда руководитель наконец скомандовал отбой.

Сразу после окончания работы к Глебу подошел высокий светловолосый парень.

– Отойдем. На минутку, – сказал он хрипловато.

Глеб удивился. Примерно так его вызывали выяснять отношения, когда он еще жил в детском доме. Давненько же это было!

– Ну отойдем, – согласился Глеб равнодушно и последовал за светловолосым куда-то к зарослям малины.

Они остановились.

– Вот я что хочу спросить, – проговорил студент, нервно дернув кадыком на тощей белой шее, – ты с ней серьезно замутить собираешься или так?

– С кем? – искренне не понял Глеб, думая, уж не перепутали ли его с Северином.

– Да понял ты все! Не надо ля-ля! С Аней. – Парень

смотрел на него недоверчиво, а Глеб принялся судорожно вспоминать, какую Аню тот может иметь в виду.

Вокруг него вчера и сегодня крутилось несколько студенток, очевидно, привлеченных появлением нового, незнакомого лица, а также особым статусом Глеба — не из студентов, а на равных с их руководителем. Кажется, была среди них и какая-то Аня, блондинка с задорным, чуть вздернутым носиком.

— Несерьезно, — искренне признался он.

Парень побагровел.

— Послушай! — раненым быком взревел он. — Думаешь, нашелся здесь самый крутой?!

Глеб вздохнул. Похоже, бедный студент серьезно влюблен в эту легкомысленную Аню, он даже готов был самоотверженно устраниться, чтобы обеспечить счастье любимой, но стерпеть пренебрежение по отношению к ней уже не смог. Печально. При таком раскладе сложно будет обойтись без драки, а завязывать драку, тем более без повода, Глеб вовсе не собирался.

— Как тебя зовут? — примирительно обратился он к студенту. — Прости, не запомнил, когда нас познакомили.

— Саша я, — чуть сбавил тон тот.

— Послушай, Саша, — Глеб сорвал с куста спелую ягоду и с удовольствием съел ее. — Я вовсе не самый крутой. Но, понимаю, на самом деле ты не об этом. Честное слово, у меня уже есть девушка.

— То есть? — парень моргнул.

– То есть я вообще не собираюсь ничего мутить с Аней, – объяснил Глеб. – Но дам тебе один совет. Ты на гитаре играешь?

– Нет... А при чем здесь это? – Саша совершенно растерялся.

– Тогда, может быть, читаешь стихи? Или у тебя гениальное археологическое мышление?

Светловолосый сжал кулаки и, кажется, опять стал входить в состояние боевой ярости. Из чего пришлось сделать неутешительный вывод, что никаким из перечисленных достоинств он не обладал, а еще решил, что свалившийся им как снег на голову выскочка стремится его унижить.

– Так вот, мой совет: научись делать что-нибудь лучше других. Это, скорее всего, привлечет внимание Ани, – закончил Глеб.

Саша задумчиво нахмурился.

– Ты так действительно думаешь? – спросил он.

– Я в этом абсолютно уверен, – Глеб сорвал еще несколько ягод.

– И на Аню ты не претендуешь? – еще раз уточнил собеседник.

– Не претендую, – Глеб развел руками. – Ну что, может, присоединимся к остальным, а то весь отдых провороним?..

И вправду, в это время студенты, забывшие обо всем, даже о любопытной находке, кинулись купаться,

с реки слышался чей-то заливистый смех.

– Ладно, считай, договорились. Но смотри! – белобрысый еще раз стиснул кулак, демонстрируя готовность к драке.

– Без проблем! – повторно заверил Глеб.

– О чем это вы разговаривали? – поинтересовалась любопытная Динка, когда вся четверка собралась на берегу.

– Так, давал психологическую консультацию, – отмахнулся Глеб. – Давайте лучше о деле поговорим.

– О сегодняшней находке? Ты думаешь, это то, что мы ищем? – спросила Александра. Сегодня, после дня напряженного труда, она казалась не такой безупречной, как всегда – у лица повисла прядка волос, а открытые плечи обгорели, и теперь, когда девушка переоделась в купальник, на них белел узор от лямок сарафана. Но все это не отталкивало, напротив, казалось милым, почти домашним.

– Нет, не думаю, – Глеб, отвернувшись от нее, покачал головой. – Пока еще сложно судить, но предмет, который мы нашли, скорее всего, относится к более позднему времени. Я думаю, что это сундук. Или ящик.

– А почему бы нашей секире не быть в этом ящике? – вмешалась в беседу нетерпеливая Динка. – Вспомните, Велесову книгу спрятали только во времена Ивана Грозного. Так что вполне может оказаться, что и секира здесь лежит и нас ждет. Вот завтра раскопаем...

– Признайся лучше, что тебе здесь надоело, вот и хочешь найти секиру поскорее, – улыбнулся ей Глеб.

– А я и не скрываю! – хмыкнула Динка. – Я же вам уже говорила, что никаких условий для существования нормального подростка! И эксплуатация детского труда, заметим, строго запрещена законодательством!

– Ах так? – Глеб состроил нарочито строгое лицо. – Ну тогда не будем спорить с законодательством и завтра же отправим тебя в Москву. Будешь учиться, набираться сил... По утрам – полезная детям овсянка, да и литературу подтянуть сможешь...

Динка поморщилась.

– Это нечестно! – завопила она. – Вы пользуетесь своим положением и загоняете меня в угол!

– Ладно, Дин, – на ее плечо опустилась рука Северина. – Глеб шутит... Пойдем лучше купаться...

– Пойдем! – радостно согласилась девочка и тут же, сверкая пятками, понеслась с обрыва вниз, где с хохотом возились в воде студенты.

– Северин, – окликнул Глеб друга, уже собиравшегося последовать за Динкой. – И все-таки, что ты будешь делать?..

– Ты о чем? – он оглянулся, глядя на них ярко-синими незамутненными глазами.

– Я... – Глеб замялся.

– Об Арине? Да ладно, все прошло, я в норме. Так мы идем купаться или нет? Вон нашу Динку уже в коль-

цо взяли, брызгают. Надо идти на помощь! – и он тоже побежал вниз.

– А ты что обо всем этом думаешь? – покосился Глеб на Александру.

Девушка пожала плечами и тут же поморщилась: видимо, болела обожженная кожа.

– А ничего я не думаю, – неожиданно резко ответила Саша. – Они должны сами разобраться. Только он и она. Помогать здесь – только портить.

Она стала спускаться к пляжу, и Глебу не оставалось ничего другого как последовать за ней.

Вечером, как и вчера, был костер. Когда Северин присоединился к ребятам за ужином, у огня сидело несколько незнакомых парней. Их точно не было днем во время раскопок.

– ...И вдруг лопата натывается на что-то твердое!.. – с воодушевлением рассказывал герой дня, обнаруживший странный предмет. – Наших, понятно, уйма набежала. Вокруг только и разговоров, предположений, что же мы нашли...

– И что же? – жадно спросил один из незнакомцев – худющий, в грязной рубаше и вытянутых на коленях трениках.

– Сами пока не знаем, – отмахнулся Дима. – Вот завтра раскопаем и посмотрим. Но, если уж быть откровенным, похоже на сундук с сокровищами.

– А что, – вмешался в беседу другой студент-исто-

рик, – здесь места были дикие, самые что ни на есть разбойничьи. В общем, не удивлюсь, если мы клад какого-нибудь лихого атамана раскопали.

– Сокровища Стеньки Разина! – хихикнула симпатичная рыжая девчонка.

– А там – бриллианты вот такие! – выставив вперед кулак, продолжал фантазировать студент, первым заподозривший в находке разбойничий клад.

– Иди ты, – широко раскрыл глаза парень в трениках.

– А то! – Димка, повернувшись к присевшему подле него Северину, подмигнул новому товарищу. – Деревенские. Наивные. Всему верят! – шепотом прокомментировал он.

Северин нахмурился. Он не любил, когда разыгрывают простачков. Он и сам когда-то был наивным мальчиком, верящим каждому слову просто потому, что родители не рассказывали ему о розыгрышах и несмешных шутках, которые сами шутники отчего-то находили крайне забавными. Но тут у костра появилась Арина, и Северин почувствовал: что бы он ни говорил друзьям, находиться от нее поблизости он пока не может. Вокруг нее словно электризуется воздух, вонзаясь в легкие тысячью тоненьких иголочек. Слишком тяжело. Слишком свежи еще незалеченные раны.

– Приятного вечера, – буркнул Северин и, взяв свою тарелку, направился прочь, спиной чувствуя напряженный взгляд Арины.

Черт бы побрал ее неизвестно откуда взявшееся желание извиниться! Уже проехали и забыли... Но ведь больно, ужасно больно...

У костра продолжались разговоры. Студенты, намахавшиеся за день лопатами, дали волю языкам. Но Серину это уже было неинтересно.

Полужинав, он крепко заснул, благословляя работу, утомившую даже его крепкое тренированное тело.

Глеб сидел у костра и посмеивался. Отелло местного разлива все же возомнил, будто устрасил соперника своими тощенькими кулачками, и теперь хвастался кому-то из своих приятелей, что указал выскочке его место. Конечно, можно было бы вмешаться и прояснить ситуацию, но зачем, когда это скорее смешно, чем грустно. Чем бы бедный Саша ни тешился. Кстати, дурак, мог бы прислушаться к совету – совет был дельный.

Белобрысая Аня, кстати, по-прежнему строила Глебу глазки, и это казалось похуже, чем ревнивый гнев этого Отелло. Глеб даже подумал, не попросить ли Александру сделать вид, будто между ними что-то есть, – это помогло бы ему отбиться от всяких претенденток. Впрочем, Глеб тут же отверг первоначальную мысль: нечего впутывать Сашу, сам разберется. Но прежде всего разобраться стоило с тем, что действительно уже накипело и тревожило Глеба по-настоящему.

Профессор сидел у костра, попыхивая трубочкой.

– Семен Николаевич, – окликнул археолога Глеб, – надо с вами поговорить.

Они отошли от костра, и под монотонный писк комаров Глеб вкратце рассказал о первой встрече с Ариной. Археолог слушал молча, теребя бороду и пуская из трубки дым.

– Гм... – произнес он наконец – история, конечно, не слишком приятная, но, уверен, лучше в нее не лезть. Пусть сами разбираются.

– А разберутся ли? – усомнился Глеб.

– Да куда же денутся?! – хохотнул археолог. – Девочку в любом случае отправить отсюда не могу, обещал отцу занять и проследить. И не думайте, что Арина кокетка или легкомысленная дурочка. Она девочка серьезная, старательная. Даже вышивает, представляешь! А это сколько же терпения надо!

Глеба не то чтобы интересовало Аринино рукоделие, но он кивнул. Наверное, и вправду лучше не вмешиваться. Там, где должны разобраться двое – третий лишний, только испортит да запутает.

– Спасибо, Семен Николаевич, что вразумили, – улыбнулся он. – Пожалуй, вы правы. Подождем пока, посмотрим.

– Вот и ладушки! – археолог выбил трубку и звонко хлопнул себя по шее. – Ну что, идем, а то комары заживо съедят.

– Идем, – согласился Глеб, тоже уставший отгонять от себя настырных кровопийц.

Далее вечер прошел спокойно, и вскоре все уже разошлись по палаткам.

А с утра, сразу после завтрака, когда студенты собирались продолжить вчерашнюю работу, обнаружилось, что пропали лопаты. Все сразу. Будто их и не было.

– Это что такое?! – негодовал Семен Николаевич, смешно хмуря широкие тяжелые брови. – Это что за провокация? Сознавайтесь, работать надоело?!

– Что вы! – хором заверяли профессора студенты. – Вот честное слово, сюда, под эту елку, вчера положили, а тут... Мистика какая-то...

– А к нам ведь вечером из деревни парни приходили, – вдруг напомнил кто-то. Может, они лопатам ноги приделали?

– Вот народ! – всплеснул руками археолог. – Ничего без присмотра оставить нельзя! Лопаты – и те увели! А все для чего? Небось на бутылку водяры плохой обменять. Вот народ!.. А вы что имущество без присмотра оставили?! – набросился он тут же на притихших историков.

– Так мы не думали...

– Думать надо всегда, господа студиозусы! – авторитетно проревел Семен Николаевич. – Ну да что уж с вами поделаешь... И с гостями вашими... Чувствую,

разбираться в деревне бесполезно. Придется ехать в город за новыми лопатами...

Студенты, предвидя внеочередной свободный день, явственно взбодрились, и руководитель, укоризненно покачав головой, все-таки сел в свою машину и отбыл за новыми орудиями производства.

После его отъезда в лагере воцарилось настоящее веселье, а самые артистичные из ребят тут же взялись за постановку сценки под кодовым названием «Коварные воры в ночи похищают лопаты самоотверженных археологов».

— Ну что, — спросил Глеб, когда вся команда «руси-чей» собралась вокруг него на обрывистом берегу около пляжа. — Опять целый день насмарку. По мне лучше бы убедились, правильно ли копаем.

— Откопали бы то, что нужно, и домой, к цивилизации! — вздохнула Динка, уже напрочь позабывшая и об овсянке, и об уроках.

Северин промолчал. Он больше других хотел, чтобы раскопки так или иначе закончились и можно было уехать отсюда подальше от ненужных воспоминаний. Но, как известно, словами делу не поможешь, а значит, зачем напрасно сотрясать воздух.

— Посмотрите, — вдруг окликнула друзей Александра, — видите вон там, на другом берегу, кто-то в черном?..

— Вот черт! — не сдержавшись, выругался Глеб. — Го-

тов спорить, это опять тот же парень!

– Какой парень? – заинтересовалась Динка и даже привстала на носочки, точно надеялась лучше от этого видеть.

– Да, похоже, тот же, которого мы с Северином заметили в день нападения на школу...

– И тот, которого мы видели в ночь на Ивана Купалу, – добавила Александра.

– Вот это да! – восхитилась Динка, вглядываясь в черную фигуру. – Выходит, он за нами следит?.. А еще вот что я вам скажу: он лопаты и украл!

– В качестве сувенира на добрую память? – хмуро поинтересовался Северин.

– Если бы! – Динка не спешила открывать все карты, наслаждаясь лицедейством.

– Она о том, что, похоже, наши противники задумали лишить нас возможности продолжать раскопки и выкопать тот сундук, или на что мы там наткнулись, самим, – вмешался Глеб к большому неудовольствию девочки.

– Ага, – кивнул Северин, наблюдая, как черная фигура на том берегу исчезла в кустах. – И что дальше? Семен Николаевич привезет новые лопаты не позже чем к обеду. Какой смысл воровать старые?

– А смысл в том, – поторопилась заявить Динка, – чтобы сделать что-нибудь, пока начальник экспедиции отсутствует.

– Согласен, – Глеб кивнул. – Если так, то каких-либо действий нам нужно ожидать в ближайшее время.

– Нет, не нужно, – неожиданно заявила Александра. Она стояла, отвернувшись от друзей, и смотрела куда-то на пляж.

– Это почему же не нужно?! – взвилась обиженно Динка.

– А потому, что мы уже дождались, – пояснила Александра таким же спокойным тоном, как если бы находилась на уроке в школе.

И вправду, к столпившимся на берегу студентам подходил полицейский.

– Пойдемте послушаем! – позвал друзей Глеб, и все спустились на пляж.

– ...Так что нечего вам здесь отираться! Говорю же: строго запрещено! – повторил полицейский, теребя свою фуражку.

Это был еще довольно молодой, долговязый и веснушчатый парень.

– Но у нас здесь раскоп... – нерешительно возразил один из студентов.

– А вот копать здесь вы как раз-то и не имеете права! – полицейский так перегнул свою несчастную фуражку, что едва не сломал козырек. – Вот где у вас специальные бумаги?..

Студенты зашумели.

– Они у нашего профессора, он за лопатами в город

уехал, – заявил тот же смельчак.

Полицейский нахмурился, сразу став похожим на взъерошенного воробья-переростка.

– Нет бумаг – нет и разговора! – подвел он итог.

– А у тебя-то самого удостоверение есть? – послышался вдруг из толпы девичий голос.

Полицейский выпятил губу и, достав из кармана удостоверение, потряс им перед студентами.

– Ну, посмотрели? – ехидно осведомился он. – А теперь марш отсюда! Неча паяться, тут вам не телевизор!

Студенты, сломленные его железными аргументами, повернули в сторону лагеря, по пути обещая, что «вот придет профессор, профессор нас рассудит».

– И что вы об этом думаете? – поинтересовался у друзей Глеб, когда они отошли немного от пляжа и остановились, не спеша примкнуть к историкам.

– Грубо ваш черный в этот раз работает, – пожал плечами Северин, покусывая сорванный по дороге листик мяты. – Нападение грамотно организовали, как по нотам, а с полевой работой у них не очень...

– И полицейского зачем-то приплели, – добавила Динка.

– А это не полицейский, – заявил вдруг Глеб, поглядывая в сторону пляжа.

– Почему? – не понял Северин.

– Ты видел, как он нервничал? – спросил Глеб, и при-

ятель кивнул.

– А как же удостоверение? – усомнилась Динка.

– Вот оно-то и убедило меня окончательно, что полицейский – самозванный, – напустил еще больше тумана Глеб.

– Что ты нам, как в квесте, проверки устраиваешь? – обиженно шмыгнула носом девочка. – Говори уж. Где твое «элементарно, Ватсон»?

– Элементарно, Динка, – передразнил ее Глеб. – Он же удостоверение издали показывал, а еще размахивал им, чтобы рассмотреть никакой возможности не было. Отсюда и заключаю, что либо удостоверение – липа, либо в нем вклеена фотография другого человека.

– И правда! – вырвалось у Северина. – От него как-то странно пахло. Самогоном. Причем не от самого парня, а от его одежды...

– Ты действительно это учуял? – Динка с любопытством уставилась на приятеля. – Ну у тебя и нос! Мне бы такой!

– Да ладно, – отмахнулся Северин, – нос как нос... Динка многозначительно хмыкнула.

– Не важно, – прервала неловкую паузу Александра. – Видите, тот тип в полицейской форме поднимается по обрыву к раскопу. Пойдемте проследим за ним. Думаю, увидим что-нибудь интересное.

К счастью, лесок тянулся по всему берегу, предоста-

вляя ребятам возможность незаметно приблизиться к кургану и наблюдать за тем, что там творится, не показываясь на глаза потенциальным врагам.

У кургана действительно происходило нечто интересное. К лжеполицейскому присоединились еще двое парней, несущие несколько лопат. Как подозревали ребята, тех самых, что были так коварно похищены из лагеря. Веснушчатый парень скинул полицейскую куртку, оставшись в растянутой старой майке, и все трое азартно взялись за раскопки.

– Хорошо копают. С энтузиазмом, – обронил Северин, – и производительность выше, чем у историков...

– Так историки практику отрабатывают, а эти для себя вкалывают, – пояснил Глеб, внимательно оглядывая окрестности. – Вот что только плохо: нигде не вижу того типа в черном...

– Шуганем пока этих? – браво поинтересовалась Динка, кивнув на трудящуюся в поте лица троицу.

– А зачем?.. – Глеб хитро улыбнулся. – Хотят ребята работать – пусть поработают. Труд, говорят, облагораживает человека. Я думаю, и у историков к ним претензий не будет – Семен Николаевич, похоже, студентов своих загонял. Так что пусть пока энтузиасты повкалывают, а потом, когда они все откопают, мы и нагрянем.

– Ну даешь! – восхищенно присвистнула Динка и тут же испуганно зажала рот рукой, потому что самозванные археологи, видимо, услышав ее, на миг перестали

ли трудиться и боязливо огляделись, но не обнаружив никого, вновь самозабвенно замахали лопатами.

Работали бедолаги часа полтора-два. За это время успел заскучать даже Глеб, а Динка просто изнылась. Но вот, судя по оживлению на кургане, работа подошла к концу.

— Ага, достают сундук. Ну что, на выход! — скомандовал Глеб и первым двинулся к любителям физического труда.

Те были так увлечены своей находкой, что не сразу заметили неожиданных свидетелей.

— Давай, открывай же! — возбужденно говорил веснушчатый парень, еще недавно изображавший перед студентами полицейского.

— Так-так-так! — насмешливо протянул Глеб, останавливаясь перед ними. — И что это у нас здесь? Кража со взломом?

Веснушчатый вздрогнул и побледнел так, что веснушки почти пропали с его лица.

— Никакого взлома, — поспешно заверил один из рыцарей лопаты. — Мы так...

— На государственное имущество покушаетесь? А лицензия у вас есть? — продолжал Глеб.

Северин, стоящий за его плечом, увидел, как напряглись неудавшиеся воры.

— Погодите, — вдруг опомнился один из них. — Их тут всего двое да две девки! Да и эти двое, кстати, город-

ские! Историки! Да мы их под орех мигом разделаем!

В этом «историки» прозвучало неприкрытое презрение.

Его приятели тоже воспряли духом. И вот уже двинулись с кулаками. Двое пошли на Северина, на самого, по их мнению, крепкого. Еще один вразвалочку двинулся к худощавому Глебу.

– Да, я как раз историк, – спокойно подтвердил Глеб. – А ты к историкам что-то имеешь?

– Ребят, не стоит! Это будет нечестно! – предупредила Александра.

– А по мне – честнее некуда! – сказал, сплевывая сквозь зубы, противник Глеба. Он, конечно, и предположить не мог, почему именно это будет нечестно.

В это время один из парней, наступавших на Северина, попытался его ударить. Северин легко проскользнул под рукой и просто встал за спиной нападающего. Тот обернулся, вновь занеся кулак, но лишь нелепо прокрутился на месте – Северин ушел легко и плавно, словно и не прилагая к этому усилий.

– Чего рот раззявил? Бей! – заорал парень своему подельнику, и тот, наконец очнувшись, тоже бросился к Северину.

Между Глебом и его противником схватки не получилось. В отличие от Северина, видимо, находящего сейчас в драке разрядку своего нервного напряжения, Глебу вовсе не хотелось ни махать кулаками, ни вести

тонкую, изматывающую игру. Он поступил предельно просто: подпустил врага на нужную дистанцию и коротко, резко ударил под дых.

Парень перегнулся пополам и утробно завыл.

– Хотя ты не историк, но, надеюсь, извлечешь из этой истории хороший урок. Для собственного же блага, – морально добил противника Глеб.

– Я же предупреждала, – методично напомнила Александра.

– Да ладно, посмотри, что Северин выделяет! – с восхищением взвизгнула Динка.

Северин скользил между своих противников, словно танцуя таинственный, смертельно опасный танец. Он приближался и снова отступал, играя с врагами, словно сытая кошка с пойманной мышью. И парни, несмотря на недалекий ум, уже давно поняли, что зря ввязались в эту странную драку, но выйти из нее уже не могли. Теперь Северин уже не просто кружил вокруг них, он наносил точные болезненные удары.

Глеб, взглянувший в лицо друга, испугался. Обычно спокойные глаза Северина сияли холодом арктических льдов, и кажется, в них не было уже ничего человеческого.

Ребята застыли, глядя, как их всегда добродушный и открытый товарищ методично и жестоко расправляется с противниками. Даже поверженный Глебом парень перестал выть и с ужасом смотрел, как странный сине-

глазый парень избивает его друзей.

– Эй, прекрати! Довольно! – крикнул Глеб, но Северин его не услышал.

Глеб тихо выругался. На память пришел давний разговор. А ведь друг и вправду предупреждал, что иногда теряет над собой контроль... Пора вмешаться, иначе всем придется плохо.

Глеб попытался обойти Северина со спины, не желая сейчас встречаться с ним лицом к лицу. Но друг словно каким-то звериным чутьем почуял его присутствие и, изящно повернувшись, ударил Глеба в нос так, что оттуда сразу хлынула кровь.

– Северин! Прекрати! – крикнул Глеб, подныривая под кулак друга и принимая оборонительную позицию.

Северин проскользнул мимо и снова попытался ударить.

Двое парней, уже порядком избитые, предпочли покинуть место боя. Они не стали ждать, чем закончится схватка внутри коллектива, и, позабыв даже об откопанном сундуке, подхватили третьего товарища и поспешно заковыляли прочь.

А Глеб и Северин все продолжали драться. Глеб был хорош, но видно, что ему приходилось весьма туго – тело Северина, казалось, было неподвластно физическим законам. Оно изгибалось и двигалось так быстро и грациозно, что казалось совершенной машиной для убийства.

– Саша... Он его сейчас убьет! – прошептала Динка, прижимая руки к лицу.

В этот момент Северин действительно рванулся к Глебу, казалось, готовый зубами вцепиться ему в горло. И тут Александра бросилась между ними.

Северин по инерции налетел на нее и вдруг остановился...

– Глеб?... – голос Северина был хриплым. Казалось, слова едва даются парню. – У тебя разбито лицо... Что-то случилось?

Глеб не ответил, отирая кровь.

– Совсем дурак! – прошипела Динка, подскочив к Северину взбешенной фурией. – Ты понимаешь, что едва не убил Глеба?! Ты вообще соображаешь, что делаешь?!

Александра, упавшая после столкновения с Северином, поднялась с земли и старательно отряхнула джинсы.

Взгляд Северина заметался, становясь все более испуганным.

– Это сделал я? – прохрипел парень, отступая на шаг. – Я... я...

Он крупно задрожал, словно в лихорадке.

– Успокойся, все в порядке, – прогнусавил Глеб, все еще зажимая разбитый нос.

Северин упрямо покачал головой.

– Ничего не в порядке, – тихо сказал он и зачем-то

повторил: – Ни-че-го.

Глава 7

Сокровище

В сундуке – а в кургане был зарыт сундук – деревянный, обшитый тяжелыми металлическими пластинами, – лежали какие-то странные полусгнившие тряпки.

– Что это? – спросила Динка, брезгливо морща нос. Глеб присмотрелся и вдруг расхохотался. Надо сказать, что веселье мало сочеталось с его разбитым лицом с покрасневшим и опухшим носом.

– Ты чего смеешься? – подозрительно спросила Динка.

– Да так... Сокровище! А они... они так копали!.. – и Глеб зашелся в новом приступе хохота.

Чуть погодя к нему присоединилась Александра, а затем и Северин с Динкой.

– Бедные кладоискатели, – покачала головой Саша, когда все наконец отсмеялись.

– Знаете, в былые времена как раз в этих местах крестьяне порой ходили «зипуна добывать». Разбойничать то есть. Так вот эти самые зипуны мы и обнаружили!

– А что такое этот зипун? – Динка осторожно потыкала пальчиком прелые тряпки и тут же брезгливо от-

дернула руку.

– Ну... это типа верхней одежды, кафтан такой, – пояснил Глеб. – Для крестьян такие зипуны и вправду представляли ценность. И для разбойников. Не все из них бриллиантами величиной с кулак промышляли.

Александра присела перед сундуком на корточки, провела рукой по металлической пластине.

– Мне кажется, это действительно век восемнадцатый, – проговорила девушка. – А может, там еще что-то есть? Посмотрим?

Глеб с Северином достали полуистлевшую одежду.

– Осторожно, – предупреждал друга Глеб, – состояние, конечно, не очень хорошее... условия хранения совсем плохи были... но историкам еще пригодится. Опять-таки отреставрировать – и в местный музей...

– И то радость, – согласился Северин, виновато поглядывая на Глеба. Видно было, что после недавнего происшествия парень до сих пор чувствует себя несколько не в своей тарелке и казнит себя сам так сильно, что не сравнить с чужим осуждением.

Они переложили на землю почти всю одежду, когда под последним зипуном обнаружилась побитая моля, полуистлевшая шуба и маленький кожаный мешочек.

Глеб взял его и высыпал на ладонь монеты.

– Одна медь... – проговорил он, разглядывая добычу. – Некоторые монеты сплавились, слиплись между собой. А вот вполне годная полушка... О, какое роско-

шество! Целый серебряный рубль!.. А это кто у нас?.. – Парень поднес находку к глазам, потер, разглядывая выбитый профиль. – Кажется, Анна Иоанновна. Значит, сундук зарыли здесь в ее годы правления или немногим позже...

И вдруг жаркое лето истаяло перед глазами Глеба, уступив место суровой зиме.

– Эй, Микитка, заходи слева! Не бойсь, пистоль-то у барчука на таком морозе примерз! – слышался хриплый – то ли простуженный, то ли спитой – голос.

На дороге между двух холмов застряли в снегу сани; ямщик, видя, что дело неладно, успел сбежать в лес, а человек, сидящий в повозке, разглядеть которого за мохнатой шубой не было возможности, нервно озирался по сторонам, сжимая в обеих руках большой пистолет с красивым накладным затвором.

От кустов, расположенных по бокам дороги, на него перли сразу трое мужиков в тулупах. Один из них, с торчащей вперед черно-седой всклокоченной бородой, и отдал сейчас команду.

Осознав наконец, что пистолет не стреляет, человек из саней бросил его в снег и выхватил шпагу, на рукоять которой тут же прыгнул веселый солнечный зайчик.

– Ну, что встали! – высоким голосом закричал барчук нападающим, которые действительно приостановились. – Давай, подходи! Ужо покажу вам, как дворянин за честь свою постоять умеет!

Мальчишечий голос на морозе казался особенно звонким. Разбойнички, видно, оробели, однако седобородый, смачно выругавшись сквозь зубы, гневно глянул на товарищей.

— Да ничего он вам не сделает! Куда уж против нас тонкой железкой! Небось и тулупа не пробьет! Ну, налетай все дружно! А кто испугается, того я сам лично своими руками задушу! Тут уж точно смерть верная!

Аргумент на товарищей подействовал, и они все скопом ринулись на несчастного путника. Кто-то огрел мальчишку по голове огромной дубиной, и тот упал, нелепо ткнувшись в снег, так и не расставшись с зажатой в кулаке шпагой...

Глеб наклонился над сундуком и задумчиво поднял эфес — все, что уцелело от дешевенькой шпаги... Горло его на миг сдавило судорогой.

— Что-то не так? — спросила Александра, вглядываясь в его лицо.

Глеб попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривоватой. Меньше минуты назад он видел, как убили мальчишку... убили из-за горсти жалких медяков.

— Жутко... — сказал он, выронив кошель и потирая озябшие вдруг, несмотря на летнюю жару, руки.

— Ты о разбойниках? — переспросил Северин. — А того, что мы ищем, здесь нет? — Он на всякий случай обстукивал стенки сундука — вдруг какая-то из них скрывает секретное отделение?.. Судя по звуку, никаких

сюрпризов сундук не скрывал.

– Здесь ничего больше нет, – подтвердил Глеб, отчего-то зная об этом совершенно точно. – Ну ничего. Мы только в начале пути. В общем, складываем обратно это добро и тащим в лагерь... Что-то Семена Николаевича долго нет. Он по-любому уже должен был вернуться с лопатами, а в лагере ему бы, без сомнения, рассказали о приходе полицейского... В общем, наш археолог давно уже должен был появиться здесь.

– Действительно странно... – согласилась Александра.

Между тем Северин поднялся и на миг застыл, словно прислушиваясь к чему-то. Затем вдруг повернулся к деревьям, где еще недавно прятались ребята. Глеб увидел, как ноздри друга вздымаются, словно он принюхивается к чему-то, а лоб прорезала беспокойная складка.

– Ну-ка выходи! Я знаю, что ты там! – закричал он. «Русичи» с удивлением переглянулись. Лесок остался совершенно неподвижным, и даже в голову не приходило, что там может кто-либо скрываться.

Но тут среди деревьев замелькал чей-то силуэт, и на краю поляны, у кургана, появилась Арина.

– Вот так встреча! – буркнул Глеб.

Северин смотрел на девушку молча и даже не мигая.

Арина развела в стороны руки, словно демонстрируя, что безоружна и не опасна, и стала карабкаться

по склону.

Она начала восхождение с неудобной стороны, и теперь, чтобы очутиться рядом с друзьями, ей требовалось приложить усилие. Арина протянула руку, надеясь, что стоящий у края Северин подаст ей свою и поможет забраться, но не тут-то было – он даже не шевельнулся.

Глеб чуть заметно покачал головой и сам подал девушке руку, втаскивая ее на площадку.

– Спасибо, – Арина робко улыбнулась.

– Что ты здесь делаешь? – спросил ее Глеб, не собираясь размениваться на ненужные любезности.

– Я думаю, то же, что и вы, – ответила она.

Динка тихонько присвистнула. Остальные промолчали, ожидая продолжения.

– Когда этот полицейский стал нас прогонять, я сразу поняла, что что-то нечисто, – объяснила Арина, то ли не замечая, то ли игнорируя напряженную обстановку. – Я подумала: а что, если деревенские охотятся за вчерашним кладом? Они же были у костра и слышали, что мы наткнулись на что-то интересное... Ну, в общем, я подождала немного и пошла сюда посмотреть. Прихожу и вижу, как они копают. Тут я уже точно поняла, что тот полицейский вовсе не был полицейским. Ну, думаю, не получают они наш клад! Собиралась уже позвать на помощь ребят, но тут как раз вы из кустов выскочили... Я хотела было сразу к вам выйти, но вы

себя как-то странно вели... — на этих словах девушка замялась и метнула быстрый взгляд в сторону Северина. — Понимаете, я думала, что вы тоже из-за клада деретесь... Между собой его делите...

— Звучит вполне логично, — согласился Глеб.

Щеки Арины вспыхнули от обиды.

— Не верите — как хотите! — заявила девушка, едва не плача. — Я смотрю, вы вообще никому не верите! И даже выслушать человека нормально не хотите! — она снова мазнула взглядом по Северину и быстро отвернулась.

— Как приятно находиться в обществе джентльменов! — послышался вдруг насмешливый голос Александры. — Только настоящие джентльмены способны по-настоящему обидеть девушку, и вообще они слишком гордые, чтобы замечать чужие страдания!

Удивленная неожиданным заступничеством, Арина растерянно оглянулась и посмотрела на Сашу. Та явно была разгневана — ноздри тонкого носа трепетали, а на скулах появился легкий, едва заметный румянец.

— Вот-вот, — присоединилась Динка, завершив образование женского триумвиата, противостоящего бездушной мужской двойке, — девушку всякий обидеть норовит. А у нас в стране, между прочим, эта... юридическая...

— Презумпция невиновности? — на автомате подсказал Глеб.

– Вот-вот! Она самая! – обрадовалась девочка и шагнула к парням, задорно уперев руки в бока. – Вот тебе бы, Глеб, было приятно, если бы тебя во всех грехах подозревали?

– Дин, не вмешивайся, – вяло отмахнулся тот, – ты еще не понимаешь...

– Ах не понимаю?! – голос Динки сорвался на крик. – Ты что, хочешь сказать, что я маленькая дурочка, и только вы – взрослые и умные?! Видела я вас, взрослых и умных, в деле!..

Ребята, не ожидавшие Динкиной вспышки, смотрели на нее недоуменно.

– Спасибо, – тихо сказала Арина, – спасибо, девочки. Я сказала правду. Но если никто не хочет мне верить...

– А можно ли тебе верить? – вдруг не выдержал Северин.

Он повернулся к ней – натянутый как струна. Губа закушена, руки сжаты в кулаки.

– Я тебя никогда не обманывала, – произнесла девушка, глядя ему прямо в глаза. – Ты сам не захотел меня слушать... Ну что же ты? Если хочешь ударить – ударь!

И она закрыла глаза, словно сдаваясь на его милость.

Северин вздрогнул, словно его самого ударили, и опустил руки.

– Извини... Извини, пожалуйста, – прошептал он, в синих глазах сверкнуло что-то... Может быть, слезы?..

– Пойдем, – Александра потянула Глеба за руку. – Им нужно поговорить.

Он кивнул и послушно пошел за девушкой. Динка фыркнула, покосилась на парочку и последовала за друзьями, бормоча под нос что-то про розовые сопли.

Северин и Арина остались одни на вершине кургана. Время уже перевалило за полдень, над землей висел зной, сладко пахло разогретыми листьями и хвоей, внизу серебрилась река, лениво перекатывающая свои воды.

Все это Северин воспринимал словно со стороны, со смутным чувством нереальности.

Арина молчала, глядя куда-то на реку. И это молчание не было враждебным. Напротив, с каждой секундой оно все более соединяло их, наполняло взаимопониманием и казалось содержательнее любого разговора. Северин всей кожей, всей обнажившейся вдруг душой чувствовал, что эта девушка создана для него, она – единственная, кто нужен ему в жизни.

Арина оглянулась и посмотрела ему в лицо, и в ее глазах было такое понимание, словно они с Северином думали и чувствовали одно и то же, нет, даже будто и мысли, и чувства у них были общие. Она медленно протянула парню руку, и он сжал ее длинные изящные пальцы.

– Я...

Северин не дал ей договорить – привлёк к себе, чувствуя волнующий запах кожи и волос... Ее особенный запах – мед и полынь.

– Не нужно ничего объяснять, – прошептал он ей в ухо, – я тебе верю.

И Арина уткнулась лицом в его плечо, едва сдерживая подступившие к горлу рыдания. Ей хотелось и смеяться, и плакать, делать что-то абсолютно безумное, а в теле чувствовалась такая легкость, что, казалось, можно слегка подпрыгнуть – и оторвешься от земли, вспаришь в бледно-голубое, словно вылинявшее небо, подернутое легкой дымкой невесомых облачков.

Северин знал, что это судьба, и когда ее губы коснулись его, он почувствовал, словно вернулся домой.

Он вернулся домой на каникулы и удивился: что-то изменилось – или дом, или он сам. Неужели это жалкое строение посреди тайги – его дом? Здесь никогда ничего не происходит, а один день похож на другой. Как можно жить здесь, когда существует другой мир – мир, полный ярких красок, удивительных игрушек и игр – настоящих компьютерных игр! В этом же домике посреди леса не было даже элементарного телевизора!

«Твои предки и вправду живут среди леса?» – с любопытством спрашивали его ровесники.

«Мама говорила, что вы – дикие звери, а ты звере-

ныш, и мне нельзя с тобой дружить», – сказала красивая девочка с золотистыми волосами, от которой пахло чем-то незнакомо-сладким, как потом оказалось, жевательной резинкой.

Северин тогда даже и не представлял, что это такое. Он не знал многих вещей, которые были для его новых одноклассников обыденными, известными едва ли не с пеленок.

«Ты что, дикий, из леса сбежал? – смеялись они. – Ах да, он же точно из леса!»

И Северин понял: лес – это плохо, жвачки и компьютеры – хорошо. Родители так долго держали его вдали от прекрасного и восхитительного мира, они лишили его всех жизненных радостей. И вот сейчас... «Я хочу остаться в городе! С моими друзьями!» – твердил он, но его все равно увезли домой...

– Вернулся! – на пороге появилась мама, но, сделав быстрый шаг навстречу, она вдруг остановилась, словно на препятствие натолкнувшись на выражение его лица.

– Я не хотел приезжать! – жестко сказал Северин, глядя в весеннюю грязь под ногами. – Я хочу в город. И летом я к вам не приеду. И зимой. А то еще застрянешь с вами на всю зиму!

Зимой и вправду заносило дороги, а без того уединенный домик лесника становился окончательно отрезанным даже от такой условной цивилизации, как

глухая деревенька.

— А раньше тебе здесь нравилось. Помнишь, мы ходили в лес... — отец присел перед ним на корточки, заглянул в глаза...

— Я не хочу в ваш лес! — Северин упрямо отвернулся.

В доме он тут же лег на кровать и уставился в стену. У него оставалась лишь одна надежда: что каникулы не могут длиться вечно и все скоро закончится. Надо только сжать зубы и перетерпеть. Переждать, затаиться до возвращения в школу.

Запах дерева, шкур и трав казался ему отвратительным. Пахнуть должно клубничной или, на худой конец, дынной жвачкой, а еще взрослыми духами, пластиком, штукатуркой и кофе. По правде сказать, сразу после попадания в школу эти чудесные запахи ему не нравились, казались чужими и опасными. Но потом Северин смог оценить и полюбить их.

— Ты видишь, что с ним случилось? — донесся до Северина испуганный шепот мамы. Он лежал лицом к стене, и, должно быть, родители думали, что сын спит. — Что будем делать?

— Ничего, — голос отца, как ни странно, звучал совершенно спокойно.

— Как это ничего?!

— Он разберется. Я точно знаю, что разберется. Нужно только немного подождать... Ты забыла, что

мы умеем ждать? Лес не терпит суеты...

Глава 8

Парламентеры

– Нет, я этого так не оставлю! – лютовал Семен Николаевич, меряя шагами поляну. – И вот что я вам скажу, ребята: это явный злой умысел! – Он рубанул рукой воздух, словно в подтверждение собственных слов. – Вы же знаете: я целый день отсутствовал, пытаюсь купить дурацкие лопаты, и представьте себе, их не было ни в одном окрестном магазине! Может быть, все местные жители кинулись разом копать картошку, а?

Археолог сурово посмотрел на Северина, будто тот отвечал за действия неизвестных любителей лопат.

– Вообще-то картошку выкапывать еще рано, – ответил тот, улыбаясь блаженной улыбкой. Эта улыбка не сходила с губ парня все время после примирения с Ариной.

– Ну раз так, картофелевед-любитель, – неодобрительно покосился на него Семен Николаевич, напротив, пребывавший в крайне мрачном настроении, – значит, кто-то позаботился о том, чтобы я отсутствовал как можно дольше... А еще, вот ведь паразиты, колеса мне прокололи. Еле нашел сервис и договорился, чтобы шины поменяли и подогнали завтра утречком сюда мою «ласточку». Денег, конечно, слупили прям по мо-

сковским ценам. И все из-за каких-то сволочей! Чтоб им пусто было!

Возражений это замечание не вызвало.

Семен Николаевич сделал еще несколько кругов по поляне. Его студенты, видя, что руководитель не в духе, собрались у костра, буквально следуя солдатской мудрости: от начальства подальше, к кухне поближе.

– Будем действовать последовательно, – решил наконец археолог. – Отправляюсь в деревню. Вы со мной?

– Конечно, – тут же согласился Глеб, и остальные с готовностью кивнули.

Уже вечерело, и солнце начинало медленно опускаться в реку, окрашивая воду в золотисто-розовый цвет, теплый вечер был тих, и даже воздух казался особенным, золотисто-прозрачным. В такой вечер сидеть бы на берегу и любоваться закатом, слушая тонкую комариную песнь, но ни у Глеба, ни у его друзей на это не было времени. До соседней деревни минут двадцать пешком – всего ничего – по пыльной разбитой дороге. Ребята преодолели бы это расстояние быстрее, если бы не их спутник. За время пути Семен Николаевич успел несколько раз остановиться, пожаловаться на жару, отыскать лопух и водрузить его к себе на голову, заявив, что это лучшая защита от солнца. Попросить передышки на перекур, во время которого он, одну за другой, выкурил сразу три вонючих сигареты.

В общем, пока добрались до деревни, на землю упали мягкие сумерки.

Убедившись, что дорога закончилась, археолог вздохнул с явным облегчением и огляделся. К нему тут же вернулся былой апломб.

– Эй, хозяйка! – позвал он копающуюся в огороде женщину.

Та оставила работу, подошла, поправляя ситцевый платочек, и остановилась у забора, с любопытством глядя на незваных гостей.

– Где у вас тут полицейский? – строго спросил Семен Николаевич.

– А чтой-то случилось? – Немолодая сухощавая женщина с интересом уставилась на друзей, с особенным подозрением изучая распухший нос и синяк на скуле Глеба.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – отрезал археолог.

– Так я уже не молодка, чай, – женщина смерила главу экспедиции презрительным взглядом.

– Так ведь и не скажешь! – ухмыльнулся он в ответ, поглаживая бороду.

– Что не скажешь? – похоже, она растерялась.

– Что не молодка. По мне, так в самом соку, – и он подмигнул.

Женщина покраснела, поспешно поправила платочек, кинула на археолога быстрый многозначительный

взгляд и только потом сказала:

– Ступай уж, охальник.

– Так скажи, красавица, куда ступать, – ответил он ей не менее пламенным взглядом.

– Ах к Ваське-полицейскому? Так это недалече. Пятый дом по этой стороне.

Выдав ценную информацию, женщина скромно потупила взор.

– Благодарствую. Позвольте ручку! – Он попытался поймать ее руку, чтобы запечатлеть на ней поцелуй, но собеседница смутилась и отпрыгнула от забора с резвостью юной козы – и вправду не скажешь, что не молода.

– Как вас зовут, моя прелесть? – спросил археолог, бросив на сельскую жительницу взгляд, способный подпалить даже гнилую солому.

– Анна Ивановна, – ответила та, пылая щеками.

– Еще увидимся, богиня! – Семен Николаевич взмахнул рукой и двинулся по дороге, вдоль которой вытянулась деревня.

– Ну вы даете! – не выдержал Глеб, когда они немного отошли от дома, у забора которого по-прежнему стояла женщина, глядя им вслед.

– А то! – довольно захохотал археолог. – Я мужчина в самом рассвете сил, хоть и без пропеллера. И будет вам известно, студентки по мне толпами вздыхают.

– Будешь хорошо учиться и делать все правильно –

вырастешь в такого же Семена Николаевича! – шепнула Динка Глебу, привстав на цыпочки, чтобы дотянуться до его уха.

Глеб не ответил, только показал девочке кулак, и она довольно прыснула в ладошку.

Тем временем вся компания дошла до указанного дома. С первого взгляда он был вполне приличным, и только детали вроде покосившихся перил у крыльца, слишком высокой травы во дворе да отсутствующей щеколды в калитке свидетельствовали, что хозяин не слишком рачителен.

– Э-ге-гей! Дома кто есть? – гулко пробасил Семен Николаевич, первым входя во двор.

Ему под ноги с громким твканьем кинулась маленькая голосистая собачка, но тут же отскочила, резонно опасаясь, что такой гигант раздавит его и не заметит.

Дом молчал.

– Хозяева! Ау! – громче позвал археолог, взбираясь на крыльцо.

Тишина.

– Ну вот, никого, – резюмировал он, обернувшись к ребятам.

И в этот момент дверь перед его носом распахнулась, и на улицу высунулось сморщенное личико.

– Это кто-то здесь кричит? – слышался голос, больше всего похожий на скрип несмазанных петель.

– Это мы! – таинственно пояснил руководитель экс-

педиции и подмигнул старухе, видимо, рассчитывая на тот же эффект, что и с прошлой собеседницей.

Однако старуха таять под его взглядом не собиралась – то ли возраст ее закалил, то ли от рождения была не чувствительна к проявлению внимания.

– Мы к Василию. Дома? – Семен Николаевич сделал шаг, чтобы войти, но старуха ловко прикрыла дверь перед его носом так, что осталась лишь щель, откуда поблескивал ее любопытный глаз.

– Спит он, – отвечала хозяйка неохотно.

– Как спит? – не понял археолог. – Так еще рано.

– Кому рано, а кому и в самый раз, – резонно заключила старуха. – Спит он еще с утра. Как выпил, так и спит.

– А вы кто, простите, будете? – спросил Семен Николаевич, раздосадованный тем, что чары его оказались бессильны.

– Я-то мать егойная. А вы-то кто?

Северину показалось, что даже лицо у старухи вытянулось от любопытства, как нельзя более напоминая крысиную морду.

– А мы по делу. Что, не разбудишь? – попытался настаивать археолог.

– Коль по делу, с утра и приходите! – объявила старуха и захлопнула дверь.

– Вот ведьма! – почесал затылок Семен Николаевич.

– А я все слышу! – донеслось из-за двери.

Тут уж ребята, не выдержав, расхохотались, а мелкая собачка, желая поучаствовать во всеобщем веселье, снова зашлась заливистым лаем.

— Пойдемте! — позвал незадачливого парламентарера Глеб. — Завтра все выясним.

Но выяснить удалось прямо сегодня. На обратном пути, проходя мимо местного магазина — единственного на всю деревню, ребята увидели на крыльце нескольких парней. И один из них, без сомнения, изображал полицейского во время сегодняшнего рейда в деревню. Сейчас на парне была лишь растянутая майка и треники. Заметив Северина, артист народной самодеятельности явно перепугался. Он вскочил с крыльца и заметался, пытаясь убежать. Но мало кто может убежать от Северина. Всего одно движение, и парень оказался схвачен за шкуру, затрепыхался пойманной рыбой.

— Вот этот называл себя полицейским! — объявил Северин, передавая руководителю экспедиции свою добычу.

Думая, что тут ему придет конец, парень в отчаянье рванулся, едва не выскочив из майки, но не тут-то было. Мощная рука Семена Николаевича опустилась ему на плечо, фиксируя на месте.

— Это кто тут у нас... — прогудел археолог, подтаскивая провинившегося к себе поближе, словно пытаясь разглядеть его в сумерках. — Как звать?

– Александр! – выдал веснушчатый четко, как в армии.

– Молодец, Александр. Сам вижу, что ты не Васька и вовсе не полицейский, – задумчиво произнес Семен Николаевич. – Ну что, колоться будешь или отдам на расправу вон ему – и он небрежно кивнул в сторону Северина.

– А я что? Я не виноват! – поспешил заверить несчастный пленник.

Северину даже стало слегка его жалко.

Зато через три минуты у них была вся информация по поводу сегодняшних событий. План украсть лопаты и отпугнуть археологов, чтобы самим добыть сокровища, созрел вчера, едва местные ребята узнали о существовании клада. Остальное оказалось делом техники. Археологический инвентарь валялся в стороне, никто из студентов не заботился о его сохранности, поэтому захватить его не представляло труда. Далее трое приятелей перешли ко второй части грандиозного плана: подпоили настоящего полицейского и, забрав у него форму, нарядили в нее Сашку. Для значительности Сашка прихватил и чужую корочку – если махать издали, вполне сойдет.

Единственное, чего не удалось добиться – это признания в сотрудничестве с парнем в черном. Тут пленный проявил нежданную твердость.

«Не знаю никакого черного! – настаивал он. – Никто

нам эту идею не давал. Сами придумали!» – добавлял Александр с некой гордостью.

На этом стало понятно, что большего никак не добьешься, и бедолага был отпущен со строгим повелением в лагерь и носа не совать. Судя по тому, как он улепетывал, парень собирался исполнить указание в точности.

С тем промежуточным результатом, уже в темноте, и вернулись в лагерь, где студенты, отнюдь не жалеющие о потере целого дня, коротали вечер в расслабленной обстановке. Только Арина поджидала отсутствующих в явном волнении и при их появлении тут же бросилась с расспросами.

– Да отдыхай уж, – скорбно махнул рукой Семен Николаевич. – Виновников сегодняшней диверсии нашли и примерно наказали. Завтра вернемся к трудам праведным, а сегодня что уж... Вот только «ласточку» мою жалко... – И археолог с тоской покосился туда, где обычно стояла его машина.

– Вы наверняка устали и проголодались! – спохватилась девушка. – Пойдемте к костру. У нас каша с тушенкой!

– А чипсов у вас не найдется? – с надеждой поинтересовалась Динка.

– Сейчас принесу! – неожиданно откликнулась Арина и тут же скрылась в своей палатке.

– Вот где суший клад! – прокомментировал происхо-

дяде Семен Николаевич. – Не девушка, а золото. Как там в наше время говорили: спортсменка, комсомолка, красавица. А ведь почти все верно. Разве что не комсомолка, а в остальном... И спортивный разряд по легкой атлетике, и на одни пятерки учится, и еще народной культурой увлекается. Рушники там всякие вышивает, поет – заслушаешься!

– Мы уже заслушивались, – ответил Глеб и хитро покосился на Северина.

– Так вот я и говорю! – Археолог хлопнул рукой себя по плечу, оборвав жизнь какому-то настырному комару. – Девушка по нынешним временам небывалая. Так вы ее не обижайте, понятно? Я за нее перед ее отцом отвечаю!

– Что уж не понять, – согласился Глеб.

И Семен Николаевич, вполне успокоенный этим заверением, направился к костру, где студенты уже теснились, освобождая ему место на одном из поваленных бревен, приспособленных под лавочки.

– Поет, рушники вышивает... – задумчиво повторила Александра. – А не кажется ли вам, что народная культура сейчас в большой моде? Вспомните ту фенечку с русским узором, которую Северин видел во время нападения на школу?

– Ты это к чему? – нахмурился Северин.

– Так, к слову пришлось, – она как ни в чем ни бывало пожала плечами.

Все неловко замолчали.

– Нашла! – Из палатки показалась Арина. Она так и сияла, потрясая огромным пакетом чипсов.

– О! Она святая! – воскликнула Динка. – И навеки мой друг!

Глеб засмеялся и, подмигнув Северину, направился к костру.

Вскоре вся компания уже присоединилась к ребятам. В этот раз Арина и Северин сидели плечом к плечу, а Глеб и Александра, напротив, расположились на разных сторонах от костра.

История про лжеполицейского и героическое отвоёвывание исторических ценностей была сегодня главной темой вечера. Студенты требовали все новых и новых подробностей, так что Глебу приходилось едва ли не придумывать их. Герои дня тоже получили не только свою долю каши с тушенкой, но и внимание. Возле Глеба уже увивались три девушки, среди них Аня. Северин пользовался меньшей популярностью, тем более с первого взгляда становилось ясно: место рядом с ним уже прочно занято и он не заметит сейчас никого другого, кроме Арины.

– Привел конкурентов на свою голову! – смеялся Семен Николаевич. – Без меня все подвиги совершили!.. Но все-таки как верно сказано: ничто не красит мужчину так, как боевые шрамы! – говорил он, косясь на Глеба.

Все с готовностью засмеялись.

– Там кто-то есть! – светловолосый парень выскочил из кустов как ошпаренный. – Я видел его глаза и чувствовал смрадное дыхание!

– Где? Кто? – повскакивали студенты.

– Вон там, – ткнул в сторону леса парень, поднявший шум. – Я отошел в кусты, а там...

– Может, медведь? – нахмурился Семен Николаевич. – Да вроде места обжитые, деревня близко. Надо бы быть поосторожнее. И ты, Саша, ночью по кустам не больно шлейся.

– Делай свои темные дела прямо здесь, у костра! – тут же захихикали ребята.

Тот надулся.

– Я посмотрю. – Северин встал и исчез в темноте.

Студенты ждали, чем закончится дело, с некоторым интересом.

– Что-то он долго. Вдруг помочь надо, – предложил кто-то.

– Не надо, Северин из семьи лесников, он разберется, – попытался урезонить их Глеб, но студентов уже потянуло на подвиги.

Причина Сашкиного испуга и вправду нашлась не подалеку. Это был хорошенький тонконогий лосенок с большими трогательными, опушенными длинными ресницами глазами.

– Ой, какой лапа! – восторженно запищала Аня. –

А ты трус! – Она кинула презрительный взгляд на Сашку, павшего в ее глазах еще ниже, чем прежде.

– Тихо! – шикнул на них тенью появившийся откуда-то Северин. – Лосята без мамы не ходят. Я видел ее неподалеку и не советую никому встретиться с разъяренной мамашей, которая сочтет, что ее единственному ребенку угрожает опасность.

Все вернулись к костру, еще обсуждая необыкновенное происшествие. Мало кто из студентов видел животных вот так, в дикой природе. Сашка, отчасти реабилитированный словами Северина, тоже немного взбодрился и пустился в рассказы о том, как отогнал собак от несчастного котенка. В общем, как точно понимал Глеб, предпринял попытку подняться в глазах дамы своего сердца.

Первым шум со стороны леса услышал, конечно, Северин.

– Едет машина, – заявил он негромко.

– Ночью? По этим колдобинам? Сомневаюсь, – ответил археолог. Он, казалось, был увлечен общим весельем, однако не пропускал действительно важной информации.

Но буквально полминуты спустя все действительно услышали рев двигателя и увидели свет фар.

– Ну у тебя и слух! – сказала Арина, восхищенно глядя на молодого человека. – Я думаю, с таким ты вполне мог бы стать музыкантом.

– Вряд ли, – Северин уверенно покачал головой. – Слух, может, и ничего. Зато голос... Если по правде, я не пою, а скорее вою. Так что лучше и не пробовать.

Тем временем машина, оказавшаяся здоровым черным внедорожником, приблизилась на максимально возможное расстояние и остановилась. Разговоры затихли. Теперь уже ни у кого не оставалось сомнения, что именно они являются целью посещения неизвестных ночных визитеров.

Долгую минуту ничего не происходило, затем дверца авто открылась, из салона вышел высокий, плечистый мужчина и направился к костру.

Когда незваный гость подошел ближе, стало видно, что он довольно молодой, но не похож на деревенского, скорее – на классического братка.

– Кто здесь главный? – буркнул он, щурясь и не утруждая себя соблюдением формальностей.

– В чем дело? – Семен Николаевич поднялся, демонстрируя, что и сам не из худосочных и при необходимости может дать отпор.

– Пойдем, базар есть, – обронил визитер.

– Что-то неохота от костра уходить. Комары, знаете ли, молодой человек, – сказал археолог нарочито беспечно.

Бритоголовый нахмурился.

– А придется, если неприятностей не хочешь, – заявил он, сплевывая себе под ноги.

Семен Николаевич взглянул на Глеба и едва заметно приподнял одну бровь.

Глеб кивнул.

— Ну что же. Видно, день сегодня такой... маятный. Посидите, ребята. Пообщаюсь с молодым человеком и вернусь, а то он, видно, говорить при всех стесняется, — сказал археолог и последовал за мрачным братком.

Глеб бросил быстрый взгляд на друга и снова едва заметно кивнул.

— Сейчас вернусь, — шепнул Арине Северин и тенью скользнул за удалившимися в ночь.

Лес привычно распахнул ему объятия, как всегда, обрадовавшись прибытию дорогого друга. Северин бесшумно — не хрустнула ни одна веточка, ни зашелестел ни один листок — двигался за этими двоими, топающими, словно слоны.

Они отошли и остановились в свете фар припаркованного джипа.

— Чем могу быть полезен, молодой человек? — спросил Семен Николаевич, которому никак нельзя было отказать в самообладании.

— Можешь, папаша! — ухмыльнулся в ответ бритый. — Мы слышали, вы тут клад откопали. А может, вам и не докладывали, что земли-то вокруг наши! Значит, и то, что в них, — тоже наше!

Выдав такое непротиворечивое логическое заключение, незванный гость явно остался крайне доволен

собственной смекалкой и с ожиданием посмотрел на собеседника.

Археолог задумчиво почесал бороду.

– А вы, молодой человек, историей увлекаетесь? Может быть, краеведческий музей организовать собираетесь? – спросил он на голубом глазу.

Северин едва удержался от смеха, услышав подобное предположение.

– Ты, папаша, мне баки-то не заливай! – браток недовольтно засопел. – Я к тебе от серьезных людей послан. Рухлядь всякую себе оставить можешь, а золото – нам!

– Зо-олото? – нараспев переспросил Семен Николаевич. – А с чего это ты... гммм... сынок, взял, что оно там есть?

– Узнал! – теряя терпение, рявкнул бритый. – Золота у вас там полный сундук, так что давай золотишко, папаша, иначе ни тебе, ни твоим лопухам несдобровать будет!

«Деревенские!» – осенило Северина. Он уже не сомневался, что неудачники, откопавшие сундук, без малейших сомнений разгласили уже по всей округе, что лично видели там груды золота. Он, увы, не понаслышке знал, как быстро разлетаются сплетни по деревням и как охотно люди верят самым фантастическим, самым неправдоподобным вещам. В грудь толкнулась застарелая боль и ненависть, Северину даже показав-

лось, что в ноздри ударил запах гари.

Дом уже догорал, чернея, словно скелетом, обнажившимися стропилами.

– Посмотрите! Вон их волчонок! Хватай его! Хватай!

Люди надвигались со всех сторон. Их было много. Северин не узнавал вроде бы знакомые лица. Они казались страшными масками, и на каждой из них он читал слово «смерть».

– Беги, сынок! Беги! – зазвенел в ушах истошный крик матери.

– Хватайте его! Не дайте уйти!

Северин едва слышно зарычал. Темная дурнота подкатила к горлу.

«Нет! Нельзя! Нельзя терять контроль над собой! – Парень зажмурился и изо всех сил тряхнул головой. – Как там говорил Глеб?.. Надо сосредоточиться на чем-нибудь хорошем...»

И тут же на память пришла Арина. Она вышла из дыма пожарища, превратив отвратительное пепелище в праздничный купальский костер, и посмотрела на Северина, улыбнулась ему яркими полными губами...

Дышать сразу стало легче. Парень сглотнул стоящий в горле ком и только сейчас понял, что на лбу у него выступила испарина.

Между тем диспозиция, оказывается, изменилась. Бритый, заломив археологу руки, тащил его по напра-

влению к машине.

Еще не успев до конца прийти в себя, Северин тем не менее четко понял, что руководителю экспедиции грозит опасность, и ринулся на помощь. Он подскочил к бритоголовому и коротким ударом заставил парня рухнуть на колени.

– Вы в порядке? – спросил Северин у Семена Николаевича и тут же спиной почувствовал, что что-то не так. Позади был человек, и от него исходил запах опасности.

Северин уже стал поворачиваться, когда удар по голове швырнул на землю его самого, а глаза заволокло кровавым туманом.

Глава 9

В старой бане

Адски, просто адски болела голова, кажется, разламываясь на тысячи кусочков, а в ноздрях все еще стоял запах гари.

Северин застонал и почувствовал, что мягкая рука заботливо коснулась его лба.

«Мама! – обрадовался он. – Выходит, ничего не случилось! Мы уцелели!» Счастье захлестнуло такой ошеломляющей волной, что Северин на миг позабыл даже про боль.

– Очнулся! Наконец! – послышался глубокий певучий голос.

Не мамин.

И тут Северин все же вспомнил, что с того пожара прошло уже много, много лет. И ничего уже не исправить, никого не спасешь... Парень снова застонал, изо всех сил закусив губу – так, что рот тут же наполнился солоноватым вкусом крови.

– Не двигайся пока. Мало ли что... Хорошо они тебя приложили, – произнес Глеб.

Теперь Северин узнал и его, и ту, кто говорила первой: Арину.

– Лежи уж, вояка! – отозвался насмешливый Динкин

голос и сразу вслед за ним спокойный голос Александры:

– Не надо иронии.

Все здесь. Интересно, где это «здесь»?

Северин осторожно приоткрыл глаза. Было темно, и парня охватил внезапный страх. Что, если он ослеп? Такое бывает от сильного удара. Нет! Только не это! Он не может быть слепым и беспомощным, когда его друзья в опасности, когда они надеются на него! Да, он не спас своих родителей, но он уцелел в ту страшную ночь не зря. Он больше не может подвести того, кто ему верит и его любит! Только не это!

– Темно... – едва слышно прохрипел Северин.

– Что?

Его щеки коснулись шелковистые волосы, обдавая ароматом меда и полыни...

– Темно, – попытался повторить парень.

– Ах да, нас заперли в старой бане. Чтобы мы посидели здесь ночь, так сказать, обдумали, стоит ли молчать о золоте и дальше, – объяснила Арина, осторожно глядя Северина по щеке. – Здесь темно.

Он вздохнул свободнее. Это хорошо, что не ослеп. Это самое главное. Все остальное можно поправить.

– Что случилось?

Губы горели, горло превратилось в великую пустыню, а в голове неизвестные неутомимые работники по-прежнему заколачивали сваи, изо всех сил лупя по ним

огромными кувалдами.

– Зря ты, парень, вмешался, – слышался басок Семена Николаевича. – Так бы одного меня схватили, а тут еще вас... за компанию... Когда тебя по голове шарахнули, твои друзья и Аринка бросились на помощь. Вот вас тоже взяли.

– Они думают, что мы где-то золото прикопали, – пояснил Глеб, – и хотят добиться от нас признания.

– А как же они...

Северин не договорил, но друг понял его без всяких слов.

– Я с ними и не дрался. У них пистолеты, а за нами – студенты. Знаешь же, что в таких ситуациях больше всего случайным людям достается?..

Северин чувствовал, что Глеб прав. И действительно, зря он тогда вмешался... Он даже не подумал – действовал под влиянием инстинкта, а еще давнего прошлого...

– Он, между прочим, вас, Семен Николаевич, защищал! – возмущенно вступилась за него Арина.

Она хорошая. Как хорошо, что они все-таки встретились той волшебной ночью...

– Тебя не тошнит? Попробуй дотронься рукой до носа, – попросила Александра.

Проверяет, нет ли у него сотрясения. Правильно. Северин сосредоточился на своих ощущениях. Похоже, обошлось. Он поднял руку и дотронулся до кончика

носа. Координация не нарушена – уже хорошо. Глаза, кстати, привыкли к темноте, и теперь Северин уже видел друзей и грубые бревенчатые стены старой бани.

– Отделался легким испугом, – хрипло попытался пошутить парень, но никто не засмеялся. – Сколько времени?..

В темноте вспыхнул огонек – подсветка на часах Глеба.

– Ровно полночь, – сообщил он.

– Если бы это была игра или какой-нибудь ужастик, сейчас бы все и началось! – сообщила Динка зловеющим голосом.

– А здесь, кстати, душно, не находите? – спросил вдруг археолог. – Я лично уже весь вспотел.

В помещении действительно было душно. Влажный жар пробирал до костей, а по спине липкой змейкой струился пот. Северин устремил взгляд на стену перед собой и увидел на старых бревнах здоровое черное пятно, которое прямо на глазах становилось все больше и больше. Жар тоже нарастал с каждой минутой.

– Что творится? Они что, нас подожгли? – спросила Александра, оглядываясь по сторонам.

– Н-нет, – пробормотал Северин. Даже сквозь чудовищную головную боль он понимал, что это не пожар: не слышно треска огня, не чувствуется запаха гари. Напротив, старую баню окружает странная тишина, словно ее завернули в плотное одеяло, отсекая звуки

деревни или леса. Воздух пахнет сыростью и гнилью. Странно. И от этого становилось еще страшнее. – Пятно на стене... оно растет...

– Сейчас посмотрим. Нож у меня отобрали, а фонарик оставили, – заметил Глеб, и луч света медленно заскользил по стенам.

– Да тут по всем стенам пятна! – взвизгнула Динка. – А вон то, посмотрите, как силуэт горбатого карлика.

Пятно действительно напоминало тощего страшно-го человечка, и теперь росло так, будто он, впитывая в себя их силы, становится все больше и больше.

Тем временем баня раскалилась так, что воздух, казалось, обжигает легкие.

– Чертовщина какая-то! – произнес Глеб.

– Я думаю, это банник, – тихо проговорила Арина. – Вы же знаете: баня – место опасное, ни один хозяин не поставит избы на месте сгоревшей бани. Банник – существо злое, вредное, ему мелкую пакость сделать – слаще чем мягкий кусок хлеба съесть, а уж если человека и вовсе извести удастся – совсем праздник.

Северин нахмурился, припоминая. Собственно, о всяких верованиях он знал гораздо меньше того же Глеба, но про банника рассказывал как-то отец. Ведя свой род от лесников и охотников, он еще хранил старые обычаи и частенько оставлял для домового и банника подношения – кусочек ржаного хлеба, мисочку с молоком.

«В банника верили наши предки, – учил Северина отец, – по славянским поверьям, это существо из нижнего мира, мелкий дух. Такие населяют природу и человеческое жилище – русалки, лешаки, домовики, щекотуны, запечные злыдни. Живет банник, как ты можешь догадаться, в бане и выглядит как маленький тощий старичок с копной растрепанных волос. У банника очень дурной характер. Любимое его развлечение – ошпарить человека кипятком, а если кто его запреты нарушает, то вовсе до смерти запарить может».

В детстве Северин слушал такие истории с замирающим сердцем. Некоторое время он даже побаивался бани, но отец объяснил, что бояться как раз и не следует – всякая нечисть от этого только крепнет, а если делать все по правилам, то она никогда не сможет причинить тебе вреда. Повзрослев, парень перестал верить в сказки, но теперь они находили неожиданное подтверждение.

– Банник! Ну ты, Арина, даешь! – делано засмеялся археолог. – Вот смотри, расскажу твоему папке, что ты в банников да прочую нечисть веришь...

– А папа знает, – перебила вдруг его девушка. – Он ведь с вами, дядя Сема, был в ту ночь на Ивана Купала, когда вы за девушками от костра в лес ушли, а утром вернулись в мокрой одежде и с запутавшимися в волосах лебяжьими перьями. Он рассказывал мне ту историю, которую вы у костра за байку выдали. Так что

не надо передо мной спектакль разыгрывать, чтобы я ни о чем *таким* не догадалась, давайте лучше думать, как отсюда выбраться, а то до папки, как вы сказали, еще живыми дойти нужно.

Северин не слышал байки про лебедей, но о чем речь, примерно догадался. И то, что Арина верит в нечисть, это тоже хорошо: значит, она сможет войти в их команду... Хотя нет, лучше не надо. Хочет ли Северин, чтобы его любимая рисковала собой, как они в тех подвалах или вот как сегодня?.. Думать было трудно. Пот заливал глаза, нещадно щипал кожу, а от жара и без того больная голова разламывалась на тысячи кусочков.

Интересно, что бы сделал на его месте отец?..

— И ты думаешь, банник нас до смерти упарит? — спросила Александра, обращаясь непосредственно к Арине. — И нет никакого способа спастись?

— Хорошо бы подношение какое-то... Например, хлеб с солью... И сразу бы поклониться, разрешения попросить... — отозвалась девушка.

Жар все крепчал, хотя казалось, куда уж там. Мысли путались, а говорить становилось все труднее и труднее.

— А что ты знала и молчала? Что сразу не поклонилась? — набросилась на Арину Динка.

— Я... я думала, что обойдется... — пробормотала девушка. — К тому же не хотела выглядеть сумасшедшей.

Что бы вы подумали, если бы я стала всем углам тут кланяться?..

— Значит, ты сохраняла лицо, а нам теперь из-за тебя умирать! — Казалось, еще секунда, и девочка ударит мнимую виновницу.

— Не горячитесь, девочки, тут и без того не холодно, — прогудел археолог, каким-то образом еще сохранявший присутствие духа.

Из угла донесся тихий смешок, от которого, несмотря на жару, пробирал мороз.

— Вот вы ссоритесь, а ему это и надо. Он-то и радуется, — заметил Глеб, направляя туда свет фонарика.

В углу, разумеется, никого не было.

— Ты знаешь, как можно спастись? — спросила Александра. Ее голос звучал еле слышно, чувствовалось, что девушка едва говорит.

— Лучше бы убежать, пятась задом наперед, и позвать овинника или домового... — пробормотала Арина.

— Убежишь тут! Дверь крепкая, я уже пробовал, — сообщил Глеб.

— И даже я, — признался Семен Николаевич.

Северин попытался подняться, но не смог и только застонал от отчаяния и боли.

Смешок послышался уже из другого угла, а потом дико захохотало из всех углов бани.

«Это будет последним, что мы услышим... Какая глу-

пая смерть», – сквозь наплывающее безразличие подумалось Северину.

– Смотрите, смотрите на пятно! – заорала вдруг Динка, освещая стену фонариком.

Пятно, похожее на горбатого гнома, действительно разрослось во всю стену. И вдруг дрогнуло, отлепилось от стены. Теперь пленники видели перед собой огромное черное и лохматое существо с длинными волосами-патлами и непропорционально огромными руками. Эти руки тянулись к ним, словно хотели обнять всех разом.

Вот тебе и крохотный старичок!..

– С нами крестная сила!.. Да святится имя Твое, да придет царствие Твое... – забормотал археолог слова молитвы и торопливо перекрестился.

– Не поможет, – прошептала Арина. – Погодите-ка... – Она приподняла лежащую у нее на коленях голову Северина и осторожно опустила на пол. – Я... Я попробую...

Она встала и шагнула вперед, загоразивая собой других.

– Ты уверена? Ты знаешь, что делаешь, – попытался остановить ее Глеб.

Арина не ответила. Но и без того было ясно: что бы она ни собирались сделать, другого шанса у них нет.

– Мне нужно что-то острое. Быстро, – сказала девушка.

– Держи, – протянула ей что-то Александра.

На ладонь Арины лег крошечный, фактически игрушечный ножик. Таким засов не проковыряешь – понятно, почему братки его не отобрали.

Но для ее целей и этого было достаточно. Не тратя времени на слова благодарности, Арина вдруг изо всей силы резанула себя по запястью и, махнув рукой в сторону зловещей черной фигуры, быстро-быстро что-то забормотала.

Сквозь головную боль и тошноту Северин разбирал только отдельные слова: «кровь не водица... моя сила... огонь мой брат, вода моя матушка... велю тебе...»

Все молчали, замороженные этим странным и страшным действием. Там, где, видимо, упали капельки крови, слышалось шипение, какое бывает, когда вода попадет на раскаленные уголья, а черная фигура вдруг стала стремительно уменьшаться.

Она таяла и таяла, пока на месте лохматого гиганта не возник маленький уродливый старичок, совершенно голый, с горбатой спиной и длинной, до самых колен, спутанной бородой. В точности такой, как представлял его Северин по отцовским рассказам.

– Огонь мне брат, а мать водица, и нечем нам с тобой делиться! – снова забормотала Арина.

В это же время слышался скрежет, будто кто-то открывает тяжелый запор, дверь натужно заскрипела и... открылась, впуская в баню лунный свет и свежий про-

хладный воздух, показавшихся всем пленникам сейчас слаще любого нектара.

Уродливый старичок поморщился, махнул костлявой рукой и пропал.

– Уходим, – выдохнула Арина.

Видно было, что она едва стоит на ногах – то ли от духоты, то ли от пролитой крови. Кровью действительно пахло, и, как осознал Северин, крепко.

– Глеб! Она истекает кровью! Помоги ей! – пробормотал он, пытаясь подняться хотя бы на колени.

Голова отчаянно кружилась, а тело мотало из стороны в сторону, как было однажды, когда Северин в одиночку выпил полбутылки водки.

К счастью, Глеб понял друга, а Семен Николаевич уже подхватил Арину на руки и тащил ее из бани, на свежий воздух.

Баня стояла у самой кромки леса, на заросшей травой и бурьяном поляне. Рядом громоздились остатки давно сгоревшего дома, сквозь который уже проросли и тянулись к небу молодые деревца. Округляющаяся луна, видная уже почти наполовину, висела низко над горизонтом, заливая все призрачным неверным светом.

Археолог, передав потерявшую сознание Арину Глебу, помог выбраться Северину, и теперь все бывшие пленники лежали на лужайке, с наслаждением втягивая свежий воздух, и никак не могли надышаться. Воз-

дух, который обычно вдыхаешь, не замечая и не придавая ему никакого значения, стал сейчас благодатью, самой великой на земле ценностью.

Пока Северин приходил в себя, Глеб и Семен Николаевич живо перебинтовали запястье Арины, используя для этого полосу, оторванную от рубахи, и привели девушку в чувство.

– Ты прости, что я кричала на тебя... Я сама не понимала, что делаю... – извинилась, присев перед ней на корточки, Дина.

– Все нормально, – прошептала Арина. – Главное, что выбрались...

– Кстати, а кто открыл нам дверь? – вспомнил вдруг Глеб.

И действительно! Они совершенно забыли, что кто-то отодвинул засов и выпустил их, несмотря на недовольство банника. Кто-то, находящийся по ту сторону двери...

– Может, кто-то из студентов? – предположил археолог, но тут же покачал головой, и сам понимая невозможность этого.

– Кто бы это ни был, он действовал на нашей стороне и... спас нас, как и Арина, – твердо сказала Александра. – И еще. Думаю, лучше уйти отсюда как можно скорее. Не дожидаясь возвращения тех, кто нас запер... или... еще кого-нибудь.

Северин тоже уже начинал думать, что этот кто-ни-

будь может оказаться гораздо опаснее братков.

– Лагерь в той стороне. Я проведу вас, – проговорил он, еще морщась от головной боли.

Они добрались до лагеря минут за пятнадцать – оказывается, их увезли не так уж далеко.

Студенты, ставшие свидетелями прибытия братков, по большей части не спали.

– Наконец! – кинулись они к вернувшимся, и на Семена Николаевича тут же набросились наиболее впечатлительные девицы, описывавшие, как же они испугались и ЧТО им пришлось пережить. Белобрысая Аня даже всплакнула от переизбытка чувств.

Археолог только усмехался. Бедные девочки, они и не представляли, что именно пришлось пережить ИМ.

Миша Прохоров, надежда отечественной археологии, изъяснялся менее эмоционально и более по делу. Он рассказал, что после того, как Семена Николаевича и пятерых ребят увели, студенты собрались на военный совет. Кто-то высказывался за то, чтобы немедленно бежать в полицию, наиболее отчаянные, хотя таких нашлось немного, предлагали последовать за пленниками и попытаться отбить их. Но при детальном обсуждении и то и другое предложение было признано нереальным. Никто из историков не умел ориентироваться в лесу, тем более ночью. Поэтому, после короткого спора, было решено дожидаться утра, а уж потом добираться до города, чтобы обратиться в поли-

цию. К местному полицейскому из ближайшей деревни доверия у студентов, после случая с лопатами, уже не было.

– Мы рады, что все обошлось, хотя нашей заслуги в этом и нет, – закончил рассказ Миша.

Значит, засов отодвинул не кто-то из студентов. Но кто?.. По-прежнему загадка.

Вопрос, что же делать дальше, встал со всей неотвратимостью. Ясно одно: нельзя оставаться на прежнем месте, тем более что и курган, как понял Глеб и подтвердил Семен Николаевич, уже открыл все свои тайны: разбойничий сундук был прикопан прямо на древнеславянском захоронении – под ним обнаружались раздробленные кости и несколько бусин. Добытки зипунов мало интересовались историей и спрятали свой клад в кургане, потому как место приметное. Может, если хорошенько поискать, нашлось бы еще что-то полезное в археологическом плане, однако Секиры здесь не было – это точно.

Семен Николаевич, будучи в городе, связался с Евгением Михайловичем, и тот выслал ему новые координаты предполагаемого места нахождения артефакта. Судя по карте, это был остров.

Пока шли разговоры, Северин сидел, прислонившись затылком к старому дубу, и чувствовал, как уходит, словно стекает в землю, боль. Лес всегда давал парню силы, не подвел и теперь.

– Как ты? – Глеб отошел от костра и присел на корточки рядом с другом.

– Лучше. – Северин сорвал земляничный лист и засунул его черешок в рот. – Надо уходить. Местные братки ни за что не поверят, что золота у нас нет.

– Но они, скорее всего, все равно не оставят нас в покое. Пойдут за нами.

– Вот поэтому мы с тобой и должны их остановить. – Северин сказал это и сам удивился, как спокойно и просто прозвучали эти слова. Без всякого пафоса – уж кому-кому, а им не до пафоса, это точно.

– И как же? – Глеб смотрел без недоверия, заинтересованно.

– У бани. Они придут туда за нами, а мы устроим засаду, нападём сзади и обезоружим.

Друг кивнул.

– А в это время лагерь уже снимется с места, – добавил он, тоже срывая какую-то былинку. – Мы догоним их, когда избавимся от преследователей...

Северин не думал так далеко, но в свою очередь согласно кивнул.

– Теперь главное не переоценить свои силы. – Глеб с тревогой посмотрел на Северина. – Уверен, что все нормально и ты сможешь действовать?

– Уверен. – Парень резко поднялся на ноги. Голова еще слегка, чуть заметно, кружилась, но он сумел не покачнуться, чтобы не показать свою слабость. Севе-

рин был уверен, что на этот раз полностью справится.

О плане было тут же сообщено Семену Николаевичу и девушкам, среди которых как-то сама собой оказалась и Арина.

Археолог оглядел приятелей внимательным взглядом и, к некоторому их удивлению, не стал спорить.

– Я слышал, что вы соображаете, что делаете, – сказал он. – Так что действуйте. Через полчаса подгонят мою «ласточку», а там сразу с места снимемся – что время зря терять. Встретимся где-то здесь, – толстый палец уткнулся в точку на карте.

Северин понимающе кивнул. Не потеряются.

Уговорить девушек было сложнее. Динка, например, так и рвалась в бой.

– Сейчас лучшая помощь от нас будет та, если мы не станем мешать, если нас не придется выручать, спасать, защищать, – просто объяснила ей Александра, и девочка понурилась, признавая правоту подруги.

Арина же подошла к Северину и, положив руки ему на плечи, заглянула парню в глаза.

– Я в тебя верю. Возвращайся, – едва слышно прошептала она. Ее дыхание огнем опалило щеку, и Северин понял, что сделает все, что угодно, совершит любые немыслимые подвиги, чтобы вернуться. Не просто вернуться, а вернуться к ней!

Небо уже начинало светлеть – медлить нельзя, вскоре за ними могли прийти, а надо было еще подгото-

виться и занять наиболее выигрышные места. Поэтому оба парня, наскоро попрощавшись с друзьями, двинулись в обратный путь.

На полянке, где стоял сгоревший дом, было по-прежнему пусто и тихо, лишь дверь старой бани едва поскрипывала, покачиваясь из стороны в сторону.

Смотреть на старую баню не хотелось, она вызывала у Северина какой-то животный первобытный ужас, возникающий в самой глубине его существа. Местная братва, надеющаяся пожить здесь золотом, – это было понятное и простое, на этом Северин и решил сосредоточиться.

– Для начала наведем маскарад, – сказал Глеб и, закрыв дверь бани, задвинул щеколду.

По тому, как быстро друг все это проделал, Северин понял, что и Глебу не по себе.

– Что будем делать, когда план удастся? – спросил он, понимая, что говорить нужно твердо, не допуская сомнений в собственном успехе. – Свяжем их и оставим здесь?

Глеб задумчиво покачал головой, занимая место по одну из сторон бани.

– Нет, они слишком быстро могут освободиться... Ну или найдут их слишком быстро. Боюсь, нам придется ответить зубом за зуб... – И он многозначительно покосился на казавшееся таким старым и хлипким строение...

– Ты хочешь, чтобы мы заперли их здесь? – Северин удивленно посмотрел на товарища.

Глеб избегал его взгляда.

– Понимаешь, это единственный способ отделаться от них наиболее ммм... гуманно. Эту, казалось бы, хлипкую дверь не смогли высадить ни я, ни Семен Николаевич. И ты, я уверен, несмотря на свою силу, не смог бы. А что касается ужасов... Во-первых, эти уроды сами их заслужили – не делай другим то, что не порадовало бы тебя самого. А во-вторых, уже утро, вряд ли банный имеет сейчас силу. До ночи еще уйма времени, и мы поступаем с ними гораздо милосерднее, чем они с нами. У них еще есть шанс выбраться...

– Милосерднее? – усомнился Северин. – Но бандиты, запершие нас, наверняка не знали, что делается в этой бане после полуночи. А мы...

– Не будем гадать, знали они или не знали, – перебил его друг, – это не важно. Лучше определись, на какой ты стороне. Пойми, речь идет не только о нас, но и о нашем задании и даже больше – о судьбе всего дела.

Северин промолчал. Он ненавидел пословицу о том, что цель якобы оправдывает средства. А еще он знал, что нет ничего страшнее людей, взявших себе правом судить и карать, делить остальных на волков и агнцев, убивать и жечь...

Вдали еле слышно заурчал мотор, предупреждая о приближающейся машине. Вовремя они с Глебом

успели.

– Едут, – предупредил Северин и отступил под прикрытие одичавшей старой яблони, готовый в любой момент действовать, как они и договорились.

Черный джип въехал на поляну и затормозил.

Из нее вылезли двое – водитель и тот, кто сидел рядом с ним, – и направились к заброшенной бане. Оставалось надеяться, что внутри автомобиля никого не осталось.

– А они там тихо сидят, – заметил лысый, которого Северин видел вчера в лагере.

– Спят, наверное. Или замерзли. Что-то прохладно, – ежась, ответил его напарник, такой же плечистый и высокий детина.

– Замерзнуть в бане! Вот это фишка! – с готовностью заржал первый.

– А вот смеяться не надо. Если они и вправду замерзли, не оставив завещания с указанием места, где лежит золото, шеф нам башки открутит, – напомнил более серьезно настроенный товарищ. – Ну, доставай пистолет. Я сейчас дверь открою, а ты прикрывать будешь. От того бешеного чего угодно ожидать можно.

Северин понял, что говорят о нем, и улыбнулся.

Тем временем оба брата замерли у дверей бани. Они взяли на изготовку пистолеты. Один прицелился, уставив дуло в дверь, другой, встав боком к проходу, осторожно отодвинул засов. Оба бандита действовали

правильно для того случая, если бы их противники находились за запертой дверью бани. Дверь со скрипом открылась...

– Не понял... Вроде никого. Они что, испарились, что ли?.. – пробормотал серьезный, заглядывая внутрь.

Именно в этот момент Глеб и Северин, не сговариваясь, наскочили каждый на своего противника. Северин уложил бритоголового с одного удара. Противник Глеба успел повернуться и даже выстрелить, к счастью, мимо, прежде чем второй удар заставил его рухнуть на мокрую от росы траву.

– Заносим! – скомандовал Глеб и, видя, что друг еще немного сомневается, напомнил: – У них, в отличие от нас, еще есть шанс и масса времени в запасе. Вспомни: с нами студенты, и нам нужно оторваться.

Этот аргумент окончательно убедил Северина. Они с Глебом изъяли оружие и, обыскав карманы бандитов, вытащили оттуда ножи и зажигалки, а затем затащили обоих братков в старую баню и задвинули засов.

Дело сделано.

Глава 10

В дороге

Ребята встретили всю компанию в условленном месте. Правда, догонять им не пришлось – пришлось скорее ждать. И пока отряд Семена Николаевича приближался, Северин успел высказать Глебу все, что он думает об умении историков передвигаться по лесу.

– Нас... вернее, их этому не учат! – сдался наконец Глеб. – Слава богу, в партизаны не идти.

– А их бы в партизаны и не взяли, – покачал головой Северин. – Как и в охотники. От таких охотников вся дичь за километр разбежаться будет.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Глеб, – зато никто не нападет. Ни волки, ни медведи. Кстати, Северин, а здесь водятся хищники?

– Конечно. Там, где от людей подальше. Кстати, нужно быть осторожными: места здесь глухие, и люди до сих пор частенько теряются.

– Ну с тобой-то, сын лесника, мы точно не пропадем! – улыбнулся Глеб.

Северин промолчал.

Он и сам не заметил, как ненависть к лесу и желание быть как все – то есть как одноклассники – истаяли, как тает на солнце первый непрочный

снег. И вот они с отцом вновь шагают по нарядному утреннему лесу. Розовое солнце пробивается сквозь сплетение ветвей, где-то поют птицы... Мужчина и мальчик ступают так тихо и мягко, что их шаги не пугают лесных обитателей, и те, должно быть, принимают их за своих.

Они не разговаривают друг с другом. Когда отцу нужно обратить на что-то внимание сына, он останавливается и делает рукой знак. Северин смотрит и жадно впитывает в себя то, чему учит его лесная книга.

Вот прямая трава – видно, здесь ступал кто-то крупный и довольно тяжелый. Мальчик наклоняется, чтобы рассмотреть поближе. В одном месте на земле четко отпечатался след лапы, похожей на собачью, но более крупный, четкий и словно вытянутый в длину. Это волк, судя по ширине шага, самец.

Они с отцом осматривают следы и двигаются дальше, чуть в сторону: зачем мешать хищнику охотиться. И тут оба отчетливо видят в грязи человеческий след. Отец хмурится, трогает пальцем еще не засохшую глину.

– Я сейчас, подожди, – просит он сына и уже бежит по следу.

Северин кивает. Мальчику понятно, что здесь недавно прошел браконьер и задача отца – поймать человека, прежде чем тот совершит что-либо непо-

правимое.

Северину не скучно в лесу. Он уже обнаружил заросли черники и ел ягоды, когда легкий шорох выдал, что на полянке кто-то есть. Мальчик поднял голову и столкнулся взглядом с желтыми волчьими глазами. Волк был матерый и старый. Он шел против ветра и теперь оказался на расстоянии прыжка от Северина. Мальчик отлично видел его желтые крепкие клыки. С минуту человек и хищник смотрели друг на друга, затем волк отвел взгляд, подошел к мальчику и лизнул его в щеку, обдав смрадно-жарким дыханием. Северин протянул руку и погладил зверя. Он видел, что волку это неприятно, но тот стерпел, признавая за мальчиком право быть равным себе, а возможно, где-то в глубине своей дикой души ощущая его необъяснимое, странное превосходство.

Волк – такой же, как они. Такой же, как отец – он не станет убивать просто так.

Вдали грянул выстрел, взметнулись над лесом птицы, а Северин изо всех сил сжал кулаки. С тех пор, как он полюбил лес, мальчик понял, что самый опасный для них враг – это человек.

– Северин! – Арина, даже не сняв со спины тяжелый рюкзак, бросилась ему на шею. – Я знала, я знала, что все закончится благополучно!

Он подхватил ее на руки – вместе с рюкзаком – и закружил.

– Глеб! Северин! – вихрем понеслась к ним Динка. Обняла, затормошила.

Только Александра не подошла – помахала издали. Мол, вижу, рада, что все нормально.

Тем временем к месту прибыли и остальные студенты, сопровождаемые медленно ползущим УАЗом, везущим самое тяжелое снаряжение.

– Все в порядке, ребята? – выглянул из кабины Семен Николаевич.

– Как всегда! – отрапортовал Глеб. – Только лучше бы прибавить ходу, а то вы как будто никуда не торопитесь.

– Тебе бы отряд студентов на шею. Я бы на тебя посмотрел! – пробормотал себе в бороду археолог. – Ну что, двигаемся дальше параллельно реке?

– Да, продвинемся еще немного, сделаем привал и посмотрим карты. Место, которое мы ищем, может находиться ниже по течению, – предложил Глеб.

План был принят, и еще час команда продвигалась дальше, в основном под руководством Северина, который то поторапливал отстающих, то исчезал в лесу, разведывая путь впереди.

Как-то само собой получилось, что Арина, Глеб, Александра и Динка оказались во главе отряда, на некотором расстоянии от остальных.

– Кстати, еще утром хотел спросить, как ты с этим банником справилась? – спросил Арину Глеб, когда

Северин в очередной раз бесшумно растворился среди деревьев.

— Думаю, чудом. Ну и с помощью заговора. Я в одной книге читала... — сказала девушка, не отводя взгляда.

— А тебе и раньше приходилось встречаться с чем-то... сверхъестественным? — спросил Глеб, и его команда напряглась в ожидании ответа.

— В общем, нет. Но знаешь, я слышала от отца ту историю с лебедями и всегда верила, что этот мир не так прост... Может, еще не выросла из сказок, — Арина мягко улыбнулась. — Я в детстве их просто обожала... А потом мне попалась книга со всякими заговорами про Бел-горюч камень да про божьи ключи... Знаете, это было словно вход в другую реальность. Более яркую, что ли...

Глеб задумчиво посмотрел на девушку. Если у нее получаются такие вещи, как там, в старой бане, она окажется не лишней в их команде...

— И ты не боишься? — задал он новый вопрос.

— Почему не боюсь? Только дурак ничего не боится! — Арина отвела от лица березовую ветку, протянувшуюся через дорогу, по которой они шли. — Боюсь, конечно. Но пустой страх непродуктивен. Нужно уметь управлять им... Кстати, — она лукаво покосилась на Глеба. — Мне так и кажется, что я попала на экзамен или на приемное собеседование. Это так?.. Вы проверяете, могу ли я общаться с вашим другом?

– Судя по вчерашнему, это Северин еще должен заслужить право общаться с тобой! – отшутился Глеб, про себя отметив, что Арина гораздо умнее, чем кажется с первого взгляда. Кто знает, что скрывает эта девушка с красивым глубоким голосом и похожими на лесные озера глазами. Весьма вероятно, она таит в себе массу сюрпризов. А вот приятных или нет – еще предстоит разобраться.

Потом они встали лагерем на небольшой полянке. Развели костер, девочки принялись хлопотать, готовя обед, а мужчины собрались вокруг главы экспедиции, обсуждая маршрут. У Семена Николаевича нашлась даже старинная карта, плохо соотносящаяся с современной.

– Это они все так неправильно рисовали? – полюбопытствовала Динка, традиционно отлынивающая от женской работы и сунувшая свой нос в бумаги.

– Не позорь меня! – усмехнулся Глеб. – Видишь ли, со временем пейзажи меняются, реки мелеют или изменяют изгибы своих русл, моря отступают или, напротив, проглатывают целые куски суши. Это жизнь. Наша планета – живой организм, и лицо ее тоже меняется с годами.

– Живой организм! – передразнила девочка. – А люди – это паразиты, которые по нему бегают?

– А что, похоже, – согласился один из историков. – Мы же паразитируем на земле, питаемся ее плодами

и истощаем ее ресурсы...

– Ты, может, и паразит, а я вот точно нет! – обиделся другой.

– И что, ты хочешь сказать, будто не участвуешь в истощении планеты? Может быть, не едешь на транспорте, не используешь бумагу и вообще какаешь розами?..

Спор мог бы продолжаться сколь угодно долго, но тут девочки позвали к импровизированному столу, а звать обедать студента никогда не приходится дважды – по этому поводу тут же были позабыты все причины раздоров.

После обеда Глеб и Семен Николаевич вновь сели за карту, а студенты занялись десертом – земляникой.

Северин и Арина сами не заметили, как удалились от всех. Они не столько собирали, сколько разговаривали или смотрели друг на друга. Иногда Северин, спохватившись, срывал большую ягоду и осторожно клал ее в рот девушке.

– Послушай, – сказала вдруг Арина, – я давно хотела спросить... Ты и твои друзья отличаетесь от студентов дяди Семена. А если уж говорить совсем честно, вы отличаетесь ото всех моих знакомых. Вы все четверо очень разные, и на первый взгляд между вами едва ли может быть что-либо общее, однако потом чувствуется, что вы – одна компания... Или даже лучше сказать группа...

Она с любопытством посмотрела на парня.

– Я... – он смутился, сорвал ягоду на длинном черенке и принялся крутить ее в руках.

– Ты не можешь мне об этом рассказать, ведь так?..

Северин кивнул. Арина понимала его с полуслова, и это было настоящее чудо.

– Не сердись, что я расспрашиваю... – Она ласково коснулась его плеча. – Просто мне вдруг показалось, что рядом с вами оживают сказки, которые я читала в далеком детстве. Я слышала историю дяди Семена, который в ночь на Ивана Купала встретил двух лебедей в женском обликии, я читала разные предания и пыталась делать обереги и зубрила заговоры, но возле меня не было волшебства. Я не встречалась с чем-либо особенным до того, как встретила вас... И тогда я подумала...

– Что мы какие-нибудь охотники за привидениями? – улыбнулся Северин, вспоминая старый фильм, который он видел как-то в школе.

– Ну типа того! – девушка тоже улыбнулась. – И сегодня, когда Глеб стал расспрашивать меня про то, что я сделала в бане, я вдруг подумала... Может быть, вы...

Северин встал с травы. Теперь он стоял, возвышаясь над Ариной.

– Нет, – резко прервал он ее. – Ты не понимаешь! Для тебя все это как игра, как сказка! Но опасность действительно была нешуточной. Мы едва не погибли. И я

не хочу! Я никогда не допущу, чтобы ты рисковала собой! Понимаешь, я не переживу, если с тобой что-нибудь случится!

Он выпалил это и вдруг сообразил, что сказал. И замер, ожидая ее ответа. Теперь от него зависело все. Где-то неподалеку, но словно на другой планете, звенели молодые голоса... Арина молчала.

Она тоже поднялась с травы и теперь стояла напротив Северина, опустив голову.

Она не смотрела ему в глаза, и это был плохой знак. Очень плохой...

— Ты самый лучший человек, которого я знаю, — тихо произнесла девушка. — И ты... ты мне тоже очень дорог. Если бы я могла, я бы хотела быть с тобой и защищать тебя. Но я... я не знаю...

— Нет, даже не думай! — он взял ее лицо в ладони, приподнимая и заглядывая ей в глаза.

Арина не ответила, а вместо этого потянулась к Северину губами, еще пахнущими разогретой на солнце земляникой. Так сладко, что у него снова закружилась голова.

* * *

Тем временем Глеб и Семен Николаевич продолжали обсуждение маршрута.

– Придется оставить машину и идти по лесу достаточно долго, – покачал головой археолог. – И еще позвать в проводники кого-то из местных.

– Позовем, – согласился Глеб, – хотя у нас свой проводник есть. Не знаю, говорил ли Евгений Михайлович...

– А то! – усмехнулся Семен Николаевич. – Еще бы! Он своими талантливыми ребятами еще как хвастался. Так это правда, что ваш приятель так хорошо ориентируется в лесах?

– Да, помните, я рассказывал, что его отец был лесником. Я не могу вообразить, чтобы Северин вдруг потерялся в лесу, – заметил Глеб, сворачивая карту. – Ну что, еще светло, пойдем дальше?..

– Пойдем. Сейчас ребят соберу...

Пока разбредшиеся по окрестностям историки собирались вокруг «УАЗа», Глеб сел в тени дерева и, привалившись спиной к шершавому стволу, закрыл глаза.

– Отдыхаешь, молодой шаман, однако! – слышался над ухом знакомый голос.

– Отдыхаю, однако, – лениво подтвердил Глеб, не открывая глаз. – Ну как, старый шаман, не скучаешь? Обратно в тундру к олешкам не хочется?

– Куда обратно, когда у вас больно весело, однако. Туда ездите, сюда ездите, сильные вещи ищете. Весело, – шаман закричал, очевидно, пристраиваясь на корточках рядом с Глебом. – Вот ведь старые кости,

опять болят.

Парень хотел было напомнить собеседнику, что тот давным-давно закопан в могильнике, а значит, нет у него костей и болеть тут нечему, но задумался и не сказал ничего – пусть считает себя живым, раз так ему легче.

– И как тебе наша нечистая сила? Банника видел? – спросил Глеб вместо этого.

– Ой видел! Ой страшно! Прямо как наши боги, однако! – зацокал языком старый шаман.

– А что ваши боги? – полюбопытствовал Глеб.

– А у нас кто сильнее, тот того и съедает. Вот знаешь историю, как пришел бог в одну ярангу, сел у очага и просит накормить его. Послал отец дочь за водой, чтобы приготовить угощение для гостя, а бог вышел за девочкой и съел ее. Вернулся и снова у очага сел. Видит хозяин, дочь не идет – послал он за ней свою жену. Бог опять за ней вышел и ее съел. А уж потом вернулся в ярангу и съел хозяина. Из всей семьи только мальчик один остался, он олешков пас. Возвращается он домой, а над ярангой нет дыма, и, прежде чем войти, заглянул в щелочку и видит, что сидит там бог и с косточками его родных играет. Понял тут мальчик все, отвязал самых злых собак, а сам спрятался. Понял бог, что не дожидаться ему мальчика, вышел из яранги, стал его по запаху искать. Чует след и идет по нему, вот-вот мальчика найдет. Но выскочили тут собаки, разорвали его на куски и съели. Мальчик же вернулся домой со

своим стадом и стал жить хозяином.

– Добрые у вас истории! – присвистнул Глеб. – А к чему ты мне все это рассказываешь.

– Сказка однако. Что еще старый глупый шаман рассказать может... – произнес старик хитро и тут же переключился на другую тему. – Ходит вокруг вас сильный шаман. Даже сильный, однако. Вижу его тень за твоей спиной.

Услышав это, Глеб тут же вскочил на ноги и оглянулся – никого, только чирикает на ветвях какая-то глупая серая птица.

– О чем ты говоришь, старик?.. Какая тень? – спросил он, но шамана уже не было. И неудивительно: Глеб давно заметил, что тот любит загадать загадку и исчезнуть – я, мол, свое дело сделал, а теперь сами думайте.

– Глеб! Идем! Все уже собрались! – позвал его Северин, и по сияющим глазам друга Глеб понял, что у того-то как раз все хорошо.

– Иду, – откликнулся он, отряхнув брюки.

Пока они тащились дальше по разбитой лесной дороге, Глеб все размышлял над словами старого шамана. Разумеется, выражался он, так сказать, фигурально, имея в виду, что некто идет по их следу. Но кто и зачем? «Тот черный! – осенило вдруг Глеба. – Больше никому!» И в жаркий летний день словно подул ледяной ветер. Враг. Страшный враг, организовавший нападение на школу и, скорее всего, натравивший на них

бандитов. Не зря их заперли в страшном месте. Наверняка, и тут без черного не обошлось. Пока он умудряется не отставать от них. Но что случится, когда они углубятся в дикий лес?.. Скорее всего, колдуну покажется там некомфортно, и тогда, с помощью Северина, его можно будет попытаться поймать. Идея показалась Глебу удачной, и он улыбнулся, и вдруг встретил ответную улыбку, сияющую на лице все той же Ани. Сочтя его взгляд приглашением к разговору, она переместилась поближе к нему, чтобы шагать рядом.

— Знаешь, как я за вас переживала! Целую ночь не спала! Узнали бы родители, что мы в такое приключение попали, у мамы, честное слово, инфаркт бы случился! — оживленно заговорила она, стреляя в Глеба бойкими голубыми глазами. — Настоящие бандиты! Только подумать! Как в кино! — Она манерно закатила глаза, Глеб хмыкнул, про себя отметив, что бандиты как раз и были самой незначительной проблемой.

— Значит, хорошо, что не узнали, — поддержал он разговор без особой охоты.

— Зато подружки обзавидуются! Скажут, почему, мол, Аньке опять все приключения достались!

Глеб никак не прокомментировал последнюю фразу, рассчитанную, видимо, на то, чтобы собеседник стал спрашивать о предыдущих приключениях. Он уже порядком устал от темпераментной девушки.

Не получив ответа, курносая не впала в уныние.

– А ты молодец, настоящий герой, – она снова обожгла его «роковым» взглядом. – Настоящим героям многое позволено.

– Что позволено Юпитеру, не позволено быку, – пошутил Глеб, не реагируя на намек.

– Ты умный. Даже странно, что у Семена Николаевича не учишься. Или пойдешь к нему в студенты? – спросила девушка.

– Наверяд ли, у него копать много надо. – Глеб широко зевнул – сказывалась усталость и проведенная без сна ночь, а вот его нынешняя спутница, по ее словам, бодрствовавшая в тревоге за них, казалась свежа как майская роза.

– И правильно. По-моему, есть люди, которые должны делать всякую тяжелую физическую работу, – она покосилась на идущих впереди Северина и Арину, – а умные работают головой. Это важнее. Так вот, я думаю, что умные люди должны держаться друг друга. И я...

Глеб начал уставать от этой трескотни, и держаться востроносой Ани ему вовсе не хотелось. Напротив, он вовсе был бы не прочь держаться от нее как можно дальше.

– Извини, я устал, – перебил он ее. Обычно Глеб был внимателен к девушкам, но Аня перешла некую грань, позволив себе пренебрежительные высказывания о Северине.

Она пыталась еще что-то сказать, но Глеб покачал

головой и приложил палец к губам так многозначительно, что девушка сникла и промолчала.

Они шли почти весь день, и к вечеру даже неунывающие студенты устали. Почти не слышно стало разговоров и обычного смеха. Каждый молча тащил свой рюкзак, иногда спрашивая: «Скоро еще?» И наконец, хотя было еще часов семь и солнце по-летнему находилось высоко над горизонтом, Семен Николаевич вынужден был объявить вечерний привал.

Ребята с радостью побросали тяжелые рюкзаки и упали в траву.

— Ну все, забрались в дебри! — с гордостью сказал кто-то. — Теперь нас никакая мафия не найдет!

Все с готовностью засмеялись, подтверждая известный постулат, что настоящего студента не сломит ничто: ни тяжелая сессия, ни разошедшиеся бандиты, ни дневной переход.

Северин, хотя суммарно прошел, наверное, вдвое больше остальных — то опережая отряд, то возвращаясь к нему, — устал гораздо меньше прочих. Пока студенты пытались отдышаться и прийти в себя, он первым ловко разложил палатку и стал устраивать место для костра.

— Вот здесь, в ямке, а дым будет уходить в дерево, — пояснил он свои действия наблюдавшему за ним Семену Николаевичу. — Наш костер будет незаметен издали. Ну и дрова должны быть хорошие, сухие, почти

бездымные.

– Такие костры партизаны в Великую Отечественную разжигали, – добавил Глеб, который тоже благодаря уже имеющемуся опыту менее других устал от перехода. – Кстати, а тут, посмотрю, уже совсем глушь начинается.

– Да, – Северин осторожно подпалил шалашик из веточек, служивший основанием костра. – Я как раз хотел сказать, что еще немного, и дальше машина не проедет. Придется оставить ее где-нибудь.

Археолог сверился с картой.

– Вот тут, вижу, деревня. От нее, кстати, и до нашей следующей точки идти недалеко...

– Часа три, – оценил расстояние Глеб.

– Не менее четырех, – поправил Северин, – учитывая наши темпы... – Он взглянул на растянувшихся на траве ребят.

– Ну что же, и это не так страшно, – прогудел Семен Николаевич. – Пойду ставить палатку.

Глеб и Северин остались у разгорающегося костерка одни.

– Глеб, – окликнул друга Северин. – Я с тобой поговорить хотел...

– Да?..

– Ты... В общем, ты Арину лучше не трогай и ничего про нее Евгению Михайловичу не рассказывай.

– Это почему? – Глеб присел перед костром и по-

смотрел другу в глаза. — Разве ты забыл, что мы делаем одно и весьма важное для всех дело. Если у Арины дар и она может помогать в наших поисках, скрывать ее существование было бы преступлением.

Северин не отводил взгляда, глядя на друга ярко-синими честными глазами.

— Ты просто не понимаешь, Глеб. У тебя ведь нет родных, тебе не о ком беспокоиться, ведь так?

Северин впервые говорил так жестко. В детском доме за такие слова Глеб не задумываясь вмазал бы любому — сколь ни был бы сильным и взрослым его противник, — но теперь все изменилось. Да, у Глеба действительно не было родных, но у него появилась Ольга — девушка, которую он встретил на берегу Москвы-реки, та, которая так неожиданно стала для него солнечным светом.

— У меня есть о ком беспокоиться, — ответил Глеб спокойно.

Северин улыбнулся:

— Это хорошо. Тогда ты меня поймешь. Ведь тебе не хотелось бы, чтобы человек, который тебе очень дорог, постоянно рисковал жизнью. Мы же едва не погибли там, в подземных переходах, рисковали во время нападения на школу и потом там, в бане...

— А Динка и Александра? Они же рискуют наравне с нами? — напомнил Глеб, подбрасывая в костер несколько веток.

– Да, мне тоже не нравится, что девочки так рискуют, – вздохнул Северин, – но их уже не убедишь остаться дома, а те, кто еще не втянулся в это опасное дело, они могут остаться в стороне, ничего не зная. Понимаешь? Пойми – так легче и правильнее.

Между ними разгорался костер, словно отделяя друзей друг от друга.

Глеб, наклонив голову, молчал. Он просто ненавидел случаи, когда требовалось принимать подобные решения. Должно быть, он плохой руководитель. Евгений Михайлович в нем ошибся. Настоящий руководитель сделал бы все ради пользы дела. Если Арина им нужна – не колеблясь ни секунды, привлек бы ее к работе. Что значит даже их гибель по сравнению с поставленной целью?! Что значат несколько человек, когда речь идет о целой стране, о миллионах людей, которым с помощью артефактов будут дарованы и процветание, и счастье. Арину легко уговорить. Конечно, она пойдет с ними. Во-первых, потому что ей интересно и у нее есть особые способности, требующие выхода, а во-вторых, из-за Северина. Она не захочет оставить его вторично – это Глеб чувствовал точно. И вот при таких фактически идеальных условиях нормальный руководитель и на секунду бы не усомнился в своих действиях. А он, Глеб...

– Я тебя понимаю и я согласен с тобой, – тихо произнес Глеб, вновь взглянув в полные ожидания глаза

друга. — Мы ничего не расскажем об Арине.

— Спасибо, — Северин шагнул прямо через костер и крепко пожал Глебу руку.

Тот улыбнулся.

— Между прочим, — помолчав с минуту, сказал Глеб, — за нами кто-то идет. Думаю, тот черный, что преследует нас от самой школы.

Северин задумчиво почесал лоб и подкинул еще немного дров в костер.

— Странно, я не заметил... Ты уверен?

— Уверен, — кивнул Глеб.

— Опять свои источники?..

— Они самые.

Северин поворошил палкой костер.

— Ну что же, может быть — я шел впереди и вполне мог не заметить, что творится сзади... Но теперь посмотрю. Сейчас нашему преследователю придется туго, если он, конечно, не лесник и не охотник...

— Не похож вроде, — усмехнулся Глеб. — План вполне одобряю, так и поступим. Только, если засечешь его, не выдавай, что заметил — устроим какую-нибудь ловушку.

— Идет, — согласился Северин.

— Секретничаете? — послышалось у него под ухом.

Арина подошла так тихо, что даже он ничего не услышал.

— Строим страшный заговор против сегодняшнего

ужина. Кстати, а что у нас сегодня на ужин? – отшутился Глеб.

– Как что – каша с тушенкой, а вам, может быть, лангустов и омаров подать?.. – улыбнулась в ответ девушка. – Или угря под грибным соусом?

– Вот уж не отказался бы! – облизнулся Глеб.

– Между прочим, цените тушенку, пока она есть, – вмешалась в разговор подошедшая к костру Александра. – Как понимаю, дальше не будет возможности передвигаться на машине, а значит, все тяжелое придется оставить, взяв только самое-самое необходимое.

Глава 11

Чем дальше в лес, тем злее партизаны

Вечер и ночь прошли спокойно, не считая того, что за ужином и во время традиционных вечерних посиделок (правда, на этот раз сокращенных из-за общей усталости) новоявленные поклонницы Глеба – Аня и ее подруга Наташа – едва не подрались из-за его внимания. Обе девушки, не стесняясь, демонстрировали свой интерес – подсовывали Глебу бутерброды и кусочки шоколадки, кокетничали и дарили свое внимание. Против бутербродов и шоколада Глеб, очевидно, ничего не имел, но внимания всячески старался избежать.

С утра позавтракали, добрались до деревни, где Семен Николаевич договорился о хранении автомобиля. Проводника, правда, нанять не удалось, но маршрут был примерно понятен, и решили отправиться так, положившись на Северина. Ребята перепаковали рюкзаки, распределив на всех самое необходимое, и двинулись в лес. День выдался пасмурный, то и дело моросил мелкий противный дождик, но вскоре деревья стали расти так густо, что о дожде позабыли. Северин уве-

ренно вел отряд, по-прежнему периодически уходя на разведку. Глеб никак не мог понять, как все-таки другу удается ориентироваться в лесных дебрях – он сам то и дело сбивался с направления и удивлялся, когда Северин появлялся совсем не с той стороны, с которой Глеб его ожидал.

После одной из таких отлучек Северин, приблизившись к другу, прошептал:

– Ты был прав. За нами идут.

Глеб кивнул. Он сам и не сомневался в словах старого шамана – похоже, тому не было никакой нужды обманывать.

– Посмотрим, что дальше, – предложил Глеб, и Северин вновь скрылся среди деревьев.

Они отошли уже на далекое расстояние от ближайшей деревни, когда вдруг увидели человека с лукошком. Грибник по виду был совершенно деревенским мужиком лет сорока-пятидесяти, с всклокоченными волосами, носом-картошкой и хитрыми небольшими глазками. Одежда его выглядела поношенной и была напялена кое-как. Глеб заметил, что защитная армейская рубаша надета шиворот-навыворот, а оба грязных резиновых сапога смотрят в не полагающиеся им стороны.

– Заблудились? – спросил он неприятным фальцетом, оглядывая компанию.

– Нет, все в порядке, – ответил археолог.

– Ну, на нет и суда нет, – невпопад хихикнул мужичок. – Больно умная ныне молодежь пошла, самоуверенная, – пробормотал он себе под нос и скрылся в зарослях.

То, что Семена Николаевича отнесли к категории молодежи, вызвало среди студентов целый шквал шуток, настроение значительно поднялось, и один лишь Глеб заметил, что вернувшийся из разведки Северин выглядит обеспокоенно.

– Что-то случилось? – подошел Глеб к другу.

– Мне кажется, мы заблудились... – негромко, чтобы не слышали остальные, ответил он.

Глеб едва поверил собственным ушам.

– Ты уверен? – переспросил он.

Северин пожал плечами.

– Нет пока, но мне здесь как-то... не нравится.

Еще через полчаса стало окончательно ясно, что они заблудились. Напрасно Северин пытался сориентироваться – все его попытки вызывали лишь недовольство.

– Да что вы его слушаете! – слышались голоса. – Нашелся знаток леса! Мы кругами уже сколько ходим? Я вон ту кривую сосну уже запомнил!

– Без паники! – прикрикнул на студентов Семен Николаевич. – Без вас как-нибудь разберемся.

В попытках найти дорогу прошел еще час.

Лес вокруг был мрачным. Все чаще попадались

мертвые, обросшие серым лишайником деревья, уже давно не слышалось пение птиц, а вокруг, словно конкон, сплеталась мертвенная жуткая тишина, нарушаемая лишь хрустом веточек под ногами. Небо, клочками выглядывавшее из-за высоких деревьев, тоже было свинцово-серым, без единого проблеска солнечного луча.

— Ну что? — тихо спросил Глеб друга, когда тот вернулся из очередной разведки.

По мрачному лицу Северина все и так было понятно.

— Плохо, — так же тихо ответил он. — Никогда не видел такого леса. Он словно дурит, запутывает, водит кругами. И с каждым кругом мы все дальше от цели. Впереди мертвый лес и, думаю, болото.

— Плохо, — согласился Глеб.

— Но еще хуже, — добавил Северин, — что я будто всей кожей чувствую опасность. Чую, здесь гибельные места. Если проплутаем до ночи, может выйти что-то пострашнее, чем в старой бане.

— И что же делать? — спросил Глеб. — Все так безнадежно? Неужели выхода нет?

На часах было только начало четвертого, однако в этом странном лесу сумрак сгущался с удивительной скоростью.

— Мы пропали! Это он виноват! — вдруг истошно закричала одна из девушек, ткнув пальцем в Северина. — Он завел нас сюда, и мы никогда не выберемся отсю-

да! Он знал, что эти леса гибельные, но завел!

Ребята заволновались.

– Успокойтесь, не говорите ерунды! – еще пробовал утихомирить их археолог, но уже никто не слушал начальника экспедиции. Каждый чувствовал себя так, будто его подхватил темный вихрь и несет, несет куда-то. Злость и раздражение бились в груди, отравляли кровь, туманили сознание. Еще недавно спокойные и милые юные лица исказились почти до неузнаваемости, а глаза остекленели.

– Это он виноват! – вопило уже множество глоток.

Парни и девушки двинулись на Северина, все более сжимая кольцо.

– Он виноват! Нужно его наказать!

Голоса в страшном сумраке леса тоже казались чужими, незнакомыми. Да и могли ли обычные московские студенты – романтики, любители истории, еще недавно весело смеявшиеся и распевавшие у костра походные песни, – выкрикивать такие жестокие слова, могли ли они желать человеческой крови?..

Глеб тоже почувствовал, как изнутри поднимается волна черной мути. Ему хотелось броситься на этих вопящих, почти потерявших человеческий облик людей, и бить, бить, не разбираясь, круша эти разъявленные рты, превращая безумную толпу в кровавое месиво.

«Что это со мной?» – успел удивиться он и до боли сжал кулаки, не подчиняясь тому темному страшному

чувству, что пыталось проникнуть в душу, сводя с ума и разрушая саму его личность.

Боль немного привела в чувство, и Глеб как нельзя более ясно осознал противоестественность происходящего. Должно быть, над ними властвует злой морок. Вон даже Семен Николаевич поддался ему, и глаза его так же пусты и ужасны... «Как у меня полминуты назад», – осознал Глеб и взглянул на друга.

Северин был мертвенно-бледен. И его покинуло обычное самообладание. Парень пятился, зажимая руками уши, а в глазах стоял ужас. Наверное, единственная осмысленная гримаса в этом лесу. И, что страннее всего, именно он, кого толпа со всей очевидностью предназначила на роль кровавой жертвы, не был охвачен злостью и, похоже, лишился возможности оказать хоть какое-нибудь сопротивление.

– Это он виноват! – звучало в ушах у Северина. Крик все креп и креп, превращаясь в смертоносный смерч.

– *Это они во всем виноваты! Это оборотники! Я сам видел, как они, все трое, задрали мою корову!*

Деревенские жители подступали к дому. У женщин в руках чадили факелы, у мужчин были вилы и топоры. Лица искажены и в отблесках огня кажутся совсем чужими, страшными.

Отец стоит на крыльце. Бледный, с плотно сжатыми губами. В руке зажато ружье, и Северин ясно видит, как побелели его намертво сжатые вокруг

приклада пальцы.

– Люди! Опомнитесь! Что же вы такое говорите?! – бьет по ушам крик матери.

– Убить эту суку! Это она растерзала моего ребенка! Моего сыночку! Убить ее!

Северин со страхом смотрит в белые от злобы глаза этой еще не старой женщины. Он слышал, что ее сын, Борька, убежал в лес и пропал. К несчастью, деревенские сами пытались найти мальчика, отец Северина узнал об этом лишь на третий день после исчезновения ребенка. Именно он нашел его в овраге, увы, уже мертвым. Тело было истерзано дикими зверями, а лицо оказалось изгрызенным до такой степени, что и не узнать. У женщины горе, но зачем же оборачивать его против других, зачем искать виновного в своих несчастьях?!

– Смерть им! Смерть! – набирая силу, звучит со всех сторон.

– Ну-ка, уgomонитесь! – орет отец, перекрывая рев толпы.

Он несколько раз палит в воздух, надеясь отрезать начисто лишившихся рассудка людей, и в этот момент Северин вдруг необычайно ясно понимает: отец никогда не выстрелит в человека. И деревенские проснувшись древним инстинктом тоже отчетливо понимают это. Из глоток вырывается, нет, даже не крик – вой!

– Жги их нору! Убивай этих оборотней!

Подожженный со всех концов дом ярко вспыхнул в наползающих сумерках.

– Люди-и-и! Где ваша человечность! – снова закричала мать.

Но людская волна уже накатывалась на них.

Отец изо всех сил толкнул жену и сына в сторону.

– Бегите! – закричал он страшным сорванным голосом.

И исчез в воющей толпе, бурлящей, как котел. Иногда мелькал приклад ружья, которым отец оборонялся, используя как дубинку. Отец никогда бы не выстрелил в разумное существо. Он, постоянно приносивший в дом то оставшихся без мамы зайчат, то раненых лисичек, то выпавших из гнезда едва оперившихся птенцов, – он как никто другой дорожил чужой жизнью и сейчас щедро расплачивался за это собственной кровью. Счет за добро предъявлен и оплачен.

Мама кричала что-то. Пыталась броситься в толпу, но ее отталкивали – ее черед еще не пришел.

– Избавимся от волка, потом разберемся с этой сукой! – крикнул кто-то.

Кто – уже и не разобрать. Все – на одно лицо, на один чужой, звериный голос. Хуже, чем звери. Звери убивают либо чтобы насытиться, либо защищаясь. Эти – ради самой крови.

То, что отца больше нет, Северин понял как-то сразу. Моментальная боль и – отчаянная, бездонная пустота. Люди отступили, оставив в центре поляны одинокое темное тело, в котором уже никак нельзя было признать высокого, веселого, пышущего здоровьем человека.

Дом уже догорал, чернея, словно скелетом, обнажившимися стропилами.

– Посмотрите! Вон их волчонок! Хватай его! Хватай!

Люди надвигались со всех сторон. Их было много. Северин не узнавал вроде бы знакомые лица. Они казались страшными масками, и на каждой из них он читал слово «смерть».

– Беги, сынок! Беги! – зазвенел в ушах истошный крик матери.

– Хватайте его! Не дайте уйти!

– Беги-и-и!

– Северин! – Глеб потряс друга за плечо.

Тот дернулся, отпрянул и затряс головой, словно пытаясь пробудиться от кошмара.

Вокруг было действительно жутко. Засохшая ель, поросшая ржаво-бурым лишайником, казалась забрызганной кровью. Где-то вдали захоло-захохотало, закачались вершины высоких деревьев.

– Северин, очнись же!

Кто-то из студентов схватил тяжелую суковатую вет-

ку и, орудуя ею, точно дубиной, бросился на Северина.

К счастью, тот уже вышел из своей странной про-
страции и ушел из-под удара, вывернулся из рук де-
вушки, пытавшейся поймать его за воротник.

– Глеб! Это лесной хозяин! Его проделки! – крикнул
он, уклонившись от рук Ани, пытавшейся дотянуться и
расцарапать ему лицо.

Глеб тоже думал примерно так же. Повезло им, од-
нако. И банник, и леший... только кикиморы для пол-
ноты счастья не хватает. А то и самой Бабы-яги, как бы
сказала Динка, андеда эпического уровня.

Только Глеб это подумал, как увидел, что воздух
дрогнул, и перед парнем, словно наслаиваясь друг на
друга, замелькали картины: вот двое мужчин с топора-
ми пытаются срубить дерево, но, обезумев, убивают
друг друга, заливая эту самую поляну своей кровью;
вот девушка в сарафане и с лукошком – она мечется
между деревьями и в конце концов тонет в болоте; вот
неопрятный мужик, по виду разбойник, пытается до-
гнать убегающего от него человека, но сам оказывае-
тся в ловушке и погибает, наткнувшись на толстый сук;
вот немецкий офицер в изрядно потрепанной и гряз-
ной форме времен Второй мировой войны что-то кри-
чит, пуская в небо автоматные очереди, по всему вид-
но, что он совершенно обезумел. И боль, и кровь, и
смерть, и отчаяние... и нет этому конца – картинка за
картинкой.

– Ненавижу! Я тебя ненавижу! – лицо Александры было искажено бешенством до такой степени, что Глеб едва узнавал ее.

– Саша! Успокойся! – пытался докричаться он.

Но она не реагировала. Глеб едва уклонился от тяжелой пощечины, перехватил тонкие руки девушки.

Та вырывалась, кусалась и царапалась.

Что же это такое?! Что за помрачение!

Глеб помнил, что предания гласят, будто выбраться из леса, когда водит кругами сам леший, можно только вывернув всю одежду наизнанку. И больше, как будто, нет против лешего средства. Разве что прибегнуть к помощи Ярилы-солнца или его отца Велеса.

Велес... Глеб оглянулся, ища глазами Арину. Вот бы пригодилась сейчас ее помощь... Но глаза девушки были затуманены так же, как у других. Что бы посоветовал сейчас друг – старый шаман?.. Камлать, что еще!..

– Велес! – закричал Глеб так громко, что содрогнулись даже вековые сосны. – Велес, зываю к тебе! Защити нас! Защити хранителя своей Книги!

Он и сам не понимал, откуда вдруг взялись эти слова.

– Велес, зываем к тебе, моля о помощи! – откликнулся Северин. – Мы пришли сюда с миром!

С этими словами он сбросил с плеча рюкзак и вытащил оттуда половинку круглого хлеба.

Уханье и хохот прекратились. В лесу стало очень тихо, даже обезумевшие студенты замерли и стояли теперь, словно приклеенные к месту.

– Не серчай на нас, отец. Прости, если обидели, – тихо, но отчетливо проговорил Северин и, опустившись на колени, положил у корней сосны свой дар.

Дерево заскрипело, словно пытаясь нагнуться, чтобы поднять приношение, да помешали старые больные суставы.

– Что вообще здесь происходит? – слышался удивленный бас Семена Николаевича. И глаза его стали обычными, наполненными теперь изумлением и легкой тревогой.

– Уже ничего, – поспешил ответить Глеб.

Студенты переглядывались, очевидно не понимая, как оказались здесь. Парень, держащий импровизированную дубину, недоуменно повертел ее и поспешно бросил на землю. Александра, отстранившись от Глеба, терла виски, не глядя на друзей и словно не решаясь поверить собственным глазам.

– Это леший! Он нас запутал и напустил морок! Кажется, мы едва не сотворили что-то действительно ужасное, – испуганно сказала Арина. Она подошла к еще стоящему чуть в стороне Северину и просительно заглянула в глаза.

– Ничего, все будет хорошо, – он обнял девушку, пригнул к себе, успокаивающе провел рукой по волосам.

– Я хочу домой! – истерически закричала вдруг какая-то девушка и затряслась, заплакала.

– Вот ведь чертовщина! Похлеще чем в компьютерной игре, – проговорила Динка.

– Теперь все будет хорошо, – повторил Северин. – Думаю, нас выпустят отсюда.

– Да, – согласился Глеб, – только на всякий случай переоденьте одежду наизнанку. Вернее будет.

Все стали торопливо переодеваться, не задав больше ни единого вопроса. Девочки побоялись уходить в лес и переодевались прямо тут, на поляне, но ни один из парней даже не взглянул в их сторону – уж больно ситуация неподходящая.

Северин тоже вывернул свою футболку и ветровку, оглянулся на Арину, которая была уже готова и сейчас смотрела на него очень задумчиво. Между бровями девушки образовалась глубокая складка.

– Что-то не так? – тихо спросил ее Северин.

– Н-нет. Все в порядке, – она поспешно опустила глаза и забормотала что-то себе под нос.

Прислушавшись, Северин понял, что это нечто вроде стихотворения:

«Тропка, дорожка, зеленая стежка,
Ты нас не крути, домой приведи».

– И что, поможет? – спросил он, когда Арина закон-

чила.

– Хуже уж точно не будет. – Она, как и прежде, не смотрела на него.

– Может, пойдем? – спросил у Северина археолог. Из его баса как-то разом исчезла былая самоуверенность и эдакая вальяжность. – Ты сможешь отыскать дорогу.

Северин огляделся. На юго-западе в лесу наметился просвет, словно деревья специально расступились, чтобы дать дорогу усталым и напуганным путникам. Если пойти туда, болото, как понимал Северин, останется по левую руку.

– Да, смогу. Нам туда, – ответил он, указав на лесную дорожку, и уверенно двинулся вперед.

Теперь дорога сама ложилась под ноги. Вся группа шла сразу за Северином. Больше не слышалось ни веселых шуток, ни разговоров. Каждый уносил в себе частицу первозданного ужаса, каждый хотел как можно скорее вырваться из дикого леса.

И вдруг послышалась песня – и поплыла, поплыла по лесу, глубокая и плавная.

В час урочный полнолуны,
С темным лесом наравне, —
Говорит молва-вещунья, —
Кто-то бродит в тишине.
Пономарь пройдет ли пеший,
Псарь проедет ли верхом,

Всяк, крестясь, молвит: «Леший
Загулял не пред добром!»²

Под Аринину песню они и вышли из страшного леса.

² Стихотворение Л. Якубовича «Леший».

Глава 12

Нечто вроде сюрприза

– Я хочу домой! – тихо, но твердо заявила девушка Аня.

– И действительно, зачем нам лезть черт знает куда, – поддержал ее Саша. – Мы на ТАКУЮ практику не договаривались!

– Отец вряд ли одобрил то, что мы подвергаемся опасности, – добавил другой студент, покосившись на руководителя группы.

Они остановились на привал. Никто не говорил о жутком месте, откуда группа едва смогла выбраться, но забыть об этом было невозможно. Этот леденящий, вползающий в самую душу страх останется с каждым уже навсегда.

Семен Николаевич подергал бороду и окинул внимательным взглядом своих студентов.

– Ну что, вы в своем праве, – наконец прогудел он. – И я вас вполне понимаю. Какие-то результаты у нас есть, практику я всем засчитаю, не беспокойтесь... Правда, придется делать крюк, чтобы отвести вас на вокзал. До Москвы, надеюсь, сами доберетесь.

– Доберемся! – откликнулся жиденский хор голосов. Студенты перевели дух. Испытаний и вправду ока-

залось для них многовато: вначале бандиты, а после – и вообще неизвестно что.

– Ну давайте, собирайтесь, – Семен Николаевич вздохнул, хлопнул руками карманы своих брюк и, вытащив пачку дешевых сигарет, закурил.

– А мы уже собраны! – сообщил кто-то.

Семен Николаевич задумчиво покивал и повернулся в сторону Глеба и его друзей:

– Вы с нами? Или подождете здесь, пока я вернусь.

Ребята переглянулись.

– Мы подождем. У нас как раз есть одно незаконченное дело, – сказал Глеб, и Северин вспомнил о человеке в черном. Интересно, прошел ли их преследователь зловещий лес?..

– Ну и ладно, – махнул рукой археолог. – Идемте, – повернулся он к своим студентам.

Тех упрашивать не пришлось. Они живо поднялись со своих рюкзаков.

Северин ждал, что Арина подойдет к нему, чтобы попроститься, но она до сих пор не сделала ни шага в его сторону. В прошлый раз она тоже не попрощалась. Может быть, это в ее привычке?.. Хотя и уходить девушка отчего-то не спешила – сидит, как сидела, на рюкзаке и теревит несчастную ромашку.

– Арина! Тебе что, особое приглашение требуется?! – рявкнул Семен Николаевич. – Поднимайся, уже выходим.

– А я остаюсь, – сказала она спокойно.

Сердце Северина на миг замерло, а затем отчаянно забилось.

– Как это остаешься?! – археолог двинулся к ней, остановился, нависая над хрупкой девушкой словно огромная скала. – Я за тебя, между прочим, перед твоим отцом отвечаю. Нечего тут выкобениваться! Не держивай группу!

– Я остаюсь, – твердо повторила она. – Я не приняла решения покинуть экспедицию, и это мое право. Отец отпустил меня в поход. Он, кажется, еще не закончился.

– Ты сама видела, что оставаться с нами опасно. Прошу тебя, возвращайся домой, – обратился к ней Северин.

Девушка, не глядя на него, покачала головой.

– Ни ты, ни Глеб, ни Александра, ни Динка не собираетесь сдаваться из-за каких-то глупых страхов. Почему же вы ждете этого от меня?

Северин беспомощно оглянулся на друзей. Все они отличались от Арины тем, что, во-первых, были подготовлены, а во-вторых, знали, ради чего рискуют жизнью. Разве это равные условия? Ситуация сложилась так, что лучшего времени рассказать ей об организации и не найти.

Глеб чуть поднял бровь, но Северин едва заметно качнул головой, словно напоминая о недавнем разго-

воре.

– Арина, – Александра сделала несколько шагов и тоже подошла к девушке, присела перед ней на корточки, – тебе действительно лучше вернуться в Москву.

Та подняла голову и криво улыбнулась.

– Ну что же, – горько проговорила она, – вы сами делаете за меня выбор. Так бы и сказали, что не хотите видеть меня рядом, что я вам мешаю.

– Нет, это не так...

– Ну так знайте! Я все равно пойду за вами, хотите вы этого или нет! Все равно сбегу и пойду, даже если придется идти через лес одной! – зло выкрикнула Арина.

– Так мы идем или нет? – не выдержал кто-то из студентов. Вся группа давно уже переминалась с ноги на ногу, с нетерпением ожидая исхода бесполезных дебатов.

– Сейчас, – ответил археолог с досадой и снова посмотрел на свою подопечную. – Значит, твое решение твердо. Твой отец тоже решительный человек, понимаю, что его дочери легче уступить, чем убедить ее в том, что она не права...

Лицо Арины озарилось такой счастливой улыбкой, что Северину показалось, будто из-за туч выглянуло солнце. И действительно, возможно, он переоценивает опасность. Выбирались же они до сих пор, не пропадут и дальше. Главное – действовать с умом и не

позволять страху захватить над собою власть.

– Спасибо, дядя Семен! – крикнула меж тем девушка и бросилась археологу на шею.

Обнимая его, она выглянула из-за широкого плеча и, подразнивая, показала Северину язык.

– Вот ведь человеку спокойно не живется, – пробормотала себе под нос Динка. – Поехала бы домой... там Интернет... WarCraft... – добавила она мечтательно и тяжело вздохнула.

– Ладно, ладно, – Семен Николаевич похлопал Арину по плечу. – Только потом не жалуйся и не хнычь. Договорились?

– Без проблем! – засмеялась она.

Вскоре студенты с Семеном Николаевичем отправились в сторону ближайшей станции. Добраться туда можно было по дороге, так что опасность заблудиться им не угрожала. Аня шагала рядом с Сашей, видимо, все же нашедшим ключик к ее сердцу, а возможно, она просто оценила, что с ним спокойнее и надежнее.

Глеб, честно сказать, был этому рад. Тот же Саша парень неплохой, хотя, увы, не слишком умный, да слишком умного Ане и не надо – не потянет. Даст бог, и сложится еще одна пара.

Итак, студенты ушли, а Глеб и его команда остались на месте.

Друзья молчали, не зная, как обсуждать дальнейшую ситуацию в присутствии посторонних. Арина об-

вела их внимательным взглядом и, пожав плечами, снова опустилась на свой рюкзак.

– Я не совсем дура и понимаю, что у вас есть свои секреты, – сказала девушка. – И я не собираюсь выведывать их. Не хотите – не говорите. Считайте меня глухонемой. Я вот книжку почитаю, а вы можете отойти и поговорить о том, о чем желаете.

Она достала из кармана рюкзака книгу в мягкой обложке и, устроившись поудобнее, погрузилась в чтение.

Глеб поманил друзей в сторону.

– Нехорошо использовать ее в закрытую, – тут же сказала Александра, когда они оказались одни. – Она должна знать, чем и ради чего рискует.

– А какой у нас выбор? – пожал плечами Глеб. – Вот Северин не хочет, чтобы она вступала в нашу организацию. К тому же мы не имеем права рассказывать о нас кому-либо без согласия на то Евгения Михайловича.

– И что же делать? – поинтересовалась Динка, оглядывая друзей.

– Ситуация непростая. Тем более что сейчас мы должны расставить силки и поймать нашего преследователя, если он, конечно, выбрался из лап лешего... – заметил Глеб.

– Или просто не попадал в них... – уточнил Северин.

– Тогда остается полуправда... – Александра подо-

шла к разлапистой ели и принялась методично обрывать иголки. – Но известно, что нет ничего хуже, чем полуправда. Мне жаль, что Арина не уехала с остальными, это добавляет сложности всей нашей экспедиции. Без нее остались бы только свои, посвященные... И я...

Она не успела договорить, потому что в кустах затрещало, и на них выскочила испуганная Арина.

– Там кто-то был! Я услышала шорох, а потом заметила что-то черное! – взволнованно заговорила она.

Ребята переглянулись. Выходит, преследователь уже совсем близко.

– Я посмотрю! – крикнул Северин, устремляясь в лес.

Враг оставил четкий след: обломанные ветви кустов, примятая трава, в одном месте на земле даже отпечатались рифленая подошва тяжелого ботинка – совершенно явно что-то из «мартинсов». Но самое странное: следы имелись, но черного нигде не было. У Северина создалось впечатление, что он был здесь вот буквально секунду назад – и вдруг пропал. Даже запах еще остался. Станный, но не то чтобы незнакомый. Северин уже чуял его... на поляне перед заброшенной баней, откуда они с таким трудом выбрались. Но что же делал там их враг? Может, это он отодвинул засов? Ну конечно, нет, какая же чушь! Скорее всего, он просто появлялся там, чтобы проконтролировать: работа сде-

лана, и они – в смертельной западне. Вслед за этим, правда, возникал новый вопрос: зачем неизвестному врагу их смерть, но думать над этим Северин сейчас не собирался. Слишком мало времени, тем более его дело – поймать, а уж Глеб, Евгений Михайлович, Семен Николаевич пускай разбираются сколько душе угодно.

Парень сделал еще один круг. Настырный запах – грубой «ковбойской» кожи, дегтя и полыни – дразнил ноздри, вызывал отчетливое беспокойство, но врага не было.словно сквозь землю провалился. А может, и провалился, кто его знает. Раньше Северин ни за что бы не поверил в подобные штучки, но теперь он был готов поверить во что угодно. Силы, превышающие возможности человеческого разума, все-таки существуют. Возможно, люди, убившие когда-то его семью, были не так уж не правы, опасаясь существ иной природы. Они просто ошиблись с целью.

Родители Северина не были оборотнями. Он знал это совершенно точно. Просто они были непохожи на других. Легко назвать непохожего человека чужим, оборотнем, убийцей. Легко списать на него все собственные беды и неудачи. Отец никогда не обидел ни одно слабое существо, зато немало браконьеров пострадало от его рук. У деревенских, желавших выгодно заработать, убивая зверей, были все причины ненавидеть этого прямого и необыкновенно честного человека. А мать... Она была просто доброй, слабой и вместе

с тем очень сильной женщиной. Она могла не спать ночами, выхаживая принесенных отцом зверей. Северин помнил, как она осторожно промывала зверьку загноившуюся рану, оставленную чьим-то ржавым жестоким капканом, перевязывала лапку зайчишке, по капельке, из пипетки кормила выпавшего из гнезда птенца.

Он так и называл их – отец и мать, хотя несколько лет после их смерти, когда судьба уже столкнула его с Евгением Михайловичем, тот показывал документы, где было черным по белому написано, что эта женщина, которую он знал как мать, не могла иметь детей и тщетно лечилась от бесплодия.

– Этого не может быть! – решительно сказал он тогда. – Я знаю, я чувствую: это мои родители!

Евгений Михайлович тогда ласково потрепал его по плечу.

– Я знаю, – сказал он, – они воспитали тебя и действительно стали для тебя отцом и матерью. Ведь чтобы быть настоящими родителями, не обязательно произвести человека на свет – нужно его любить, растить, воспитывать. И я вижу, что они отлично справились с этой задачей.

– Зачем вы все это мне говорите? – выкрикнул Северин, чувствуя, как в груди разгорается огонь. – Зачем?!

Директор школы взглянул ему прямо в глаза.

– Не для того, чтобы опорочить их память. Да и что тут порочащего – напротив, это были очень добрые и

хорошие люди, которые подобрали в лесу мальчика и воспитали его, действительно, считая его своим, веря, должно быть, что это лес, всегда добрый к ним, послал им долгожданного сына...

Северин слушал, опустив голову, и боль терзала его измученное сердце.

– Так вот, я говорю это тебе для того, чтобы ты научился не отворачиваться от правды, какой бы горькой она ни была, как бы тебе ни хотелось ее не слышать. Они любили тебя, понимаешь? И ради того, чтобы спасти тебя, дать тебе одну-единственную спасительную минуту – с радостью пожертвовали собственной жизнью. И они бы сделали это снова.

И тогда Северин, впервые за долгое время, заплакал. Он рыдал, не стесняясь льющихся градом слез, и тогда, именно тогда он понял, что Евгению Михайловичу можно доверять. Другим нельзя, а ему можно. Он из тех, кто понимает, а значит, никогда не предаст.

– Ты позволишь мне помочь тебе, научить тебя быть сильным и использовать собственную силу наилучшим образом? – спросил тогда директор.

И Северин, вытерев ребром ладони слезы, твердо ответил:

– Да.

Тогда началось его обучение в школе.

И вот он здесь. Пытается найти словно провалившегося сквозь землю врага и никак не может. «Слушай лес

— он тебе подскажет», — сказал бы отец. «Слушай свое сердце», — посоветовал бы Евгений Михайлович.

И Северин прислушался — и к лесу, и к себе. Птицы... деревья... запах... Парень на миг закрыл глаза, и вдруг необыкновенно ясно понял, где скрывается враг. Так вот он же, совсем неподалеку, шагах в пяти. Северин несколько раз проходил совсем рядом с этим местом и непонятно, как вообще до сих пор не обнаружил противника.

Чувствуя, что внутри словно распрямляется сжатая пружина, Северин, не открывая глаз, чтобы сосредоточиться лишь на ощущениях, рванулся вбок и, опрокинув врага, прижал его к земле. И вдруг почувствовал странное, страшное желание вцепиться зубами в его незащищенное горло. Желание, которое раньше чувствовал только в странных и диких снах. Теперь же парень мог смотреть только на горло — такое белое на фоне черной рубашки.

— Ну поймал. Сдаюсь, сдаюсь, — послышался резкий, насмешливый голос.

Его жертва смеется? Это бред, это какой-то дешевый фарс!

— Говорю же: поймал, сдаюсь, — снова повторил все тот же голос. — Может, теперь позволишь мне встать? Знаешь, конечно, романтично лежать здесь, в лесу и все такое, но извини, ты немного не в моем вкусе.

От удивления Северин окончательно пришел в себя,

раскрыл глаза и наконец увидел своего врага в лицо.

Это был совсем молодой, примерно его лет, парень с лохматыми черными волосами (причем лохматость эта была явно неестественная, декоративная), с полузанавшенными густой рваной челкой наглыми светло-кариими глазами. Парень, как и в день нападения на школу, был одет во все черное, и пахло от него странной туалетной водой. Кстати, большой оригинал: шляется за ними по лесу, и при том не забывает ни укладывать прическу, ни пользоваться парфюмерией.

— Не пытайся сбежать, — предупредил Северин, позволяя врагу подняться. Он следил за ним, готовый при первой попытке к бегству или сопротивлению скрутить того в бараний рог.

— Я что, совсем дурак, что ли? — отозвался черный, потирая бок. — Ну ты меня чуть не убил, честное слово!.. Как напрыгнул. Я думал: кранты. Просто дикий зверь! Ну и темперамент!..

Северин чувствовал себя немного неловко. То странное желание исчезло без следа, но, как говорил Евгений Михайлович, нельзя скрывать от себя правду, нельзя игнорировать и пытаться забыть объективно существующие факты. Ну да ладно, свою задачу он худо-бедно выполнил — поймал врага, а разговаривать с ним будут другие. Но прежде чем вести пленника к Глебу, необходимо принять еще кое-какие меры безопасности.

– Оружие есть?

Парень нахмурился и кивнул.

– Ага, сейчас достану. – Он полез в карман черных же джинсов и, не успев Северин возразить что-либо, протянул ему маленький складной ножик. – Настоящий швейцарский. Не потеряй.

Пленник попался действительно странный. Назвать такой ножик оружием, да и еще, не потеряв присутствия духа, ставить свои условия – на это способен далеко не каждый в таком положении. Северин даже за-уважал его. Хороший враг, достойный.

– Пойдем, – он принял «оружие» и внимательно оглядел парня: может, тот прячет где-нибудь пистолет. Разве что в небольшом черном же рюкзаке. – Это тоже отдай, – велел Северин, кивнув на рюкзак.

– Да не беспокойся, мне совсем не тяжело! – заверил черный.

Издевается? А может быть, он полный кретин? Дурачок, увязавшийся за ними просто так, из-за собственной прихоти?.. Да нет, быть такого не может. Он – враг. Судя по всему, умный и расчетливый. Неплохой актер. И в лесу выживать умеет. Надо же, даже лешего прошел. А косит под идиота.

– Дай сюда! – рявкнул Северин, окончательно потеряв терпение.

– Пожалуйста! Я ведь не хотел затруднять... – Парень поспешно протянул рюкзак. – И не кричи, пожа-

луйста, так громко. У меня с детства повышенная чувствительность. У меня от твоего рева барабанные перепонки болят.

Ну и что тут скажешь?..

Северин промолчал. Только ткнул чувствительного злодея в спину, тычком направляя в сторону лагеря.

Глава 13

Лицо врага

Северин вытолкнул своего пленника на поляну, где ожидали друзья.

– Всем привет, – сказал черноволосый и, продолжая паясничать, приветливо взмахнул рукой.

– Это он! – воскликнули одновременно Глеб и Александра.

А Динка и Арина с любопытством уставились на парня.

– Да, я – это я! – с готовностью подтвердил пленник и улыбнулся.

– Давай веревку, его нужно связать, – бросил Глебу Северин.

– Ну зачем же? Чтобы удержать меня в столь замечательном обществе, вовсе не требуется веревки! – глумился враг. – Вполне достаточно очарования присутствующих здесь девушек. Мадемуазели, честное слово, снял бы перед вами шляпу, если бы она у меня была! – И паяц изогнулся в подобии грациозного полупоклона.

Глеб, не обращая внимания на это показательное выступление, молча достал веревку, и они, вместе с Северином, надежно связали пленнику руки и ноги.

Все это время тот изображал невинно влекомого на расправу мученика, фактически святого, и не забывал трагично закатывать глаза.

– Может, хватит комедий? – спросил Глеб, когда процедура связывания была завершена.

– Ну почему же? Весь мир – театр, а люди в нем – актеры. А еще говорят: игра – притворство. Это притворство и есть единственная реальность. И, заметим, это не я сказал, а Шекспир с Моэмом. Вы любите «Театр» Моэма так, как люблю его я? По-моему, превосходная вещь...

У Северина прямо-таки руки зачесались – так захотелось дать под дых этому наглomu типу, чтобы хоть немного сбить с его лица эту глумливо-вежливую гримасу.

– Готовишься к поступлению в театральный? – щурился, поинтересовался Глеб. – Так не примут – переигрываешь.

– Жаль, – черноволосый тяжело вздохнул. – Но это все равно не мешает мне любить искусство!

– И следишь за нами ты тоже из любви к искусству? – поинтересовался Глеб и вдруг, что-то вспомнив, обернулся к Арине. – Извини, но не могла бы ты...

Девушка усмехнулась.

– Понимаю. Пойду-ка прогуляюсь немного, а то ноги затекли... И книжка такая интересная... – Она скользнула взглядом по собравшимся и ушла с демонстра-

тивно прямой спиной, словно говоря: «Очень мне нужны ваши детские секретики!»

– Вот и правильно, что вы неподготовленных удалили. Я как раз собирался рассказывать вам секреты германского рейха и о том, как лучше приносить в жертву девственниц и котят, – не преминул отреагировать черноволосый.

Александра поморщилась.

– Может, помолчишь? Слушать противно! – сказала она, и пленник надулся, умудрившись и при этом придать лицу такое преувеличенно-обиженное выражение, что, не будь ситуация действительно серьезной, можно было бы от души посмеяться.

– Ну давай, рассказывай, – Глеб, подойдя вплотную к пленнику, уставился на него.

Тот молчал.

– Зачем ты за нами следил?

Молчание.

– Ну отвечай же! – он тряхнул черноволосого за ворот рубашки.

Тот обиженно засопел.

– Не могу, – произнес он наконец, – дама просила помолчать, а я стараюсь не доставлять неудобств дамам.

Динка, не выдержав, громко захихикала, но тут же замолкла, поймав на себе крайне неодобрительные взгляды остальных членов команды «русичей».

– Можно я его убью, – попросила Александра очень серьезно.

– Не надо! Не пускайте ее ко мне! Я все вам расскажу! – все так же фальшиво закричал черноволосый.

– Ну?.. – Глеб ждал, когда тому все-таки надоеет палясничать. Да, судя по всему, это будет не скоро, придется приложить усилия, чтобы все-таки сломать этого фрика. Но пока даже ждать чего-то путного не стоит. Вопросы он задавал скорее для проформы, не ожидая какого-либо результата.

– Как на исповеди! – заверил пленник. – Только вы все равно мне не поверите... – добавил он вдруг совершенно другим тоном.

– Ну? – повторил Глеб, не давая сбить себя с толку этой мнимой серьезностью.

– Меня зовут Ян, – представился пленник. – Ян Белорецкий, если хотите с фамилией. Мне семнадцать, и жизнь моя была скучна и бессмысленна. До встречи с вами. Но, как говорится, я встретил вас, и все былое... Гм... простите, заигрался. Итак, однажды я обратил на вас внимание, и вы показались мне весьма занятными... Так как делать мне все равно было нечего, решил проследить. И вот, пожалуйста – слежу.

Северин, прислонившись к дереву, с удивлением слушал весь этот бред. Неужели этот пижон наивен настолько, что считает, будто кто-то ему поверит?..

– И у школы в тот день ты оказался из простого лю-

любопытство? – мрачно переспросил Глеб.

– Конечно! – просиял Ян.

– И у костра в ночь Ивана Купалы...

– Все верно! Вы просто заглянули мне в душу!

– И у заброшенной бани, – добавил Северин.

Черноволосый бросил на него заинтересованный взгляд.

– А ты чуткий, – заметил он, – и умный. А знаешь, я раньше думал, что такие, как ты, умеют только бить и наскакивать. Но я не боюсь расставаться с собственными заблуждениями... А у бани... У бани я спасал вашу жизни. Что, не верите? Ну я же так и говорил!..

– Хватит, – оборвал его Глеб. – Так ты и вправду хочешь сказать, что преодолел черт знает какое расстояние и в одиночестве шел за нами по лесу просто из любопытства?

– Я вообще очень любознателен по натуре, – заметил Ян и горестно понурился, – отсюда и многие мои беда. Люди привыкли не смотреть дальше своего носа, они не понимают и не любят тех, кто хоть в чем-то отличается от них.

– Кто напал на нашу школу и зачем они это сделали? – спросил Глеб.

– Толком не знаю. Они тоже интересные ребята с прикольными псевдославянскими заморочками, но на тот момент вы казались мне гораздо интереснее, – заметил Ян.

– Глеб, ты же видишь, он не собирается нормально отвечать! – воскликнула потерявшая терпение Александра. – Он над нами просто издевается!

– Правильно, девушка, – вздохнул Ян, – зачем мне верить, когда можно взять раскаленные щипцы, обуть меня в испанские сапожки, а на шею накинуть гарроту.

– Спасибо за демонстрацию знаний о эпохе испанской инквизиции. Зачет, – устало произнес Глеб. – Но если ты отказываешься говорить нормально, тебе придется составить нам компанию.

– Вот я же сразу предупредил! – вздохнул пленник. – Я ведь сразу сказал, что вы мне не поверите. Тяжело быть пророком в своем отечестве.

– Ну теперь мы точно скучать не будем! – засмеялась Динка. – Не всем повезло иметь личного клоуна.

– К вашим услугам, мадемуазель. – Черноволосый попытался раскланяться, но со связанными ногами это получилось у него плохо, и он едва не упал.

– Кстати, а как ты через чахлый лес прошел? – вдруг спросил Северин.

– Без проблем. Договорился с лешим – и порядок. Я вообще считаю, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, – с готовностью ответил Ян. – А вас как будто в вашей школе ничему не учили!..

Ребята переглянулись. Вот и прокололся.

– И что? – осторожно спросил Глеб.

– И ничего, – вздохнул он. – Я вообще устал. День

сегодня выдался нелегкий, а вы еще так шумите, что у меня уши болят. Я вам еще не говорил, что у меня повышенная чувствительность?..

Ну понятно, разговаривать с ним все же бесполезно.

Пленника усадили под сосной и стали осматривать его рюкзак. Там обнаружился тонкий спальник, смена белья, гель для укладки волос, флакон с туалетной водой, большая фляга с питьевой водой и штук пять уже зачерствевших гамбургеров. Ну чем не набор шпиона-любителя?..

– Разберемся, – пообещал друзьям Глеб.

Во время обыска пленный молчал, уставившись себе под ноги. Похоже, он действительно устал или решил сменить тактику.

Они привязали пленника к одному из деревьев в березовой рощице – так, чтобы не бросался в глаза с поляны, и отошли, чтобы посоветоваться.

– Ну что вы думаете об этом? – спросил Глеб, когда ребята отошли от пленника.

– На редкость неприятный тип, – заметила Александра.

– Скользкий какой-то, – добавил Северин.

– А мне понравился! – выдала Динка, с вызовом оглядывая друзей. – Симпатичный и вообще прикольный.

– Прикольный он или нет, но я ему не верю, – показала головой Саша. – Хотя вот что странно – он ничуть

не пытается хоть как-то расположить нас к себе. Даже не пойму, на чем это основано. Может быть, на его крайней самоуверенности? Или он знает и может что-то такое, что не знаем и не можем мы.

— Мне кажется, он кто-то вроде колдуна из Динкиной игры, — предположил Глеб, вспомнив слова шамана. — В любом случае его надо допросить. В нашей аптечке, кажется, есть психотропные вещества? Может, на нем и опробуем?

Северин поморщился. Идея вторгаться в чье-то сознание категорически ему не нравилась. Но разве есть выбор, когда речь идет об успехе их миссии? Наглый незнакомец... Ян или как там его на самом деле... скорее всего, подослан врагами — теми, что напали на школу. Лучше применить вещества для допроса этого действительно малоприятного типа, тем более добыть из него информацию другим способом невозможно, не пытаться же на самом деле.

— Что за люди! — всплеснула руками Динка. — В кои веки кто-то более-менее нормальный попался, так нужно сразу схватить и накачать таблетками!

— Дина, я, конечно, ценю оригинальность твоего вкуса и пристрастие к компьютерным монстрам и аниме, но ты же достаточно взрослая... — начала Александра.

— Ну, не всем нравятся пай-мальчики-заучки! — перебила ее девочка.

Александра вспыхнула.

– Так, девочки, брейк, – встал между ними Северин. – Я сейчас и вправду подумаю, что этот Ян – великий маг и успел бросить заклинание, чтобы рассорить нас.

– Наивный лесной юноша! – хмыкнула Динка. – Будто мы сами просто так поссориться не можем?!

– Все, – вмешался Глеб, – я думаю, хватит. Решение принято, приступаем к делу.

И только он это сказал, как между соснами появилась Арина в сопровождении высокого темноволосого мужчины лет, может быть, около тридцати. На первый взгляд в нем не было ничего особенного, но глаза все равно ненароком задерживались на его высокой плечистой фигуре, простом, словно вырубленном топором, лице.

– Здравствуйте, – сказал он, изобразив нечто на манер поклона.

Ребята переглянулись. Похоже, к ним на огонек заглянул еще один фрик. Однако Арина ловка их собирать – ни на минуту одну оставить нельзя!

– Здравствуйте, – ответил за всех Глеб и, демонстрируя недоумение, едва заметно приподнял бровь.

– Я слышал, вы проводника искали. Я местный, Никитой звать, – представился он, словно бы и не заметив презрительных взглядов.

– А что, у вас в лесах опасно? – осведомился Глеб, исподтишка разглядывая добровольца.

– Да как везде, – махнул рукой, скорее похожей на лапу, Никита. – Медведи даже встречаются. А еще лешаки, русалки да прочая мелкая нечисть. Не бойтесь, я вас лучшей дорогой проведу – никто не привяжется, а коли и привяжется, то сам пожалеет. Я заговоры хорошие знаю, еще моя бабка ими пользовалась – хорошие, проверенные временем. Кого надо на место поставят.

Северин тоже с интересом разглядывал гостя, пытаясь понять, какие ассоциации он вызывает. Пожалуй, ему не хватает только густой бороды лопатой – и будет точь-в-точь суровый Боян-сказитель. И говорит по-деревенски, несмотря на то что не старый. Наверное, тоже, как и отец самого Северина, из лесной семьи происходит. В таких семьях время течет незаметно, а обычаи и предания бережно передаются из поколения в поколение.

– Я ничего не рассказывала! – поспешно заявила Арина.

– А откуда вы вообще про нас узнали? – недоверчиво спросил Глеб.

– Так в деревне! – удивился самозванный проводник. – Там же еще эта... повозка ваша... машина, в смысле, стоит. Красивая, кстати! В наше время таких не делали! – и он тяжело вздохнул. – Но я, в общем, не о том. Узнал я в деревне, что молодые ребята одни, без проводника, в наши дебри поперли, ну и испугал-

ся. Места у нас-то глухие, гиблые – не зря народ про
лешаков сказки придумывал. В общем, понял, что по-
спешить нужно ребят выручить.

– А вы леса эти хорошо знаете? – спросил Северин,
который решил, что Никита чем-то ему даже симпати-
чен.

– Хорошо, – он снова вздохнул, – сизмальства, как
говорят, почитай, тысячу лет тут живу.

На тысячелетного Никита вовсе не походил. Мужик
в самом расцвете сил, едва ли многим за тридцать.

– Мы, как видите, студенты, – дипломатично ответил
Глеб, – сами решений не принимаем. Дождемся руко-
водителя группы – он на станцию пошел.

– Так и я не спешу! – улыбнулся гость. – Давайте-ка
пока суд да дело, костерок вам разожгу, чаек сделаю.
Время-то уже давно обеденное, а у вас, молодых, ор-
ганизм растущий, много каши требует!

– Присмотрись к нему, – прошептал Глеб Северину,
и тот кивнул. И вправду, что-то много на сегодня незна-
комцев.

Никита ловко соорудил костер, живо набрал листоч-
ков – для чая. Северину, составляющему ему компа-
нию, оставалось только удивляться, как верно он все
знает.

– Чем больше трав – тем лучше, – басил он, срывая
веточки зверобоя, – здесь поблизости малинник есть.
Листья малины больно хороший аромат придают, и для

здоровья полезны. Ну и ягодками приправим, небось медведь-батюшка не осерчает... А вот и брусничка... Эх, хорошо, душисто выйдет...

Слушая его, Северин улыбался, на минуту ему вдруг показалось, что он рядом с отцом.

Пока они делали чай, девочки приготовили бутерброды. Пахло все действительно вкусно.

– Надо бы и гостя нашего покормить, – опомнился Глеб, когда все сели вокруг костра.

С появлением медведеподобного, шумного Никиты о Яне как-то позабыли.

– Сейчас! – с готовностью вскочила симпатизирующая анимешному Яну Динка, плеснула в чашку ароматного настоя и... чуть не опрокинула его на себя.

Проследив ее взгляд, Северин тоже посмотрел в ту сторону и не сдержал сорвавшееся с языка ругательство – их пленника не было. Только валялись на траве веревки.

– Вот ведь Гудини нашелся! – хмыкнул Глеб.

– Кто? Как ты его назвал? – удивилась Динка.

– Ну фокусник такой был. Очень известный. Из каких угодно пут и клеток мог выбраться, – пояснил Глеб. – Темная ты все-таки, Динка, образовываться тебе надо.

– Зато ты очень умный! – не осталась в долгу девочка. – Северин Яна поймал, а ты его прошляпил!

– Кого-то потеряли? – спросил Никита, недоуменно оглядывая ребят.

Глеб только рукой махнул.

Глава 14

Красная Шапочка

Вскоре вернулся Семен Николаевич.

– Ну здравствуйте, а это еще кто? – удивился он, увидев Никиту.

Они стояли друг напротив друга, как два человека-горы.

– Никита, ваш проводник, – гордо представился тот, подавая руку.

Археолог сжал ее, словно проверяя противника на крепость. Мало кто выдерживал его пожатия, но Никита оказался вполне достоин – даже не поморщился.

– Ну, как говорят в русских сказках, сперва накормите-напоите, а потом рассказывайте! – велел археолог, очевидно проникнувшись уважением к новоявленному проводнику.

Девочки тут же засуетились с бутербродами – кашу сегодня никто делать не стал, а остальные кратко изложили суть истории.

– Вот сюда доведешь? – спросил Семен Николаевич, ткнув толстым пальцем в точку на карте.

– А как же, – подтвердил Никита, – дело нелегкое, да если с умом-то браться, пройти можно.

– Вот и ладно! – археолог хлопнул по плечу нового

друга и с аппетитом набросился на еду. – А чай-то хорош, ароматен, – нахваливал он.

Поели и все остальные.

Северин обратил внимание, что их новый знакомый не ест, а тискает в руках ломоть хлеба. Еще одна странность.

После обеда, пока паковали рюкзаки, а Никита собирал землянику, чтобы угостить ею «хозяюшек» – так он называл девичью часть экспедиции, – ребята коротко рассказали археологу о Яне.

– Плохо, что ушел. Очень плохо, – покачал головой руководитель экспедиции. Где он теперь – впереди или позади, – один леший ведаёт. Сделал бы я про него запрос вашему Михайловичу, но, как верно говорит одна торговая фирма: «В тайге роуминга нет». Был удобный случай, когда студентов провожал. Был да сплыл. Теперь поздно, потеряем время – можем все потерять...

– А как вам этот Никита? – поинтересовался Глеб. – Как думаете, ему-то доверять можно?

– Может, можно, а может, и нельзя, – обтекаемо высказался Семен Николаевич. – Ты, Северин, больше нашего в лесу понимаешь, вот и следи. Держи, так сказать, ушки на макушке.

На том и порешили.

Вскоре вся группа двинулась вслед за Никитой в лес. Тот был странным проводником. То остановится, прислушается, то будто заговорит с кем-то. Северину,

державшему ушки на макушке, даже казалось, будто их провожатому кто-то отвечает, и от этого волосы на загривке становились дыбом.

– С кем это ты разговариваешь, Никита, – окликнул он проводника.

Тот обернулся к Северину, окинул того словно бы недоумевающим взглядом.

– Как же? – удивился он. – Уж ты-то знать должен. С лешачками да с хозяином лесным словом перемолвился. Без их разрешения в эти места и соваться не стоит.

– Почему это я должен знать? – нахмурился парень. Он уже и сам не понимал, нравится ему Никита или нет. Было в нем что-то и свое, понятное, и чужое, странное, настораживающее.

– Прости, перепутал. Я думал, родичи у тебя из леса, – быстро ответил Никита, отводя глаза.

«Родичи из леса?» Звучит двусмысленно – вроде и лесники, а вроде и дикие звери, а то и вовсе какая нечисть, которой в лесу, как известно, тьма тьмущая: и лешие, и лесовики, и кикиморы, и Бабы-ежки.

– Я не понял! – Северин попытался заглянуть проводнику в лицо, но тот уже шел дальше, что-то деловито бормоча себе под нос. – Я не понял, почему родичи из леса? – настойчиво переспросил парень, тронув провожатого за рукав.

Тот снова повернулся к нему. Глаза – простые, не-

много удивленные.

– Так не из лесных, что ли? А я-то думал, что свой. Хорошо в лесу разбираешься, правильно ходишь...

«Вот дурак я! И вправду все просто! – отругал себя Северин. – Примерещится же всякое. Это от того, что день сегодня тяжелый и странный...» Он снова вспомнил, как белело горло Яна, так и манило своей беззащитностью.

Они шли почти до самого вечера и вышли к берегу реки.

– Ну вот, – объявил проводник. – Здесь и заночевать можно, а завтра переправимся и на месте будем.

Берег был пологий, вполне удобный для ночлега. Быстро разложили палатки, разожгли костер и договорились о посменной страже. Нельзя забывать о том, что враг где-то поблизости, да и Никита еще не вполне внушал доверие. Разделили время на три смены. Первым бодрствовал Глеб, вторым – Северин, третьим – Семен Николаевич. Девочки тоже, конечно, просились в стражу, но кто доверит им серьезное дело.

Ночь была хорошей, ясной. Крупные звезды частой россыпью висели низко над землей, с воды тянуло сыростью, и дул легкий ветерок. Поэтому, отсидев свою смену, Северин замерз и, сдав пост археологу, с удовольствием отправился досыпать. Спал он, правда, не в палатке, а под открытым небом, в спальнике – ему привычно и, если что,отреагирует быстрее, труднее

застать врасплох.

Однако отоспаться нормально не удалось. Сначала парень долго ворочался с боку на бок, а когда заснул, получилось и того хуже...

* * *

Волосы Арины были рассыпаны по плечам, на голове – веночек из желтых водяных лилий, называемых еще кубышками. Одета она была в просторную белую полотняную блузу с широким воротом и длинную полотняную же юбку.

Девушка глядела на него, выглядывая из-за березы, и смеялась.

А он никак не мог отвести взгляда от ее белоснежной шеи, от бьющейся там голубой жилки.

– Иди ко мне! – закричала Арина глубоким бархатным голосом. – Ну иди же, дурачок!..

А Северин вдруг почувствовал, как огонь охватывает его тело, которое вдруг начинает изгибаться, меняясь – словно глина под воздействием умелых пальцев гончара. Вот удлинилось его лицо и прорезались длинные зубы. Проведя по ним языком, Северин понял, что это – клыки, очень прочные и очень острые. Руки и ноги вдруг перепутались, и он очутился на четвереньках, осознав, что это самая удобная и правильная по-

за. Странно, что до этого он умудрялся передвигаться на двух лапах! Это же так неуклюже и неэффективно.

– Ау! – звала Арина. – Иди же ко мне, мой серый волк! Я – твоя Красная Шапочка!

Рот наполнился слюной, а лапы сами собой оттолкнулись от земли. Северин взмыл в воздух и несколькими легкими прыжками преодолел расстояние до де-вушки.

Только тут она, должно быть, поняла, что это не игра. В глазах промелькнул страх. Арина закричала – уже не призывно, а испуганно, как попавшая в западню лань. Заметалась, пытаюсь убежать...

Но разве от него убежишь?..

Еще прыжок, и она лежит на земле. Волосы ореолом разметались вокруг головы, венчик отлетел в сторону.

А он видит только ее белую шею, чувствуя такую жажду, что мутится в голове.

Чтобы прекратить эту пытку, Северин вцепился в эту шею зубами – разрывая плоть, разбрызгивая горячую кровь...

И в это мгновение он проснулся.

Утренние сумерки казались тревожными. Небо еще не озарилось первыми лучами солнца, но чувствовалось, что оно совсем рядом, уже на подходе.

– Не спится? – окликнул Северина археолог. – Не зря говорят, что самые тревожные и тяжелые часы – перед рассветом... Да ты спи, парень, береги силы, еще по-

требуются.

Северин упрямо помотал головой. Перед глазами так и стояла белая блузка, забрызганная неестественно яркими каплями крови. Что же это творится?.. Он уже надеялся, что сны сдались, отступили, и вот пожалуйста – опять, с новой силой...

– Я пройдуся немного. Заодно посмотрю, не видно ли нашего преследователя, – сказал он археологу.

Тот кивнул и подбросил в костер пару сухих веток.

Лес, принявший Северина под свою сень, сегодня не казался ему таким дружелюбным, как обычно. Скорее настороженным, неодобряющим. Будто Северин и вправду растерзал существо одной с собой породы, будто он, превратившись в жаждущее крови животное, убил ту, которую любит.

Занятый этими мыслями, он кружил и кружил по лесу, забыв о времени и о том, что вроде собирался поискать следы Яна. Когда Северин немного успокоился, солнце уже взошло, где-то вдали пели птицы, и только вокруг Северина лес многозначительно молчал.

Решив, что разыскивать их преследователя поздно и бесполезно – Ян умел прятаться, а пока он сам кружил здесь, не разбирая дороги, не услышать его мог разве что глухой, – Северин вернулся к лагерю.

Оказывается, девушки еще спали, их проводник собирал вдали хворост, а у костра сидели только Семен Николаевич и Глеб. Они что-то обсуждали, и по тому,

как вдруг замолчали при появлении Северина, он решил, что говорили именно о нем.

«Они знают, что я едва не убил Яна!.. Они знают про Арину...» – подумал парень, хотя какими-то остатками сознания понимал, что этого быть не может, а убийство Арины – всего лишь сон, ничего серьезного.

– Северин, – окликнул его друг, – мне нужно поговорить с тобой.

– Говори, – он криво усмехнулся, почти как вчера этот черноволосый, Ян.

– Отойдем?..

Парень пожал плечами, но тем не менее пошел за Глебом.

Глеб приблизился к воде и остановился. Солнце растекалось по поверхности реки, словно прочерчивая на воде дорожку. Вот бы отбросить все тревоги и сомнения и пойти по ней туда, за горизонт, легко, свободно и весело...

– Я вижу, что с тобой происходит, – тихо проговорил друг, заглянув ему в глаза. – Ты меняешься.

– Что?.. – Северин отпрянул.

– Мне кажется, ты и сам уже догадался о... гм... двойственности своей природы. Это звучит странно, но мы же с тобой знаем, что бывает и не такое. И еще мне кажется, что все твои проблемы из-за того, что ты не хочешь принять ту, другую сторону.

Северин был шокирован тем, как много знает Глеб и

как спокойно, почти равнодушно он говорит *об этом*.

– Но что, если это зверь, убийца? – спросил он, чувствуя, как все тело пронзили мурашки. Слова льдинками слетали с губ – страшные и такие острые, что вот-вот обрежешься, захлебнешься собственной солонатовой кровью.

– Все зависит только от тебя, – уверенно ответил друг. – Тебе придется принять себя таким, как ты есть, и научиться с этим жить, управлять этим. Жаль, что никому тебя научить... Твои родители...

Северин на миг закрыл глаза.

– Я не знаю своих настоящих родителей. Люди, которые меня вырастили, не оборачивались, если ты об этом. Но их убили именно потому, что сочли оборотнями – они были непохожи на всех... А может быть, их убили из-за меня?..

Последняя догадка сорвалась с губ прежде, чем Северин успел ее осмыслить. Но слова прозвучали и вдруг обрели неожиданную силу, тревожным набатом застучали в висках.

– Не будь дураком, – Глеб положил руку на плечо друга. – Это классический случай из психологии: детское чувство вины, возникающее из-за какой-то сущей мелочи – разбитого окна, сока, пролитого на любимое мамино платье. Ты даже не представляешь, к каким глобальным последствиям могут привести такие мелочи... Поэтому не придумывай и не обвиняй себя – у нас

и так забот хватает. И... постарайся освоиться, расслабиться. Тебе должно стать легче. Насильственное, чему ты сам сопротивляешься, всегда идет тяжело.

– Спасибо, Глеб, – Свеверин протянул ему руку. Пожатие друга было уверенным, успокаивающим.

– И главное, не чувствуй себя одиноким, не противопоставляй себя нам. Хорошо? – парень кивнул. – Вот и ладно, – обрадовался Глеб. – Пойдем к костру, девочки просыпаются...

Глава 15

Первые находки

Переправа прошла успешно – в одном известном их чудесному проводнику месте река почти обмелела, и можно было перейти вброд.

– Вам повезло, – говорил Никита, – пока они переправлялись – вода достигала ему всего до колен, когда большинству была по пояс, а Динке и вообще по грудь. – Самое удачное время добраться до Перунова острова, иначе – только на лодке. А по весне здесь такие разливы бывают, что пускаться вплавь – себе дороже.

– Как? Что ты сказал? – Семен Николаевич от неожиданности поскользнулся и едва удержался на ногах.

– Я? – проводник недоуменно оглянулся. – Про разливы? Но сейчас же начало июля...

– Перунов месяц... – задумчиво заметил Глеб. – Так и остров еще Перуновым называется?

– Ну да, – подтвердил Никита. – Вроде церква этого бога была...

– Капище, – автоматически поправил археолог.

Они выбрались на пологий с этой стороны берег. Остров был довольно большой, формой больше всего напоминающий шляпу, с классическим курганом посе-

редине.

– Странно, что здесь еще не копали, – заметил Семен Николаевич.

– Так места дикие, – пожал плечами проводник, – кто сюда просто так доберется.

– А ты, Никита, почему здесь живешь? – спросил вдруг Глеб.

Ребята оглянулись на него.

– А где мне еще жить? – будто удивился он. – Всю жизнь здесь провел. Привязан я к этим местам, по-настоящему привязан.

Места и впрямь были очень красивые – серебристая река, чье течение остров разрезал на две неравных части, по берегам – густые почти нетронутые цивилизацией леса. Заповедный край, такой и не представишь в душной, полной народом, как арбуз семечками, Москве.

– Ну что же, устанавливаем лагерь, – скомандовал Семен Николаевич, и когда проводник ушел расчищать место для палаток, добавил: – И место стратегически верное. Если, как вы говорите, за нами следят, им будет трудно подобраться незамеченными.

Обустроились и отправились осматривать холм.

Арина, шедшая рядом с Северином, казалась сегодня какой-то особенно грустной и задумчивой. Парню даже стало страшно, что она каким-то неведомым образом узнала про его сон и теперь думает, не пора

ли бежать прочь без оглядки.

– Ты не жалеешь, что не уехала со студентами? – спросил он.

– Что?.. Ах, нет, конечно, – ответила она, отводя взгляд и теребя кончик длинной толстой косы.

Северин вдохнул и выдохнул.

– Арина, – он обхватил плечи девушки и развернул ее к себе. – Если ты не хочешь меня видеть, так и скажи.

– Почему же не хочу, – она подняла на него бездонные небесные глаза, в которых отражался то ли страх, то ли боль, – напротив, – она вдруг неестественно ожилилась, – поцелуй меня, пожалуйста! Ты так давно меня не целовал!

Ее губы пахли солнцем, от кожи и волос шел аромат меда и полыни. Сладость и горечь – половинки единого целого. Она целовалась жадно, словно путник, приникший к живительному источнику после долгого перехода по пустыни.

– Пойдем! – горячо шепнула она ему в ухо и потянула в сторону леса.

Северин бросил взгляд на товарищей. Они, вместе с их проводником, осматривали курган и, судя по всему, посвятят этому занятию немалое время.

– Ну? – Арина нетерпеливо оглянулась на него.

И Северин, подхватив ее на руки, сам понес девушку в лес, который дружелюбно раскинул над ними свой

зеленый полог, бросил на землю мягкий ковер травы. И Северин, не отводящий взгляда от Ариновых глаз, знал, чувствовал одно: что бы ни пугало, что бы ни угнетало ее, она действительно его любит. И это знание сделало бы его невероятно счастливым, если бы можно было бы стать счастливей, чем сейчас. Он и так поднялся на седьмое небо, чувствуя, что сравнялся с богами.

– Вот здесь станем бить шурф³, – говорил тем временем Семен Николаевич.

Глеб кивнул, он был, в общем, согласен с археологом, хотя и не мог недооценить масштабов работы. Теперь, когда студенты уехали, вся тяжесть ложилась на него и на Северина. Сам Семен Николаевич, судя по рукам и одышке, случавшейся даже после небольшой физической нагрузки, к раскопкам был приспособлен плохо, а девочкам и подавно не стоило давать в руки лопаты – не женское это дело, как ни крути.

– Эй, Никита, – окликнул проводника Семен Николаевич, словно прочитав мысли Глеба. – Ты небось с лопатой обращаться умеешь?

– А то! – Тот деловито поплевал на руки, словно собирался тут же и приступить к работе.

– Поможешь нам с раскопками? Мы без тебя долго копать будем, а ты богатырь. Раз копнешь – яма,

³ Вертикальная горная выработка для разведки залегания ископаемых.

другой – ров, – подмигнул ему археолог. – А я тебя, как говорили в старину, не обижу, награжу в охотку.

– Почему бы не подсобить?! – тот неожиданно подмигнул в ответ. – И награда вовсе лишней не будет, да и мне в вашей честной компании приятственнее, чем без дела ошиваться.

– Вот и поладили! – руководитель экспедиции был очень доволен, что так быстро организовал все дело. – Честно говоря, я как тебя увидел, сразу понял: нужный человек!

Глеб усмехнулся. Ну конечно, Семен Николаевич – известный хитрец. Видно, еще вчера сообразил, что Никиту можно к делу пристроить, поэтому с такой охоткой на его предложение и отозвался.

– А ведь хороший холм, – задумчиво сказала Динка, – вдруг здесь и сеть ловится?.. – Но, покрутив мобильник, тяжело вздохнула. – И что этот Перун о нормальных средствах коммуникации не позаботился? Две недели без WarCrafta! Это же ломка начаться может!

– Перуну не нужны... Как ты их там назвала... Гмм... ну приспособления всякие, – прогудел Никита.

– И что, – усмехнулся Глеб, – каждый может пообщаться с древним божеством?

– Вестимо не каждый! – обиделся проводник. – Верить нужно, без этого никак.

– Я, может, тоже в WarCraft верю, но играть-то без

наличия сети это мне не помогает! – снова выступила Дина.

– Значит, недостаточно веришь, – ответил Никита.

На несколько секунд охотники за артефактами застыли, а потом тишину нарушил басовитый смех археолога.

– А ты, парень, мне нравишься! – хохотал он, хлопая проводника по спине, причем будь на месте Никиты кто-нибудь более хилый, ушел бы от этих ударов, как в русских сказках, по грудь во сыру землю. – Срабатываемся!

– Не в бровь, а в глаз, – подмигнул девочке Глеб, и она с досадой отвернулась.

– А земля здесь мягкая, полупесчаная, – заметила Александра, не поддерживавшая всеобщего веселья.

Она присела на корточки и, зачерпнув горсть земли, просеяла ее сквозь пальцы.

– Теплая, – задумчиво проговорила девушка, – и, кажется, живая.

– Ну, не уверен, не уверен, – покачал головой археолог, – просто холм возвышается над остальной местностью, и его раньше других успевает прогреть солнце.

Тем временем Александра все возилась с землей, словно лаская ее.

– Ой, посмотрите! – воскликнула она вдруг. – На испачканной землей ладошке лежало небольшое тусклое колечко, порядочно изъеденное временем.

– Ведь вправду хорошее место, – присвистнул археолог, зорко оглядывая находку, – если украшения века четырнадцатого вот так, под рукой, валяются.

– Золотое? – сразу заинтересовалась забывшая про обиду Динка и вытянула шею, напоминая любопытного жирафенка.

– Обижаешь! – хохотнул Семен Николаевич. – Чистое... ну, насколько это было возможно в те времена... золото. Зуб даю!

– Можно взглянуть?.. – попросил Глеб.

Александра передала ему тусклое тоненькое колечко с одним-единственным мутноватым белым камешком.

Когда пальцы девушки коснулись его руки, Глеб вздрогнул, словно в грудь ему попала молния, и... провалился в мягкую жадную тьму.

Храпел конь. Бока его были мокры от пота, но прижавшаяся к его холке женщина все торопила скакуна:

– Быстрее, миленький! Быстрее, мой родной!

Она была простоволоса, с длинными волосами оттенка темного гречишного меда, но по богатой одежде и византийскому плащу видно, что не из простых.

– Выручай, родненький! – шептала она, и конь тряс ушами, ронял на землю пену, но все еще не сбавлял шагу.

Они мчались по берегу, рядом с блестящей лентой реки, казалось, выпавшей из распутившейся ко-

сы красавицы. А на белых нежных пальчиках девушки Глеб увидел несколько колечек, одно из них – уже знакомое, с белым камушком.

От леса доносился шум и ржание, и вскоре из-за деревьев показались несколько всадников на небольших мохнатых лошаденках. Глеб с первого взгляда узнал их: татары. Должно быть, девушка поехала куда-то одна и наткнулась на татарский разъезд, а может, она была вовсе не одна, просто спутников ее уже поразила злая степная стрела. Вот и теперь один из догоняющих, не снижая скорости, натянул небольшой изогнутый лук и приладился, чтобы выстрелить.

– О защите прошу, Перун-батюшка! – закричала девушка, направляя коня к реке, на которой зеленой мономаховой шапкой виднелись знакомые очертания острова.

Грянул гром, словно откликаясь на горячую ее молитву, и рука стрелка от неожиданности дрогнула, стрела ушла вверх, словно норовя проткнуть хмуращееся свинцовыми тучами небо. Воин выругался сквозь зубы.

Меж тем девушка была уже в воде. Держась за шею коня, она усиленно гребла к острову.

Татары подъехали к реке, о чем-то быстро заспорили, размахивая руками.

Наконец один из них, видимо, главный, топнул ногой и ткнул рукой в сторону плывущей девушки, и татары

вместе со своими лошадьми бросились в воду, продолжая преследование.

Девушка была уже почти у острова, когда с неба вдруг ударила яркая молния. Сверкнула и исчезла в свинцово-серой студеной воде, и тут же в этом месте река вспучилась, словно потревоженная огромным трезубцем, поднялась высокая волна и, накрыв преследователей, повлекла их в пучину.

Последнее, что видел Глеб – это дрожащую девушку, выбирающуюся на скользкий берег Перунова острова, и слышал сбивчивые слова:

– Спасибо, батюшка Перун! Век теперь тебе служить буду!..

– Старые боги – надежные дороги, новые божки – скользкие порожки, – пробормотал он неизвестно откуда всплывшие в голове слова.

– Что? – удивилась Александра. – Ты, кажется, что-то сказал?..

– Так, пословицу вспомнил, – отмахнулся он. – И знаешь, похоже, здесь лежит одна из последних Перуновых жриц.

– Да что ты говоришь! – засмеялся Семен Николаевич. – Разве видано, чтобы у славян волхвовали бабы?!

Глеб пожал плечами.

– Официальная наука со мной не согласится, но кажется, что к четырнадцатому веку даже верховному бо-

гу стало не до разборчивости.

– Ну заливаешь! – похлопал себя по бороде археолог. – Гляди, еще фантастом заделаешься, книжки про альтернативную историю печатать начнешь.

– А я ему верю! – вдруг заявила Александра.

– Ну... – Семен Николаевич развел руками.

* * *

– А вот и наши влюбленные! – встретил их возглас Семена Николаевича. – О, какие счастливые, держитесь, что ли, за что-нибудь, чтобы над землей не взлететь.

Северин нахмурился: ну конечно, появиться тихо не удалось.

– А ты, дядя Сеня, погромче покричи – может, еще на том берегу не слышали! – подначила ничуть не смутившаяся Арина.

Археолог захохотал, поглаживая бороду.

– Ох, – притворно вздохнул он, – в мои годы я такой успех у девчонок имел...

– Да вы больше хвастаетесь! Если вы и в наши годы столько болтали, то на остальное у вас, должно быть, времени совсем не оставалось!

– Шутница! – Семен Николаевич погрозил Арине пальцем.

– Лучше взгляните, что мы нашли, – поспешно вмешалась Александра. По ее слегка нахмуренным бровям было видно, что прилюдное обсуждение чувств и отношений ее вовсе не забавляет.

– На самом верху колечко лежало! – добавила Динка. – Только представьте, что там внутри кургана. Должно быть, сокровище на сокровище!

– И чтобы собрать их, нужно нажать только Enter, – усмехнулся Глеб. – Я думаю, что тянуть, можно приступить.

Все, кто мог копать, взялись за лопаты, и вскоре работа закипела. Правда, вскоре пришлось сменить лопаты на совки и метелочки, потому что на самой вершине холма действительно находилось чье-то захоронение, накрытое небольшим плоским камнем, на котором еще виден был прочерченный символ – заключенный в круг шестиконечный крест.

– Ого! Громовой знак Перуна. А ты, парень, должно быть, не ошибся насчет жрицы, – пробормотал археолог, радуясь находке, словно ребенок. – Этот знак славяне считали оберегом от грозы, – пояснил он Динке, должно быть, решив взяться за ее образование. – А еще это символ доблести и мужества, знак русской дружины. Его на шлемах, на доспехах чеканили!.. Самый известный, пожалуй, символ, как и восьмилучевой коловрат – похожий на солнышко с ножками. Это знак Сварога, бога мудрости. Под его эгидой и происходит

сейчас возрождение язычества... Правда, Аринка? Кажется, я такой у тебя видел?..

Девушка, еще недавно легко отшучивавшаяся при разговоре на более щекотливую тему, вдруг смешалась, и Северин подумал, что, должно быть, у нее с этим связано какое-то неприятное воспоминание.

– Ты интересовалась язычеством? – спросил Глеб, отложив работу.

– Немного. В контексте всяких обрядов, – пояснила Арина. – Я же вам рассказывала.

– Оставь ее, видишь, ей неприятны расспросы, – прошептал Северин Глебу.

– Тогда сам поговори с ней. Помнишь, у напавших на школу ты заметил как раз такой знак? – ответил друг.

Северин нахмурился:

– Мы, кажется, уже с тобой это обсуждали. Ты подозреваешь Арину в чем-то конкретном?

– Нет, просто поговори. Она о чем-то умалчивает. Поверь мне, я чувствую.

Северин задумчиво кивнул.

– А что это вы там шепчетесь и от работы отлыниваете? – вмешалась в их диалог Динка, расстроенная отсутствием интернет-связи и необходимостью копать в земле не хуже какого-нибудь крота или землеройки.

Они неплохо поработали до самого вечера, а затем, как и прежде, разожгли костер и установили ставшее уже привычным дежурство.

– Прогуляйся немного со мной, – окликнул Северин Арину, когда девушка уже собиралась уйти в девичью палатку.

– Да, пожалуйста.

Они немного отошли от лагеря. Северин скинул куртку, постелил ее на поросший травой пригорок. Девушка села. Он примостился рядом. Пару минут они молчали.

– Ты позвал меня, чтобы полюбоваться на звезды? – спросила Арина, искоса взглянув на парня.

– Нет... В смысле, не только. Я хотел задать тебе вопрос.

– А! – воскликнула девушка немного нервно. – Я так и знала. Ну спрашивай.

– Я хотел спросить тебя про тот символ, который упомянул сегодня Семен Николаевич. Понимаешь, это может быть для нас важно...

– Мне не хотелось бы об этом говорить, – произнесла Арина, обняв накрытые широкой льняной юбкой колени и уткнув в них подбородок. – Этот знак действительно обладает для меня смыслом... В общем, прежде всего он связан для меня с моим первым парнем... Он... он научил меня многому, но, с другой стороны... Я не могу! Не хочу о нем говорить! Понятно?!

Видно было, что девушка по-настоящему взволнована. Северин сжал ее пальцы, показавшиеся ему ледяными.

– Он причинил тебе боль? – тихо спросил он, наги-

баясь к ее плечу.

А она вдруг заплакала – так, что затряслись красивые покатые плечи.

Северин прижал девушку к себе, стал гладить по голове, успокаивая, затем приподнял ее заплаканное, белое-белое в свете луны лицо, и принялся стирать губами соленую влагу с ее щек, губ, подбородка, шеи...

– Я больше не стану тебя ни о чем спрашивать, – пообещал он, осторожно глядя ее по спине.

– Я... Я не могу больше так! Не могу! – И Арина снова тяжело, горько зарыдала.

– Ну маленькая, не надо. Прошу тебя! Ты же как солнце! Как радуга после дождя! Как вольная птица. Ты – самая лучшая!

Он шептал ей эти ласковые и искренние слова, и девушка затихла, прижалась к его плечу.

– Я виновата перед тобой, – прошептала она, обжигая его дыханием. Странно: пальцы – ледяные, дыхание – огненное. – Я должна тебе все рассказать.

Северин покачал головой.

– Ты ничего не должна. И ничего не бойся. Ты, наверное, обижаешься на нас, думаешь, что мы странные... Это действительно так. Но я ничего не рассказываю тебе не потому, что не доверяю, а потому, что хочу тебя уберечь...

Тонкие пальцы судорожно впились в его плечи. Арина чуть отстранилась и заглянула Северину в глаза. Ее

губы полуоткрылись...

И в этот момент поблизости затрещали ветки.

– Вот вы где! – выглянул из кустов Семен Николаевич. – А мы вас опять обыскались. Луна, конечно, очень романтично, но и отдохнуть не помешает.

Пришлось идти за ним.

Эта ночь показалась Северину едва ли не хуже предыдущей.

Только он заснул, как очутился в каком-то странном месте.

Это был лес, и вместе с тем не лес. Белый и неживой – словно проекция или тень настоящего леса. Под ногами лежала ненастоящая белая земля, гулко стонущая при каждом шаге. Небо тоже было ненастоящим – черным. Получилось словно негативное изображение – светлое стало темным, темное – светлым.

Северин шел по этому странному лесу, едва удерживаясь от того, чтобы не закричать, не сжать виски руками. Он не знал, сколько продолжается его путь, но чувствовал, что уже подошел к самой грани сумасшествия. Еще немного – и он окончательно лишится рассудка.

– Здравствуй, человек-волк, – слышался хрустальный, лишенный малейшего признака живого тепла голос.

Северин присмотрелся и увидел, что навстречу ему идет женщина в старорусском платье и шитом узора-

ми плаще, сколотом у шеи фибулой в виде Перунова символа, о котором рассказывал сегодня археолог.

– Здравствуй, хозяйка, – ответил он, стараясь не показать своего страха.

Женщина покачала головой.

– Я не хозяйка здесь – гостья, как и ты, – ответила она. – Ты знаешь, где оказался?.. Это Навь – мир, обратный миру живых.

– Зачем я здесь? – спросил Северин, ощущая, как на загривке сами собой вздымаются волосы.

– Потому что я тебя пригласила. Не бойся, в тебе могучая, сильная кровь, и многие из здешних обитателей хотели бы насытиться ею, но пока... пока ты под моей защитой.

– Пока? – уточнил Северин.

– Пока, – она улыбнулась ледяной, ничего не выражающей улыбкой – вернее даже тенью улыбки, наверное, все в этом месте было тенями – и лес, и улыбки.

– Зачем же ты меня позвала?

– Хотелось посмотреть на тебя поближе, человек-волк. Ты до сих пор не знаешь и боишься сам себя. Но ведь в тебе, как я уже сказала, есть великая сила. Ты мог бы ею распорядиться. Разве я не вижу, что именно ты должен быть вожаком своей стаи? Ты, самый сильный и ловкий из всех.

Несмотря на страх, ему вдруг стало смешно, и он хрипло расхохотался, пробудив в лесу ужасное эхо, ис-

кажавшее смех, превращая его в горестные стоны. Вот, оказывается, каков смех в этом перевернутом мире!..

— Это глупо с твоей стороны — искушать меня властью, — ответил он, отсмеявшись. — Так делают злодеи во всех сказках и комиксах. Типа: «Приходи на темную сторону, а я дам тебе печенку».

— Ты прав. — Глаза женщины смотрели неподвижно, и Северин вдруг понял, что она слепая. — Это лишь часть испытания, но теперь я скажу тебе правду. Вы пришли сюда, на этот остров, чтобы забрать то, что не принадлежит вам по праву. Но знаете ли вы, что за все придется платить. Чем ты готов платить: любовью, дружбой, человечностью?

Мертвый лес молчал, свидетельствуя истинность этих страшных слов.

— Я сделаю все что смогу, чтобы сохранить все это, — твердо ответил парень.

— Ну что же, — женщина обломила белую, словно облитую застывшим молоком, хрусткую веточку, — у тебя чистое горячее сердце и есть силы. Но можешь ли ты ручаться за других? Хотя бы за тех, кто находится рядом с тобой?

— Ты хочешь посеять во мне сомнения? Это тоже часть испытания?

— Наивный мальчик, — женщина с мертвыми глазами опять усмехнулась. — Знай же, что среди вас есть предатель, и однажды ты узнаешь его, если, конечно,

осмелишься взглянуть в лицо правде.

– И кто же это? – Северин задал вопрос, не надеясь на ответ: понятно же – ее задача путать, сеять сомнения и рознь. Да можно ли верить хоть кому-то в этом неправильном перевернутом мире?

Женщина и не ответила, только покачала головой.

– А сама-то ты кто?

– Я – хранительница острова, – неожиданно ответила она. – Когда-то у меня была земная жизнь и любовь, по велению которой я убежала из отчего дома. Но все, как я говорила, имеет свою цену. За мою свободу я заплатила смертью любимого, а сама спаслась только потому, что пообещала ему выжить во что бы то ни стало. Когда я оказалась у Перунова острова, за мной гнались татары, и я поклялась Перуну служить ему, если он уничтожит моих врагов. Он сделал это, а я осталась на острове.

– А как твое имя? – спросил Северин, чувствуя, как по сердцу острым когтем царапнула жалость. Цена и вправду оказалась невероятной велика.

Женщина покачала головой.

– Здесь нет имен. Они давно забыты и стерты... Но пришло время. Тебе надо просыпаться, но чтобы ты не думал, что это – всего лишь сон, я тебя поцелую.

Она шагнула к нему, и Северин подумал, что это, наверное, самое страшное из того, что с ним случилось. От женщины веяло потусторонним холодом. Ну да, он

же в Нави. И сама эта женщина тоже навья – мертвец. Она мертва так давно, что уже и не вспомнишь. Только сегодня они видели ее высохшие, ставшие хрупкими, почти как бумага кости, лишившийся длинных, оттенка гречишного меда волос череп.

Он отступил, но отступать было некуда – деревья оцетинились ветками, выставив их перед собой, как боевые копья. Одна из тонких веточек кольнула Северина в плечо, и парень почувствовал боль. Он скосил глаза и с отвращением увидел, как белая ветка розовеет, жадно втягивая его кровь.

А женщина была уже совсем близко, Северин отчаянно ясно видел ее слепые видящие глаза, тонкие губы, хищный, словно начерченный тушью, рот.

– Почему же ты не хочешь поцеловать меня? – хихикнула навья. – Не бойся, твоя девушка ни о чем не узнает!

Она вымораживала силы, иссушая, кажется, самую душу. Собравшись с духом, Северин что есть силы толкнул женщину в грудь и... проснулся.

– Ну наконец! Никак не мог тебя добудиться! – слышался знакомый голос. Голос друга.

Глеб с беспокойством склонился над Северином.

– Что случилось? – спросил тот, с трудом разомкнув запекшиеся сухие губы.

– Ты стонал, – пояснил Глеб. Он тронул друга за плечо и вдруг отдернул руку, поднес пальцы поближе к све-

ту костра. – У тебя на плече кровь.

– Да? – одежда на правом плече действительно пропиталась кровью. Как раз в том месте, где в кожу впилась ветка мертвого дерева. Ладони – там, где он коснулся навьи, – горели и были нездорово багровыми.. Что же случилось бы, если бы она действительно его поцеловала?

Это не сон. Что угодно, только не сон.

– Поранился, – пробормотал Северин, грея пальцы у живого – о чудо! живого! – пламени костра. – И... будь осторожен со снами.

– О чем ты? – Глеб смотрел на друга удивленно и настороженно.

– Похоже, это не просто сны, – ответил парень.

Она говорила о предателе. Неужели среди них может быть предатель? Нет, в это невозможно поверить! Еще одна ложь! Еще одна попытка запутать!.. Бедная женщина, во что она превратилась, какую неимоверно высокую цену ей пришлось заплатить!.. Что если... Северин сжал виски ладонями. Нет, об этом нельзя думать. Даже тень сомнения она обернет в свою пользу!..

До его дежурства оставалось еще минут сорок, но Северин предпочел провести это время сидя у костра рядом с Глебом, затем друг отправился спать. Северин остался один. Нет-нет он бросал взгляды в сторону кургана – там, где лежали кости хранительницы, – и слушал тишину. Как странно, только сейчас он заме-

тил, как тихо на острове. Едва слышно, как плещется, разбиваясь о берег, вода, но деревья почти не колышутся под ветром, не шуршат в траве ночные зверьки, не видно птиц. Словно остров накрыли огромным стеклянным колпаком.

Когда дежурство подходило к концу, из палатки показался Семен Николаевич. Северин заметил, что на лбу археолога блестят крупные бисерины пота, а руки подрагивают.

– Ну и ночка! – пробормотал руководитель экспедиции, протягивая к огню ладони, совсем как это делал недавно Северин. – Давненько я таких кошмаров не видел!

– Кошмаров? – переспросил парень, стараясь не выдать своего волнения.

– Ну да. Такое приснилось – и не расскажешь. Но хуже всего была бледная девка, – и крупный сильный мужчина поежился.

– С незрячими глазами и медовыми длинными волосами, – предположил Северин, подбрасывая в костер дрова.

Археолог покосился на него, но ничего не сказал. Оба так и сидели до самого утра.

А утром выяснилось, что никто из группы не провел ночь спокойно, а еще то, что никто не захотел рассказывать о своих кошмарах. Видно, у всех это было очень личным.

«Интересно, а что может скрывать Динка. Она ведь совсем ребенок», – удивлялся Северин, но видя мрачное и решительное выражение лица младшей подруги, перестал сомневаться, что у той есть свои секреты.

Арина же казалась расстроенной и очень грустной.

– Плохой сон? – спросил ее Северин и прижал к себе, словно желая спрятать от всех опасностей. – Не переживай – это как бы проверка. Или своеобразное приветствие: «Добро пожаловать, вы на Перуновом острове». Сегодня всех кошмары посетили.

Девушка молча кивнула, но веселее не стала.

В общем, завтрак прошел скомканно. Все чувствовали себя уставшими, словно ночь не восстановила, а, напротив, выпила силы. Ранка на плече Северина все еще болела и не спешила заживать, сочась от каждого резкого движения кровью.

Только Никита казался бодрее остальных, словно ничего его не брало или душа его была столь по-деревенски чиста и наивна, что у хранительницы не нашлось средств испугать или смутить его. А может, дело в том, что он свой, местный. Возможно, испытание лишь для чужаков.

После завтрака приступили к работе, хотя двигалась она гораздо медленнее и печальнее, чем вчера, и к обеду группа настолько вымоталась, что никто не мог уже и пальцем пошевелить.

– Эй, тебе, парень, что, энерджайзер в сидалище

вставили? – грубовато поинтересовался Семен Николаевич у Никиты, все еще продолжавшего работать.

Тот оглянулся, взглянул на археолога широко распахнутыми по-детски недоумевающими глазами.

– Чего? – переспросил он.

– Да ничего, отдохни уж, – примирительно проговорил археолог, – простота ты деревенская.

День миновал, не принеся особых происшествий. Вечером Северин заметил, что никто, исключая непрошибаемого Никиту, несмотря на усталость, не спешит ложиться спать. Арина и вовсе жалась к нему, словно ища у него защиты, а Семен Николаевич подозрительно молчал, перестав шутить и бахвалиться. Все это ярко свидетельствовало о том, что прошлая ночь произвела впечатление на всех. Интересно, что увидели его друзья? Нет, не интересно – Северин едва заметно покачал головой, – такие вещи лучше не знать.

– Нам повезло, сегодня теплая ночь, – Северин ласково погладил Арину по шелковистым волосам, – хочешь, поспи здесь, возле костра, а я стану держать тебя за руку.

– Хочу! – девушка обрадованно закивала.

– А ведь действительно не холодно, – прогудел Семен Николаевич, – пожалуй-ка тоже лягу здесь. Только, так и быть, за руку меня держать не нужно, – ввернул он шутку, глядя на Северина. Видно, мысль о тепле ко-

стра и наличии общества настолько его воодушевила, что к археологу почти вернулось былое чувство юмора.

В итоге ночевать под открытым небом решились все. Только Александра упрямо хотела удалиться в палатку – ну это понятно: она привыкла держать себя, не позволяя даже тени слабости, – но ее удалось отговорить совместными усилиями.

Ночь, как ни странно, прошла спокойно.

Глава 16

Черным по черному

Весь следующий день компания провела за раскопками, а к вечеру стало ясно, что открылся еще один культурный слой. Плита казалась такой древней, что было страшно подумать, когда и кто вычертил на ее поверхности странные символы.

– Это алтарь, посвященный Перуну, – объявил Семен Николаевич.

И, словно в подтверждение его слов, сверкнула яркая молния, с небольшим запозданием сопровождающаяся оглушительным раскатом грома.

– Символично, – заметил Глеб. – Похоже, мы нашли-таки то, что искали.

Небо стремительно темнело, словно кто-то невидимой всевластной рукой задергивал плотные шторы из свинцовых туч.

Северин, вонзив лопату в землю, отер со лба пот. Сердце стучало о ребра испуганной птицей. Тревогой, казалось, был пропитан весь неподвижный воздух. Наверное, это просто предчувствие грозы, но ему хотелось выть, запрокинув лицо к темному небу.

Глеб приложил ладонь к искореженной поверхности алтарной плиты и вздрогнул. На миг парень увидел

другую грозу – когда, казалось, сами небеса грозят обрушиться на жалкую горстку жмущихся друг к другу людей, темные капли старческой густой крови и услышал хриплый, сорванный голос, извергающий проклятия:

– Прокляты будьте, собаки, забывшие свои корни! Не будет вам милости от богов! Будете вы страдать и рвать друг друга, как голодные псы! Не знать вам вовек покоя! Будьте же вы прокляты!

Этот крик отозвался в голове Глеба такой мучительной болью, что парень пошатнулся и оперся на стену ямы, чтобы удержаться на ногах.

– Сейчас ливанет! – прорычал тем временем руководитель экспедиции, пытаясь перекричать очередной судорожный приступ грома. – Надо бы закрыть чем-то яму, а то вмиг затопит!

Словно дожидаясь этой команды, первая тяжелая капля упала Северину на лоб, скользнула к углу глаза, а оттуда, должно быть, считая себя слезой, скатилась по щеке.

– Сегодня четверг, Перунов день. И гроза... Может быть, нужно закончить начатое и поднять плиту? – спросил Глеб, хмурясь.

Археолог покачал головой.

– Говорю же: затопит! – раздраженно ответил он. – Все, вылезаем, надо яму получше накрыть.

Они стали выбираться из ямы, но обычно ловкий, Северин вдруг поскользнулся и упал, приложившись

головой о плиту. Мелькнула ослепительная вспышка молнии, и он вдруг опять оказался в знакомом уже черно-белом негативном мире.

Качали ветвями белые деревья, но не было слышно ни единого звука. Северин в этот раз отчего-то не боялся – он знал, что никто и ничто не посмеет тронуть его, пришедшего теперь по приглашению.

Та же женщина, что пугала его в прошлый раз, бесшумно появившись среди деревьев, склонилась в низком поклоне. Но Северин уже не смотрел на нее, потому что навстречу ему шел старик – невысокий, крепкий, с густой седой бородой и суровым, изборожденным многими морщинами, лицом.

– Ну здравствуй, здравствуй, родич, – услышал парень голос, раздававшийся, кажется, в его собственной голове.

– Почему ты называешь меня родичем? – немного робея, ответил парень, уже догадываясь, что видит перед собой великого бога.

– Как же ты мне не родич, если в тебе – кровь моего брата Велеса? – спросил старик, так и не разомкнув уст. – Крови той всего-то капля, но и того достаточно, больше смертному и не вынести.

– Я потомок Велеса?

Вот, действительно, странная новость.

– Ты, кто же еще. Потому и далась тебе Велесова книга, потому и склонился перед тобой ее хранитель.

– Но... тогда... – он хотел спросить о своих настоящих родителях, но не успел – старый бог покачал головой, и вопрос стал ненужным – нет их уже в яви, перешли в темное царство нави – мира мертвых. Это осознание наполнило душу болью.

– Ты последний, волчонок, – словно бы усмехнулся старик.

– А Глеб... – вдруг вспомнил Северин. – Он, должно быть, тоже сын могущественных родителей?..

– Безродный отец его, и мать безродная. Оба погибли от пьянства. Только не говори своему другу, огорчится.

Северин наклонил голову, задумался. Прошрое, казалось ему, осталось за толстым стеклом, подернутым толстым слоем паутины. Даже лицо Арины поблекло, стерлось, словно на старой фотографии.

– Я умер? – спросил он вдруг.

– Нет, еще рано. Считай, заглянул в гости...

– А она... – Парень оглянулся на застывшую в полупоклоне жрицу.

– Не бойся, она больше не будет пытаться причинить тебе вред. И знай, она сказала истину: пришло время выбора и время расплаты, и в твоих руках сейчас очень многое, волчонок. Смотри не ошибись.

Старик вдруг прикоснулся к его лбу. Это прикосновение было мягким, едва ощутимым, и в то же время Северина пронзила боль, заставив тело выгнуться дугой.

Он зарычал и открыл глаза, но от ослепительной боли, словно выбелившей все вокруг, не мог еще видеть.

– Тихо, тихо, – ласково зашептал знакомый голос.

Нежная рука коснулась лба, промокнув с него кровь.

– Не везет тебе... Все время по голове достается...

Сквозь белую завесу мглы медленно проступало родное лицо. Арина. Вот она – здесь, не в далеком прошлом!

– Очнулся? – послышался голос Глеба. – Ну как ты?..

В мир возвращались звуки. Было слышно, как бьет о крышу палатки дождь.

– Мы вытащили тебя, едва успели сюда принести и кое-как прикрыть раскоп, когда хлынул дождь, – пояснила Арина, заметив его рассеянный, с трудом фокусирующийся взгляд.

Северин попытался кивнуть, но едва мог шевелиться. И вправду, не везет ему. А в голову лезло множество вопросов – неужели он и вправду разговаривал с Перуном? Или это просто бред, последствие удара?.. Что правда и что неправда и как во всем этом разобраться. Хотя... в наличие предателя он не верит. Нет его среди команды и быть не может.

Где-то рядом бабахнуло, словно Перун, прислушивающийся к мыслям парня, вступил в полемику. А потом барабан дождевых капель замолк.

– Смотри-ка, только-только лило как из хорошего душа, а сейчас уже дождь закончился, – задумчиво про-

говорил Глеб, выглянув на улицу.

Северин приподнялся и неожиданно понял, что ему стало лучше, как будто последний раскат грома не только послужил сигналом к окончанию ливня, но еще исцелил слабость и головную боль.

Парень потянулся и встал.

– погоди! – окликнула его Арина. – Тебе, наверное, вредно. Лучше полежи еще немного.

– Нет, я в лесу посижу, на свежем воздухе, – откликнулся Северин, – мне там легче будет.

– Это правда, лес его исцеляет, – подтвердил Глеб.

Северин вылез из палатки и разулся. Мокрая трава приятно холодила ноги. Из соседней палатки доносился раскатистый бас Семена Николаевича, с упоением рассказывавшего девочкам очередные сказки.

Воздух после грозы посвежел и был таким сладким, что Северин все никак не мог надышаться.

Парень двинулся к зарослям деревьев, остановился у тоненькой березки, обнял ее, точно девушку, прислонившись лбом к прохладной гладкой коре. Береза была ему рада. Ее листочки тихо трепетали, словно ласкали его по щеке, по шее. Теперь он словно считывал обращенные к нему эмоции. Она рада ему, она приветствует его.

Неужели он сходит с ума?

«В тебе – кровь моего брата Велеса», – вспомнились слова.

Может быть, это действительно так? Но что тогда несет эта кровь – благо или кошмар, который Северин очень хорошо знает по собственным снам, которые иногда прорываются в реальность неконтролируемыми приступами животной ярости. Он запутался, заплутался в трех соснах. Наверное, прав Глеб, говоривший, что нужно принять себя целиком...

«Ты прав... Мы любим тебя...» – прошептала береза, бережно глядя его по щеке.

Северин и в правду успокоился. Ему стало значительно легче, а в душе, после грозы, вдруг наступил блаженный покой – точно так же, как в природе.

Умиротворенный, парень двинулся было обратно к лагерю, но вдруг понял, что в лесу, кроме него, кто-то есть. Кто-то боязливо пробирается через заросли, стараясь двигаться как можно тише. Это враг. «Чужак, чужак!» – охотно подтвердили деревья, передав Северину смутный образ чужого беспокойства, страха и решительности.

«Тот парень, Ян, кажется, – подумал Северин. – Так и знал, что он не оставит нас в покое!»

Выследить чужака было легко – легче чем стакан воды выпить. Вот уже слышно его голос... И тут Северину захотелось отмотать ленту времени назад, чтобы никогда в жизни не слышать то, что он слышал сейчас. Он дорого заплатил бы, чтобы этого момента никогда не было!

«Знай же, что среди вас есть предатель, и однажды ты узнаешь его, если, конечно, осмелишься взглянуть в лицо правде», – торжествующе прозвучал в ушах лишенный интонаций мертвый голос.

– Они добрались до плиты, и если бы не ливень, уже достали бы секиру! Да, я в этом уверена. Готовьтесь вступить в игру...

Не помня себя, Северин вышел из-за охотно скрывающих его деревьев.

Арина стояла, небрежно прислонившись к стволу осины и держала у уха черную трубку портативной радиации. Радиус действия у такой совсем небольшой. «Значит, враги уже близко», – машинально отметил парень.

И тут девушка заметила его. Глаза удивленно распахнулись, а губы сложились в беспомощную гримасу.

Они стояли друг напротив друга и молчали.

– Что у тебя там? Что-то случилось? – ожила мужским голосом рация у нее в руке.

Северин криво усмехнулся. Все, все оказалось подделкой, даже то волшебство Купальской ночи. Он думал, что между ними вдруг вспыхнула искра, но оказалось, это болотный огонек, влекущий напрямик в трясины. Ею руководил расчет, выходит, само знакомство – продуманный ход, способ влиться в их команду. О боги! Каким же дураком он был! Как глупо выглядел, и, должно быть, она в досталь посмеялась над ним, над его щенячьими восторженными чувствами. И уехала она

тогда в расчете подстегнуть его чувства. Девушка достойна похвалы – как хорошо, как тонко все рассчитала. Но какой же он идиот! Северин скривился, не сводя взгляда с Арины. Она сжалась, словно даже стала меньше ростом.

– Ты не все знаешь! Ты сейчас думаешь, что я специально завлекала тебя! Но это не так! Честное слово, не так! Когда я увидела тебя впервые, я не знала, что ты – это ты! – быстро и взволнованно заговорила Арина. – И я даже рада, что ты все наконец узнал! Ты не представляешь, как тяжело жить с этим! Как тяжело скрываться и чувствовать, что предаешь то, что тебе дорого, то, что ты действительно любишь...

– Не надо. – Северин покачал головой, желая только одного: чтобы она замолчала. Он не хотел слышать этот колдовской манящий голос. Все встало на свои места. Она – ведьма! Не зря таких сжигали на кострах. Самое лучшее, что он может сделать – это раздавить, уничтожить эту вредоносную тварь. Нельзя слушать ее, нельзя верить ни единому ее слову, ее слова – яд, они отравляют все вокруг... Недаром в сердце змеей угнездилась боль.

– Ты хочешь знать правду? – выкрикивала она ему в лицо, не отводя отчаянного взгляда. – Знай! Да, я состою в тайной организации. Мы возрождаем русские традиции и причастны к древним сакральным тайнам! Туда привел меня мой парень. Помнишь, я упоминала

о нем, когда дядя Семен спрашивал про коловрат?.. Он научил меня всему, что я знаю, он сделал мою жизнь осмысленной и полной. И я любила, да, любила его! Вернее, думала, что люблю. До тех пор, пока не встретила тебя! В ту Купальскую ночь все переменялось...

– Ничего не переменялось, – жестко ответил Северин, приближаясь к девушке. – Не нужно оправданий, не пытайся разжалобить меня и уверить в своей любви. Я был слепым щенком и верил тебе, но теперь уже не верю.

В глазах девушки заметалась паника.

Ну что, ведьма, поняла, что номер не прошел?

– Северин!.. – Она протянула к нему руки.

Какие же они нежные и белые – каждая жилочка видна! Вот бы вцепиться в них, как в том сне, и перегрызть, растерзать это лживое тело.

Он схватил ее за шею, сжал сильными ладонями.

– Я задушу тебя, понимаешь, тварь! – хрипло проговорил Северин, чувствуя, что голосовые связки его подводят, а глаза застилает кровавый туман бешенства. – Ты просчиталась! И ты умрешь!

Она не сводила с него глаз, и как ни странно, в этих глазах была покорность, может быть, даже странное облегчение. Она не сопротивлялась. Но Северин вдруг почувствовал знакомый запах, присущий только ее телу, запах меда и полыни. Этот запах лгал ему даже сейчас, когда перестала лгать сама ведьма – он уверял,

что Арина – его родной, единственно родной человек, что она любит его...

Это было так мучительно больно, что парень невольно разжал руки, и девушка упала.

Больно! Как же больно!

Он сжал зубы и отступил на шаг.

Она по-прежнему смотрела ему в глаза, мокрая насквозь от водопада, обрушившегося с осины. Прядь золотых волос беспомощно прилипла к щеке... Глаза кажутся особенно огромными на побледневшем треугольном лице.

Ведьма...

– Лучше убей меня! Если не веришь – убей! – Она снова протянула к нему тонкие лебединые руки.

Северин попятился. Уйти! Убежать! Бежать так быстро, чтобы беда осталась позади, не сумела его догнать!..

«Убей! – шепнул лес. – Ты божественной природы и можешь потребовать себе кровавую жертву! Ты в своем праве!»

Северин задыхался, а пульс диким африканским барабаном стучал в висках: «У-бей! У-бей! У-бей!»

Чтобы немного развеять этот морок, пришлось изо всех сил затрясти головой и закусить губу, чтобы ощутить вкус собственной крови.

Арина смотрела на него, уже ничего не говоря. Черная трубка рации валялась у девушки под ногами.

Приступ ярости миновал так же внезапно, как и возник. Вместо него пришло опустошение. Северин отвернулся и зашагал прочь.

Он сам не знал, как добрался до лагеря.

— Эй, парень, тебе не лучше? — как всегда громогласно окликнул его археолог и, разглядев бескровное лицо Северина, сокрушенно покачал головой. — Да, сам вижу, что не лучше. Да на тебе лица нет! Вот уже угрозило удариться!

— Вот же угрозило... — едва слышно повторил Северин.

И Глеб, и девушки, и даже увалень-Никита смотрели на него удивленно и вопрошающе.

«Надо им все рассказать», — подумал Северин отстраненно. Мысли в его голове казались огромными валунами — неповоротливыми и тяжелыми.

— Нас предали, — сказал он, опускаясь на землю возле костра. — Скоро сюда придут те парни, что напали на школу.

— Что? — Глеб вскочил, уставился на друга так, словно тот сболтнул невероятную чушь. — Кто нас предал?

Северин промолчал, глядя на рыжее пламя, белкой скачущее по ветке.

— Этого не может быть!

— Почему же, может. Ты сам ей изначально не верил, вспомни. А еще... еще там, в Нави, мне говорили, что среди нас есть предатель...

Он поднял тяжелый взгляд.

Семен Николаевич качал головой, вцепившись в свою бороду, Александра казалась взволнованной, Динка – очень испуганной, стоявший над ним Глеб смотрел сурово и собранно.

И в этот момент снова загромыхало, а на краю поляны, словно тени, возникли черные фигуры с короткими ружьями в руках.

– Вы окружены. Сопротивление бесполезно, – слышался глухой голос.

– Явились! Быстро же! – сквозь зубы злобно прошептала Динка.

– С кем имеем честь? – Глеб, похоже, единственный из компании не потерявший присутствия духа, обвел нападающих медленным взглядом.

– Не твое дело. Меньше будешь знать – дольше проживешь, – ответил один, по всей видимости, лидер.

– А кто из вас Ян? Ты-то можешь снять маску, тебя мы уже видели, – Глеб, казалось, не замечал неприкрытой угрозы.

– Почему Ян? Какой Ян?! – не выдержал его собеседник. – Ты, парень, зубы не заговаривай. Все живо поднялись и марш к яме.

– Что эти придурки себе позволяют! – вскинулась Динка. – Да мы...

– Помолчи, – спокойно прервала ее Александра. – Думаю, мы сейчас не в выигрышном положении.

– Ты права, – неожиданно поддержал ее Глеб. – И утешит меня только одно. То, что, кажется, дорогому нашему Семену Николаевичу наконец придется наравне со всеми взяться за лопату и вспомнить далекую студенческую молодость.

– Смейся-смейся, остряк, – пробурчал археолог, поднимаясь с места. – А вы, значит, ребята, явились чужими руками жар загребать, – покосился он в сторону черномасочников. – И дочку моего друга с толку сбили.

– Блажен кто верует! – хмыкнул главарь. – Арина изначально была с нами, и только ради этого она оказалась в этой экспедиции.

Глеб быстро взглянул в сторону Северина. Тот равнодушно кивнул. Казалось, ему сделали обезболивающий укол. Он ничего не чувствовал. Механически он подхватил лопату и вслед за друзьями пошлепал по мокрой траве к прикрытой ветками и брезентом яме – месту, где находился алтарь могущественного бога Перуна.

Где-то в отдалении опять грохнуло, но здесь было тихо, и даже воздух казался застывшим.

Парни в черном стали по краям ямы, наблюдая за ходом работы.

– Справишься с каменным топором? – одними губами произнес Глеб.

Северин скорее даже не услышал, а почувствовал,

что друг сказал – так же как чувствовал теперь речь и настроение деревьев.

Выходит, у Глеба есть план: извлечь из-под плиты секиру и попробовать обратить ситуацию в свою пользу. А что, вполне хороший план. Северин почувствовал, что в нынешнем состоянии легко и не задумываясь убьет тех, кто подвернется ему под руку. Конечно, это опасно, но страх исчез из сердца в тот момент, когда Северин узнал о предательстве Арины. Вернее, даже не исчез, а сменился равнодушием, жизнь – и в первую очередь собственная жизнь – вдруг обесценилась в его глазах, стала мелкой разменной монеткой. Такую и потерять не жалко.

– Справлюсь, – глухо отозвался он.

Они принялись подкапывать плиту.

– Ну все, думаю, довольно. Теперь переверните ее, – отдал распоряжение наблюдающий за их работой главарь.

– Еще немного, – сказал Глеб, – придется еще немного подкопать.

На землю упали редкие тяжелые капли дождя.

– Нужно стащить одного или двух из них в яму, в рукопашной у нас есть шанс, – тихо продолжил Глеб. – А стрелять они не будут, побоятся попасть по своим.

Дождь быстро набирал силу, дно раскопа мгновенно наполнилось липкой грязью.

– Переворачивайте уже, – закричал главарь.

Поскальзываясь и спотыкаясь, ребята просунули штыки лопат под край плиты. Семен Николаевич только вздохнул, глядя на такой варварский метод ведения раскопок.

– И раз! – Плита пошатнулась.

– И два!

Северину казалось, что он наблюдает за этим со стороны: застывшие на краю ямы черные фигуры, река, вспучившаяся от дождя, мокрая, черная стена леса. Он не чувствовал ни сырости, ни страха, ни боли, примеряясь к тому, на кого первым броситься.

«Надо дожждаться раската грома», – подумал он.

Вдруг Арина соскользнула с края раскопа и молча взялась за край плиты.

– Ты чего? Твое место не там, а наверху, среди победителей, – сказал один из «черных». Но девушка только отмахнулась.

– И три! – где-то поблизости загромыхало.

Северин увидел, как вздулись жилы на лбу у Никиты и плита пошла вверх. В свете прожектора, поставленного на край ямы «черными», парень увидел спекшуюся, обугленную землю, и никаких следов, ничего похожего на секиру или хотя бы на палку.

Небо раскололось от близости грозового разряда. Ждать было нельзя. Подхватив лопату, Северин стремительно развернулся. «И раз» – он буквально скользнул к краю ямы. «И два» – лопата, пройдя по широкой

дуге, ударила одного из «черных» под колено, тот пошатнулся, потерял равновесие. «И три» – грохнул выстрел, что-то мягкое ударило Северина в спину, но было уже поздно. Он дернул древко на себя, и черная фигура, нелепо взмахнув руками, обрушилась в яму. «И четыре. От меня лично». Северин коротко, без замаха, ткнул падающего в висок, подхватил обмякшее тело, прикрываясь им как щитом.

На другой стороне ямы тщетно пытался вырваться из плена цепких рук второй нападавший.

– Назад! Быстро! – крикнул главарь. Две тени метнулись прочь от края раскопа.

И тут взгляд Северина упал на место, где стоял алтарь. На черной, казалось, впитывающей воду земле неподвижно лежала Арина, и на груди ее расцветала алая роза. Он застыл, не шевелясь, не видя ничего вокруг. Казалось, весь мир сузился до черного пятна, на котором лежала белая, изломанная фигура девушки. Взгляд против воли цеплялся за какие-то детали, не видя, отказываясь видеть то, что произошло.

Волосы, намокшие и потемневшие от дождя, испачканная грязью юбка, свежая ссадина на запястье, видимо приложилась об алтарную плиту.

– Северин! Северин! – парень моргнул. Глеб стоял перед ним, тряся его за плечи что есть силы. – Да очнись же!

Над Ариной хлопотала Александра. Никита с тро-

фейным ружьем стоял у края раскопа, вглядываясь в окружающую темноту. Динка с белым как мел лицом забила в угол ямы, не обращая внимания, что сидит по пояс в грязи.

— Один из них успел выстрелить. — Глеб опустил голову. — И она закрыла тебя. Собой.

— Северин, она зовет тебя, — голос Александры казался сухим и ломким.

Парень наклонился над Ариной, остановившимся взглядом уставившись на ее разметавшиеся волосы, осунувшееся, побледневшее лицо, широко распахнутые глаза. Ее голос был таким тихим, что Северину пришлось склониться к самым губам девушки.

— П-прости меня, пожалуйста.

— Молчи, тебе нельзя говорить. — Он прикрыл ее губы рукой и почувствовал на пальцах горячий обжигающий поцелуй.

— Я люблю...

— Саша. Где у нас аптечка? Ей нужен адреналин.

— Глеб, прикроешь меня, эти могли недалеко уйти.

— Ну что же вы стоите?! — крикнул он, видя, что друзья не трогаются с места.

— Северин, — Александра, мягко, осторожно, как будто он был стеклянный, взяла его за руку. — Ей уже ничем не поможешь, поздно.

Мир дрогнул, Северину показалось, что стены раскопа обрушиваются на него, грозя похоронить его под

тоннами земли. Разум отказывался воспринимать происходящее.

«По крайней мере, в этой могиле я буду не один», — мелькнула случайная мысль. Жалобно, словно голодный котенок, всхлипнула Динка, и этот звук, как ни странно, вернул Северина к реальности. — Но им-то здесь, делать нечего. Надо сначала вывести их отсюда. Я отвечаю...»

Он поднял голову. Глебу пришлось приложить усилия, чтобы не шарахнуться от друга. На него снова глядел тот спокойный и безжалостный Северин, который играл с людьми, как кошка с мышью. Который едва не убил его.

— Никита, они все еще там?

— Похоже, что да, — Никита приподнял голову над краем раскопа, и не замедливший грянуть выстрел подтвердил его правоту.

— Надо думать, как выбраться отсюда. Никто не заметил, где они засели?

— Ты в порядке? — Александра смотрела на него с тревогой и участием.

— Да, да, — он помотал головой, — потом...

— Внизу, левее дуба засели, — прогудел Никита.

— Глеб, прикроешь меня. — Северин подобрал ружье.

Голова была ясной, а откуда-то изнутри поднималась, нет, не кровавая пелена, ледяной кристальный холод, наполнявший тело силой и гибкостью.

– Никита, подсадишь меня, а потом подбросишь, когда гроыхнет посильнее. – Ливень не утихал, и раскаты грома слышались один за другим. – Семен Николаевич, посмотрите за девочками!

Археолог рассеянно кивнул.

Они погасили прожектор и сгрудились у края раскопа.

– Раз, два, – начал отсчет Северин, слыша, как в небе начинают ворочаться огромные каменные глыбы. – Три!

Гроыхнуло так, что все на мгновение ослепли и оглохли. Подброшенный Никитой, Северин выскочил из ямы, разворачиваясь в сторону врага. Он увидел их сразу. Две тени у подножия кургана, исходившие страхом и растерянностью.

На миг перед ним встало бледное лицо Арины. «Они убили ее, они знали, что она в яме, и все равно стали стрелять», – Северин отогнал непрошеные мысли и нажал на спусковой крючок. Ружье щелкнуло. Осечка. Еще раз, опять осечка. Похоже, оружие не пережило падения и купания в грязевой ванне. Наконец Северина заметили, и ночь расцвела вспышками выстрелов.

С трудом уклонившись от пули, он метнулся к ближайшим кустам, всей шкурой чувствуя, что не успевает. Вдруг Северин понял, что стреляют не в него. Он оглянулся. Во весь рост с диким ревом на врагов бежал Никита. Ружье в его руках выплевывало рыжие хвосты

пламени. Северин увидел, как одна из черных фигур упала, сломавшись пополам. Опять грохнул выстрел, и Никита, покачнувшись, стал медленно оседать на землю, но Северин был уже рядом с дубом.

Прижавшись к мокрой, бугристой коре, он подобрался для прыжка, как вдруг почувствовал, что дерево, земля под ногами ходят ходуном.

«Да что такое?!» Он едва успел отскочить в сторону, как зигзаг молнии ударил в старое дерево. Вспышка, но вместо бушующего пламени Северин увидел, как дуб медленно, с треском и скрежетом, раскрылся.

Глеб клял себя на чем свет стоит. За то, что расслабился и пропустил нападение. За то, что не взял оружие из палатки. После появления бандитов и встречи с Яном его вообще не следовало выпускать из рук. После того как Никита выхватил у него ружье и бросился во тьму, он мог только бессильно наблюдать. Или нет.

— Саша! Семен Николаевич! Взяли Дину и быстро в лес. По той стороне кургана. Вас там не видно и сейчас им не до вас.

— Но как же ты?

— Надо помочь Северину и Никите.

Глеб вгляделся в ночную тьму, и тут молния ударила в большой старый дуб у подножья кургана, на мгновение осветив все кругом. Но дерево не загорелось, а тяжело, медленно, как старик, опускающийся на стул, раскрылось.

В середине дуба, освещенный странным синеватым сиянием, висел длинный массивный предмет, напоминающий не то палицу, не то огромный каменный топор. С коры дерева срывались маленькие молнии, воздух искрил, и казалось, топор окружен причудливой серебристой сетью. Глеб увидел, как Северин медленно, осторожно скользнул к дубу, и серебристая завеса разошлась перед ним. Глеб услышал гул множества голосов. Здесь стоны смешивались с криками ярости, словно шла великая битва.

«Да будет славно русское воинство!» – различил он чей-то клич и вдруг понял, что на миг приоткрылась дверь в то, что древние скандинавы называли Вальгаллой – небесным чертогом, где пируют павшие в бою воины. Перун – бог воинов, и в мире его вечно жива память обо всех великих битвах.

Глебу стало страшно, когда он подумал, сколько мощи в Секире старого бога. Нужно ли выпускать ее в мир? Удастся ли справиться с ее разрушительной силой?

Но Северин уже схватил топор и описал круг над головой, молния сорвалась с небес и ударила в подножие кургана, осветив тело Никиты и съездившегося у подножия человека в черном штурмовом комбинезоне. Глебу казалось, что тело друга растет на глазах, увеличиваясь в размерах. Волосы у него на голове зашевелились, а руки стало покалывать от легких уколов тока.

Он буквально ощутил, как от дуба расходятся волны чудовищной силы, от которой гнутся деревья и припадает к земле трава. Старый бог жаждал пробуждения. И крови.

Съежившийся у подножия человек издал вопль ужаса и, дав несколько выстрелов, вслепую, не разбирая дороги бросился в лес.

Нападающие в панике отступили.

Северин огляделся, словно недоумевая, куда делись враги, или пытаясь отыскать себе новых. На один бесконечно долгий миг Глебу показалось, что сейчас он бросится на друзей, ослепленный кровью и жаждой убийства.

— Северин! — окликнул его Глеб. — Северин!

Друг замер. Постепенно темная муть уходила из его глаз, и в них появлялось узнавание.

— Я... — Он осторожно опустил секиру на землю и вдруг заметил Арину.

Семен Николаевич положил девушку на краю раскопа, на свою куртку. Она казалась сломанной куклой с белым-белым лицом, словно слезами, залитым дождем. Смерть сделала ее лицо особенно торжественным, и сейчас нельзя было отвести от него взгляд.

— Какая она красивая! — вдруг выдохнула Динка и громко, по-детски, всхлипнула и некрасиво вытерла нос рукой.

Северин молчал, жадно вглядываясь в черты де-

вушки, словно стараясь сохранить в памяти мельчайшую деталь ее лица.

А потом вдруг отвернулся. Из горла его вырвался хриплый звук, более всего похожий на вой.

Северин больше не мог смотреть на Арину. Чаша боли была полна, и он выпил ее до дна. Ничего. Ничего теперь не связывает его с миром людей. Он не хочет видеть никого. Даже тех, кто были его друзьями, с кем он делил хлеб и кров, с кем прошел через многие опасности. Ничто, никто ему больше не нужен.

Холодно. Нет, горячо. Нет, все-таки холодно. Тело сотрясало от крупной дрожи, а потом страшная боль заставила его выгнуться дугой. Северин чувствовал, как трещат, перерождаясь, кости. Как вытягиваются мускулы. Где-то почти за границами слуха он уловил испуганный девичий крик, но все, что имело отношение к прошлой жизни, больше его не интересовало.

Тело перерождалось, и вот он уже мягко приземлился на все четыре лапы, коротко, страшно взвыл и кинулся в чащу деревьев – прочь от места, страшного для Волка.

«Здравствуй! Ну наконец ты пришел! Иди, я успокою тебя! Я подарю тебе забвение и... хорошую охоту!» – шепнул ему лес, раскрывая свои зеленые объятия.

Глава 17

Смерть всегда возвращается

То, что происходило на его глазах, казалось Глебу страшным сном. Он, кажется, видел превращение в каких-то глупых фильмах, но на деле оно оказалось гораздо чудовищнее, гораздо страшнее. Может быть, еще потому, что происходило оно с его другом. Глеб видел, как тот дрожал, словно в лихорадке, как упал на землю, воя, в то время как тело, словно плавящаяся свеча с болью, мучительно принимало новую форму. Как вытягивалось лицо, выдвигалась вперед челюсть, как из-под кожи появлялась и росла густая шерсть.

Некоторое время все смотрели на страшную картину, не веря собственным глазам, молча. А потом Динка вдруг закричала, забилась в истерику, и это словно послужило спусковым крючком. Семен Николаевич негромко, но очень забористо выругался. Александра охнула и, зажав рот руками, испуганно отступила.

— Северин! — позвал Глеб, еще надеясь, что вновь сможет докричаться до друга.

Но напрасно. Вместо него на поляне был волк со светло-серой шерстью и яркими синими глазами. Он оскалился, рыкнул и в несколько огромных прыжков преодолел расстояние до ближайших деревьев и

скрылся из виду.

Вместе с тем гроза снова утихла, будто ее и не было.

Все это казалось столь фантастично-неправдоподобным, что Глебу пришлось ощутимо укусить себя за запястье, чтобы вернуть чувство реальности. И ведь он-то, по крайней мере, знал, слышал от шамана, что в Северине есть кровь оборотня. Что же чувствуют девушки?

Они, похоже, тоже ощущали себя за гранью обычного мира.

– Северин вернется, – сказал он, не ощущая и сотой доли той уверенности, что звучала в его голосе. – Ему нужно сейчас побыть одному. Но потом он обязательно вернется.

Динка кивнула. Ее подбородок трясся, а по щекам сами собой бежали слезы.

Александра молчала. Ее губы были крепко сжаты.

– Там Никита ранен. Нужно помочь хотя бы ему, – произнесла девушка напряженным голосом.

А ведь действительно, за всеми страшными и странными событиями они совершенно позабыли о проводнике!

Никита полулежал, привалившись спиной к какому-то дереву. Лицо его было белым, губы – пепельными. Руки он прижимал к животу, зажимая, видимо, глубокую страшную рану. Но взгляд, как ни странно, был живым, сосредоточенным, а глаза не затягивала пеле-

на обреченности.

«Кажется, ему можно помочь», – обрадовался Глеб.

– Саша! Найди бинты и какое-нибудь обезболивающее! – крикнул он, сожалея, что рядом нет Северина – тот лучше других мог управиться с раной или болезнью, знал многие лечебные препараты.

Глеб наклонился, чтобы осмотреть рану, но его локоть вдруг сжала сильная рука.

– Не нужно, – сказал Никита хрипло. Было заметно, что каждое слово дается ему нелегко.

– Мы перевяжем вас и вызовем вертолет «Скорой помощи». Вам обязательно помогут!

И тут раненый зашелся сухим, страшным смехом, отчего его рана закровоточила еще сильнее, и темные струйки, словно состязаясь между собой, побежали на землю, спеша напоить траву и деревья живой теплой кровью.

Никита еще больше посерел и замолчал, пытаясь отдышаться.

– Ты не знаешь, – наконец снова заговорил он. – Не знаешь, о чем говоришь! Ты хочешь спасти меня от смерти в то время, как я молю о ней уже так давно, что само понятие о времени стало для меня абсурдным.

– Вы больны какой-то неизлечимой болезнью? Вам плохо? – тревожно спросил Глеб, склонившись над Никитой.

– Да, мне плохо. Потому, что я не живой и не мерт-

вый. Я привязан к этому проклятому острову! Да что там, я сам проклят!

Александра, подошедшая с бинтами и какими-то лекарствами, остановилась за спиной у Глеба и тоже слушала горячечную речь раненого.

– Вы прокляты? Почему вы так думаете? – спросила она тихо и строго, и Глеб почувствовал облегчение от того, что не один, от того что в этом сумасшедшем мире есть хотя бы один островок надежности и спокойствия.

– Как я уже говорил, это случилось давно. Очень давно, девочка. Тогда князь послал меня сносить идолищ и строить на месте их капищ христианские церкви, – сказал Никита, прикрыв глаза. – Я сам из этих мест, меня все здесь знали. Так и говорили: «Вон Микитка, сын кузнецов, смотри, высоко влез, больно будет падать!»... – Он помолчал, набираясь сил.

Александра и Глеб тоже молчали. Конечно, то, о чем говорил их проводник, не вменялось в рамки привычной реальности, но с другой стороны, что в них вменялось: может быть, банник и леший или превращение Северина?..

– И когда пришли мы сюда, плиту эту ломать, проклял меня старый Перунов жрец. «И тебе, Микитка, не пережить этого дня! – сказал он тогда. – Но и после не отправишься ты в чертоги предков – будешь из века в век вину свою искупать!» Так и случилось. С той самой поры топчу землю-матушку. Сколько раз умирал и не

помню, только все не настоящая эта смерть, пустая. Не принимает меня земля, потому что хуже я зверя лютого... Искупить мне нужно было грех свой...

– Но сегодня... И вы ведь сами, нарочно под пулю угодили! – вдруг догадался Глеб.

Никита кивнул, лицо его вновь исказила мучительная гримаса.

– Об одном прошу, парень, – едва слышно выговорил он, – меня ведь только Он отпустить может, Его оружие... Ты уж подсоби, будь добр! Помнишь, вы обещали отблагодарить меня за помощь. Как раз срок пришел, – и человек просительно заглянул в глаза Глебу.

Тот в ужасе отпрянул.

– Вы хотите, чтобы я вас убил при помощи секиры? – спросил он, надеясь, что все окажется дурным сном, обычным кошмаром типа того, что приходил к ним в первую ночь на Перуновом острове.

– Так, – Никита кивнул. – Все так. Ты уж будь добр... А твоя доброта тебе зачтется. Сделай доброе дело! Век за тебя Хозяина молить буду!

– Я сошел с ума? – Глеб повернулся к Александре. Та стояла, сжав руки на груди.

– Н-нет, – проговорила девушка. – И он говорит правду. Я все думала, что с ним не так, а теперь понимаю, что он и вправду давным-давно мертвый. За ним тень смерти ходит. Мучается он, а ничего сделать не может.

«Странный дар у Александры – видеть тень смер-

ти», – подумал мимолетно Глеб.

Парень отошел туда, где лежала в траве выроненная Северином секира. Вокруг нее, тихо потрескивая, клубились тонкие, похожие на синие нити, молнии.

Глеб протянул руку и взял древнее оружие. Пальцы закололо, но не больно, скорее приятно, наполняя все тело неведомой ранее мощью. Сила! Пьянящая сила! Бери – не хочу! Пей сколько влезет!

Парень закусил губу, стараясь отмежеваться от наполняющего тело чувства эйфории. «Один... два...» – он медленно досчитал до шестидесяти, когда понял, что, кажется, справился. Пальцы по-прежнему покалывало, но теперь сила подчинялась ему, а не рвалась, сметая на пути все преграды. Вместе с тем, в душу Глеба пришла уверенность, как сделать все правильно.

Он снова приблизился к Никите, глядящего на него блестящими, как от лихорадки, глазами.

– Ты свободен. Отпускаю тебя! – произнес Глеб, поднимая оружие Перуна, и в тот же миг с Секиры сорвалась молния и ударила Никиту в грудь.

Яркая синяя вспышка, и в воздухе закружились крупные хлопья серого пепла, которым рассыпалось еще недавно почти живое тело.

– Теперь он ушел. Хорошо, – сказала Александра и вдруг прильнула к Глебу, пряча лицо у него на груди.

В большой луже отражалось солнце.

Александра смотрела на него, стоя у края перрона, пока Глеб и Семен Николаевич брали в кассе билеты. Солнце казалось ей ненастоящим, нарисованным на маслянисто блестящей поверхности лужи каким-то неумелым наивным художником.

– Жалко, что все так получилось с Ариной, – тихо произнесла Динка. – Все-таки она была прикольной девчонкой, – добавила она, покосившись на старшую подругу.

Александра молчала. На ее взгляд, комментарии тут были излишни. Свою вину, если Арина и была виновата, девушка искупила сполна.

Сейчас ее тело увозили в Москву люди, присланные директором их школы, Евгением Михайловичем. На него же легла нелегкая миссия объяснения с Ариными родителями.

– Кто бы мог подумать, что она шпионит против нас! – снова заговорила Дина, ничуть не смущаясь, что вместо диалога получается монолог. – Сразу было видно, что она влюбилась в Северина, как ты в...

Александра чуть приподняла брови, и девочка осеклась.

– Ммм... Ну не сердись! Я же это тебе, а не Глебу говорю! – принялась оправдываться она и, пытаясь загладить оплошность, вернулась к первоначальной теме. – Никто бы не заподозрил ее в предательстве. Когда Северин сказал, что среди нас есть предатель и выяснилось, что это Арина, я просто сначала решила, что он сбрендил. А потом подумала, что это сбредила я. Но это, в общем, очень романтично, когда она закрывает его от выстрела и умирает сама, а он превращается в волка и убегает в лес. Тут знаешь, какую игру можно было бы сделать...

– Вообще-то она нас не предавала, – тихо произнесла Александра, все еще рассматривая плавающее в луже солнце.

– То есть?..

– Она сразу работала на другую команду и была у нас на правах разведчика, – пояснила Саша, задумчиво проводя пальцем по теплomu металлу поручня.

Динка помолчала, пиная ногой ограждение.

– Да, это, в общем, уже не важно – предавала или не предавала, – наконец заявила она. – Ой! Вон наши идут.

К ним действительно приближались Глеб и Семен Николаевич. Оба очень изменились после событий памятной ночи. Глеб казался отстраненным и очень уставшим, археолог лишился обычного оптимизма, и даже борода его, обычно задорно торчащая вперед,

жалко обвисла и выглядела спутанной, неухоженной.

– Поезд через тридцать минут, – сообщил Семен Николаевич тусклым голосом. – Думаю, подождем здесь.

Все молчали и не смотрели друг другу в глаза. Они потеряли товарища, почти что брата, и каждый чувствовал свою собственную, персональную вину за это.

Как раз в это время мимо проходили две женщины, явно деревенские. Одна из них, услышав голос археолога, вдруг остановилась и пристально посмотрела на него.

– Ой! А я-то тебя сразу и не узнала! – воскликнула она, хлопнув руками по своим полным бедрам, обтянутым темно-коричневой «парадной» юбкой. – Случилось чтой ли чего?

Ребята переглянулись. Странные знакомства у руководителя их экспедиции.

Но тот, похоже, тоже не узнавал женщину и в рассеянности поскреб бороду и нахмурил широкий лоб.

– Так Анна Ивановна я! – с готовностью напомнила она. – Помнишь, ты еще приходил у меня про Ваську-полицейского спрашивать и все ко мне кадрился, охальник. Богиней называл. Обещал, что, мол, свидимся. Вот и свиделись!

– А! Аннушка, не признал, богатой будешь, – прогудел археолог, пытаясь изобразить интерес и былой апломб.

Но женщина в сомнении покачала головой.

– Болееешь? – спросила она сочувственно и тут же зачастила. – Ой, а у нас-то что приключилось-то! Неподалече от нашего места-то старый сгоревший дом есть и баня при ём, значит. Так вот в этой бане мужики двух пареньков нашли. Оба из местных, видели их иногда. Такие бычары гордые, на «Мерседесе», или как его там, разъезжали... Так я о чем? Нашли их, значит, в старой бане закрытыми. Оба седые как лунь! Вот те крест! И оба не в своем уме. Хнычут, сопли пускают, пощадить их просят. Такое несут, что и повторить-то страшно! Будто в ентот бане кто-то обитается. Что, мол, чуть вусмерть их не заходил!..

Ребята снова переглянулись. На этот раз – с пониманием. Вот что, выходит, с бандитами стало.

Семен Николаевич вздохнул, видно, вспоминая старую баню, а Анна Ивановна, истолковав его вздох по-своему, закачала головой.

– Ты б, сердечный, отдохнул, силушки набрался. У нас, знаешь, какой дух здоровый. И пища – и картошечка, и молочко парное! Мигом бы поправился!.. – приглашала она.

– Нет, спасибо, – пробормотал археолог, краснея. – Некогда мне. Уезжать пора.

Женщина вздохнула, перекинула из руки в руку кошелку.

– Надумаешь – приезжай, – сказала она, отступая к ожидающей подруге. – И не забудь – Анна Ивановна я,

из Семеновки.

– Вот Северин посмеется! – ляпнула Динка, когда Анна Ивановна скрылась среди толпы.

Глеб коротко взглянул на нее, и она осеклась, замолчала. Все снова уставились себе под ноги. В Москву возвращались молча. Глеб тупо смотрел в окно на проносящиеся леса, поля и болота, и на душе у него было так скверно, словно он совершил непростительную ошибку, словно там, на Перуновом острове осталась часть его души. Они получили Секиру, но потеряли Северина. Обмен вышел неравным. Черт бы побрал все эти артефакты!..

* * *

– Надеюсь, ты понимаешь, что ответственность за происшествие лежит на тебе? – в голосе директора школы звучал металл. – Ты не сообщил нам об этой девушке, Арине. Я полагал, что ты серьезнее и ответственнее.

Евгений Михайлович обернулся от окна и сурово посмотрел на ученика.

– Я знаю. Я виновен и в гибели Арины, и в том, что произошло с Северином, – тихо ответил Глеб, не отводя взгляда. – И я готов понести любое наказание.

Директор покачал головой.

– Ну нет, это тебе не церковь, где согрешил, покаялся – и в расчете. Пусть судьей тебе станет твоя собственная память. А в следующий раз, возможно, сто раз подумаешь, прежде чем самовольничать. Что, пожалел друга, решил не рассказывать про его любимую девушку, чтобы не подвергать ее опасности. И что? Помог?

– Я прошу, отстраните меня от заданий.

Глеб старался, чтобы голос звучал ровно. Боль потери, чувство вины и стыд тяжким грузом легли на плечи.

– Э нет, парень! – снова покачал головой директор. – Неужели я ошибся в тебе и ты такой слабак, что при первой грозе норовишь скрыться в кустах?.. А как же твоя клятва? Ты откажешься от нее так же легко, как от исполнения предписаний?

Глеб вдохнул и медленно выдохнул, мысленно считая до пяти.

– Я понял и впредь постараюсь не допускать ошибок, – сказал он ровно.

– Ну что же, буду рад, если этот урок тебя чему-то научил. К тому же вы все-таки добыли Секиру, значит, от вас действительно есть прок. Ступай. А через час соберитесь в гостиной, мне нужно будет сделать заявление.

Парень кивнул и по-военному четко вышел из кабинета директора.

Александра и Динка ждали его и встретили друга

полными безмолвных вопросов взглядами.

– Все нормально. Не убил, как видите, – ответил Глеб, улыбнувшись одними уголками губ. – Поступило распоряжение быть через час в гостинной.

Поняв, что подробностей не последует, девочки кивнули и разошлись по своим комнатам, а Глеб вернулся к себе и набрал знакомый номер.

– Глеб, ты вернулся? Как я рада! – веселым ручейком зазвенел голос в трубке.

Оленька. Его фея, его ангел. Как хорошо, что не она осталась лежать там, на залитой шальным ливнем земле. Какое же счастье даже не видеть ее, а просто знать, что она существует – улыбается и хмурится, бежит заспанная по квартире и рисует свои картины. Глеб знал, что сделает все, что угодно, чтобы спасти эту хрупкую и прекрасную девушку и, не колеблясь ни секунды, отдал бы за нее всю свою жизнь, всю свою кровь. Но... видеться им нельзя. Достаточно того, что случилось с Ариной. Стоящая за ее спиной группа по-прежнему опасна. Кто знает, на что они пойдут? Нападение на школу, а затем случай на Перуновом острове доказывает, что они способны на все.

Глеб стоял у стола, держась рукой за столешницу, и чувствовал, что ноги не держат его. Вдох-выдох, вдох-выдох.

– Глеб, что ты молчишь? Что-нибудь случилось? – забеспокоилась Ольга.

– Случилось. – О, он отдал бы все что угодно, вновь стоял бы под дулами ружей или в кабинете Евгения Михайловича, лишь бы не говорить того, что он должен, обязан сказать. – Я понял, что нам нужно расстаться.

– Расстаться? Ты шутишь? – Ольга рассмеялась.

– Я. Не. Шучу, – ответил Глеб, ставя точку после каждого слова.

– Но почему?.. – беспомощно, словно ребенок, спросила Ольга.

Глеб на миг сжал губы. Ну, теперь самое сложное. Главное, чтобы голос не дрогнул, чтобы не выдал его истинных чувств.

– Потому что я не люблю тебя, – произнес он, ощущая, как покрывается льдом в его руках телефонная трубка. – Забудь меня, Оля. И... прости, если сможешь.

Он уже не выдерживал дальнейший разговор, поэтому нажал на отбой и тяжело опустился на пол. Все тело сотрясали спазмы, а из горла вырывался то ли хрип, то ли рыдания.

Пусть так. Пусть ему будет плохо. Лишь бы она жила... Жила...

– Глупый, однако. Глупый, но хороший, – на плечо Глеба легла невесомая ладонь. Старый шаман, забыв обычную язвительность, явился его утешить.

Глеб не ответил. Но старик и не ждал ответа – он уже

давным-давно понял, что слова ничего не значат. Главное – только то, что стоит за ними. Только это имеет единственную ценность. Только это бесценно. Шаман уже почти забыл, что такое чувства, но сейчас вдруг ни с того ни с сего вспомнил, как умирала Айяна. Как он сам, закрыв ей глаза, долго звал духов, чтобы они забрали и его, как холодно и страшно было остаться без нее...

– Не горюй, молодой шаман. Духи знают, как нужно поступать. Не загадывай, как пройдет твоя охотничья тропа и где доведется встретить закат, – сказал он, качая головой.

Глеб не ответил.

Когда он, спустя почти что час вышел из комнаты, на лице у парня не было ни следа пережитой бури. Он выглядел совершенно обычно, только разве что бледнее, чем всегда.

Девочки уже ждали в гостиной.

Ровно в назначенное время дверь директорского кабинета открылась, и Евгений Михайлович бодрым шагом вошел в комнату.

– Все собрались? Вот и хорошо, – сказал он, словно не замечая отсутствия Северина. – Я хотел бы поблагодарить вас за проделанную работу. Впереди ждут сложные и опасные задания. Я прошу каждого из вас быть очень внимательным и ответственным, тем более теперь, когда мы знаем, что у нас есть серьезные

и безжалостные враги. Поэтому сегодня нам как никогда требуется быть сплоченными, уметь быстро принимать единственно правильные решения, доверять и поддерживать друг друга, – объявил он, стоя посреди зала.

Если бы Александра любила проявлять свои чувства жестами и мимикой, она бы нахмурилась и пожала плечами. Зачем директор собрал их здесь? Только ради того, чтобы сообщить эти очевидные истины? Укорить за допущенные ошибки?

И, словно отвечая на ее незаданный вопрос, Евгений Михайлович вдруг улыбнулся и сказал:

– Вы, конечно, удивлены, зачем я собрал вас сейчас. У меня есть для этого все основания. Потому что сегодня я представляю вам нового члена вашей команды.

Александра вздрогнула. Вот это номер!

– То есть?! – не выдержав, вмешалась Динка.

Один лишь Глеб еще умудрялся сохранять невозмутимость. Правда, ровно до того момента, когда в дверях показалась ухмыляющаяся физиономия.

– Это Ян. Он теперь будет учиться и... работать вместе с вами, – как ни в чем не бывало продолжал директор.

Как и в прошлые свои появления, Ян был с головы до ног в черном, и, похоже, озадаченные лица «русичей» доставляли ему истинное удовольствие.

– Но это же... – На лице Глеба отразилась целая па-

литра эмоций – от недоумения до гнева. – Я должен немедленно поговорить с вами! – повернулся он к Евгению Михайловичу.

– О Яне? Да знаю я, знаю, – заверил директор. – И гарантирую, что он-то не работает на наших конкурентов. Просто ваша прошлая встреча...

– Вышла не совсем удачной, – промурлыкал Ян – довольный, словно наловившаяся сметаны кошка. – Но я абсолютно уверен, что инцидент исчерпан, и мы очень быстро придем к полному взаимопониманию и... Как вы там говорили?.. Станем сплоченными и будем доверять и поддерживать друг друга.

Из-под густой рваной челки выглядывал лукавый глаз, а на физиономии Яна не было ни следа серьезности. Похоже, он вообще на нее не способен, а благодаря специфической манере произношения, любые слова превращались в глумление и откровенный стеб.

– Мы не собираемся терпеть его! – не выдержала на этот раз Александра. – Разве вы не видите, что представляет из себя этот субъект?! Разве вы не видите, что он откровенно издевается над нами?!

– Саша, Саша, – Евгений Михайлович укоризненно покачал головой, – а я-то думал, что ты умнее и сдержаннее. Ян – очень перспективный и полезный для нас молодой человек. И я действительно уверен, что вскоре вы найдете с ним общий язык. А что касается его присутствия в команде, то оно даже не обсуждается.

На щеках Александры вспыхнули алые пятна, но девушка закусила губу и промолчала.

Глеб тоже больше не стал возражать. Он видел, что директор уже все для себя решил и считает свое решение оптимальным. Видимо, у него есть для этого основания. Хотя взять в команду Яна сразу после того, как они потеряли Северина, не лезет ни в одни ворота. Поменять верного друга на недавнего врага. Смешно! Да и сам факт вызывает тревогу. Неужели они – только пешки на шахматной доске. Ушла одна фигура – заменили другой и ладно?!. Глеб опустил глаза и мысленно досчитал до тридцати и только после этого немного успокоился. Не стоит отчаиваться. Он сам, независимо от решения Евгения Михайловича, сделает все, чтобы вернуть друга.

* * *

Александра вернулась в свою комнату, чувствуя, как на щеках горит румянец. Так и есть, поняла она, оставившись перед зеркалом. Девушка ненавидела в себе эту особенность – краснеть. Только это выдавало ее истинные чувства. А еще Саша ненавидела таких, как Ян, – наглых, самоуверенных, тех, кто считает, что весь мир лежит у их ног.

Облокотившись о столик, на котором стоял лишь са-

мый минимум косметики, девушка задумчиво уставилась на свое отражение. В ее голове бродили разнообразные мысли.

Этого Яна им навязали. Кто знает, почему. Вся команда не примет его – а ведь это так, снисходительна к чужаку пока только Динка, но она маленькая, еще ничего не понимает, и ее можно будет исподволь заставить поменять свое мнение. Они объявят черному холодную войну и тогда посмотрят, хорошо ли ему придется. В крайнем случае, можно будет даже пойти на жесткие меры – скажем, подставить его перед Евгением Михайловичем. Если действовать слаженно, командой, это удастся.

Александра не сомневалась в том, что Ян – их враг, возможно, несмотря на уверенность директора, как и Арина, двойной агент. Нет, доверять ему было бы огромной непростительной ошибкой.

«Так и поступим!» – решила Саша, и в этот момент увидела, что ее отражение насмешливо, даже глумливо улыбается.

Девушка застыла, наблюдая, как ее зеркальный двойник протягивает к ней руку, а затем отшатнулась и зажала ладонью рот, чтобы не закричать.

– Ну что же ты боишься? Я вернулась. Ты, наверное, скучала?.. – прошептало отражение...